

European Journal of Humanities and Social Sciences

Nº 6 2021

European Journal of Humanities and Social Sciences

Scientific journal

Nº 6 2021

ISSN 2414-2344

Editor-in-chief Maier Erika, Germany, Doctor of Philology

International editorial board

Abdulkasimov Ali, Uzbekistan, Doctor of Geography
Adieva Aynur Abduzhalalova, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Arabaev Cholponkul Isaevich, Kyrgyzstan, Doctor of Law
Barlybaeva Saule Hatiyatovna, Kazakhstan, Doctor of History
Busch Petra, Austria, Doctor of Economics
Cherniavskaya Olena, Ukraine, Doctor of Economics
Garagonich Vasily Vasilievich, Ukraine, Doctor of History
Jansarayeva Rima, Kazakhstan, Doctor of Law
Karabalaeva Gulmira, Kyrgyzstan, Doctor of Education
Kvinikadze Giorgi, Georgia, Doctor of Geographical Sciences
Kiseleva Anna Alexandrovna, Russia, Ph.D. of Political Sciences
Khoutyz Zaur, Russia, Doctor of Economics
Kocherbaeva Aynur Anatolevna, Kyrgyzstan, Doctor of Economics
Konstantinova Slavka, Bulgaria, Doctor of History

Lewicka Jolanta, Poland, Doctor of Psychology

Massaro Alessandro, Italy, Doctor of Philosophy

Marianna A. Balasanian, Georgia, Doctor of Philology

Meymanov Bakyt Kattoevich, Kyrgyzstan, Doctor of Economics

Serebryakova Yulia Vadimovna, Russia, Ph.D. of Cultural Science

Shugurov Mark, Russia, Doctor of Philosophical Sciences

Suleymanova Rima, Russia, Doctor of History

Fazekas Alajos, Hungary, Doctor of Law

Proofreading

Kristin Theissen

Cover design

Andreas Vogel

Additional design

Stephan Friedman

Editorial office

Premier Publishing s.r.o. Praha 8

- Karlín, Lyčkovo nám. 508/7, PSČ 18600

E-mail:

pub@ppublishing.org

Homepage:

ppublishing.org

European Journal of Humanities and Social Sciences is an international, German/English/Russian language, peer-reviewed journal. It is published bimonthly with circulation of 1000 copies.

The decisive criterion for accepting a manuscript for publication is scientific quality. All research articles published in this journal have undergone a rigorous peer review. Based on initial screening by the editors, each paper is anonymized and reviewed by at least two anonymous referees. Recommending the articles for publishing, the reviewers confirm that in their opinion the submitted article contains important or new scientific results.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Instructions for authors

Full instructions for manuscript preparation and submission can be found through the Premier Publishing s.r.o. home page at:
<http://www.ppublishing.org>.

Material disclaimer

The opinions expressed in the conference proceedings do not necessarily reflect those of the Premier Publishing s.r.o., the editor, the editorial board, or the organization to which the authors are affiliated.

Premier Publishing s.r.o. is not responsible for the stylistic content of the article. The responsibility for the stylistic content lies on an author of an article.

Included to the open access repositories:

The journal has Index Copernicus Value (ICV) 72.42 for 2018.

The journal has the GIF impact factor .342 for 2019.

© Premier Publishing s.r.o.

All rights reserved; no part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without prior written permission of the Publisher.

Typeset in Berling by Ziegler Buchdruckerei, Linz, Austria.

Printed by Premier Publishing s.r.o., Vienna, Austria on acid-free paper.

Section 1. Gender Studies

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-6-3-14>

Jiaying Sun,
Miss Porter's School, Current Student
at Miss Porter's School, Connecticut
E-mail: jsun22@missporters.org

Betty Wang,
Institution: Ivy Analytics LLC
E-mail: betty.wang@ivymind.org

WOMEN AND GENDER IN ANCIENT EGYPT

Abstract. This paper will examine the different roles of Ancient Egyptian Women in the archaeological and textual evidence, including an introduction of the roles that family, burial, and religion played in the lives of women during the Pharaonic period of Egypt's history. After offering a brief examination of these facets of female lives, the paper will analyze the lives of three exceptional women – Hatshepsut, Nefertiti, and Tiye – in order to show how they managed to obtain power during periods of intense social pressure.

Keywords: Ancient civilization, women's rights.

Introduction

In the long history of humanity, there have been times when women found a way to attain the same level of power that men held in society. Women in Ancient Egypt had always been valued and given more rights and obtained higher positions than in most other Ancient cultures [14]. The gap between the gender roles in Ancient Egypt is less vast. As in all other civilizations, men were mostly the leader of households. However, entering the 11th Dynasty, titles such as *nb.t-pr* meaning the “Lady of the House” appeared, which implies that women could take a role to organize the economics in the households as well [16]. Although the women’s gender role is deeply rooted in all societies that their main orbit of work was at home and doing housework, there were pieces of evidence from the private tombs of Old to

New Kingdom date showed that women could also engage in business and trade. Furthermore, a few jobs in the outside world are also open to both male and female such as the cultic singers.

Coming to the topic of women in Ancient Egypt, the scarcity of the discovered evidence always first comes to the archaeologists’ mind. And as their representation was not major in these pieces of evidence, women are often considered of lesser significance [6, 15–23]. In the later part of this paper, this will be discussed again and overturned. Different types of evidence have been discovered from Ancient Egypt, including textual, representational, and archaeological. These evidence usually appear in fragmentary forms which pose many challenges for archaeologists to interpret. The study of Ancient Egyptian women was not easy because “any detailed

study of the past reveals contradictions and anomalies” [7, 170–171].

There were mainly two reasons that women could not have a major status in the pieces of evidence. Archaeologically, it was easier to excavate in the dry deserts where all the tombs and funerary temples were. Comparably, the excavation in the “water-logged cultivated soil” was harder to proceed, where the settlement sites were [18, 156–157]. Thus, little is known about the households. However, as women did not appear in public places often, this lack of knowledge regarding the settlement sites is detrimental to any kinds of study of the Ancient Egyptian women. Furthermore, the economic and social factors also play a big role in this puzzle. The Ancient Egyptian society is divided into two populations: elites, which are comprised of the king, the officials and their families, and non-elites, the rest of the population. The hierarchical social structure rooted the different rights elites and non-elites could enjoy. Elites liked to reflect their ideal ideology of the world on existing archaeological tomb chapels: the non-elites serving the needs of the elites [18, 157–158].

Other evidence could be found to explore more about this topic, rather than the sole ideal sight of the elites. Unlike other ancient civilizations, Ancient Egyptian women enjoyed a more elevated status as men. Although history records the lives of some royal women in Ancient Egypt because of their strong political family background and because they were favored by the king, a lot of the historical evidence for their accomplishments was ultimately erased and credited to males after their deaths.

General overview of women in Ancient Egypt

Women in Ancient Egypt enjoyed more rights than any of the ancient civilizations. They were fortunate in that they could have their own properties, sign contracts, divorce by their own will, and engage in the legal system by playing the role of a witness [20]. The Egyptians believed in happiness and joy as their goals for life. The stereotype for women in

every civilization always perform them as a subordinate role: “they listen more” [4, 369–371]. While some civilizations require women to behave more fierce, the Ancient Egyptians saw the positive side of these feminine traits. The female kings proved that women could rule successfully in their different way. Males desire war and aggression, while the female kings were able to lead Ancient Egypt through a peaceful dynasty and keep their civilization for more than 3,000 years. Although these women might be treated poorly afterwards, for example, by erasing their achievements from records, they were the salvation of the society by leading the dynasty to become a heyday of peace and prosperity. That is the reason why women were regularly chosen to be pharaohs at the time [4, 371–372].

The Law and Property

Women had similar legal rights compared to men in Ancient Egypt: women could own properties, be involved in the legal system, and stand as a witness on the court [11, 41]. They had access to all these rights which women from other civilizations could not enjoy. Women could also inherit property from their parents, while men saw this as a threat, the Her-mopolis Law Code in the third century BC made altercations for male children to have the first pick on the lots. Moreover, if a marriage did not turn out well, women also had the right to initiate a divorce and disinherit the child. Take the famous will of Naunakhte as an example. She had previously been married twice and she disinherited her children at a local court around 1144 BC – ‘But see I am grown old, and see they are not looking after in my turn’ [7, 41]. This evidenced that women at least had the right to freely dispose of their own property when they feel the need to. This was extensively beneficial to women because they could cut loss in time and not be suppressed by men during a marriage.

Burial Sites

In this day and age, people can measure one’s social status or economic power based on how deluxe his or her statue and burial location is, and it was the

same in Ancient Egypt. In Ancient Egypt, only the wealthiest members of the society could own votive statues and stelae around the temples associated with the donor for the temple and ritual [18, 166–167]. Most of the statues belonged to men, and there is barely one in existence for a woman. Women were allowed to have stelae freely, but most of them still belonged to men. Initially, some scholars considered these women's financial resources as a reason that there are fewer statues of women, but this assumption is soon disproved by the existence of many elite women. However, since women could attain property in their own right, it is attainable for them to buy statues and stelae on their own [18, 185].

In addition, women had always been placed in the associative chambers and they were depicted as subsidiary roles on the stone-cut tombs [21, 439–441]. Around 1000 BCE, women gradually began to receive similar treatment after their deaths. However, when comparing the tombs in Deir el-Medina, it was evident that women had fewer goods accompanied in their tombs [11]. The distinction between male and female appeared the same in the royal families. For example, in the burial of Yuya and Tjuyu, the father and mother for Queen Tiye, provided by the king, Yuya had more equipment than Tjuyu [21, 167–168]. It can be concluded that although Ancient Egyptian women had a higher status than women from other civilizations, the distinction between the two gender is still indelible.

Working Women

There had been records that a few prestigious women could receive education, but there were few records showing them entering into official works. It was not because women were inhibited from working, it was rather that women or young girls took on different responsibilities – nuptial and domestic – at the same age when her brother would enter from apprenticeships into professional occupations [21, 211–212]. Being the mistress of the house in the non-elite class could take a lot of time because of all the houseworks, while the elite women did not

need to do works. Although one of the important responsibilities of women was their motherhood, there is evidence that they took a part in the labor field alongside men [8].

Women could enter medical schools and become physicians. Other jobs that they took a part were seers, beer brewers, and textile work managers [15]. From the time of the Old Kingdom of Egypt (2613–2181 BCE), there was a job title – “sealers” (one of the most important job titles one could have) – who was responsible of securing all the important records and objects. As Egyptologist Gay Robins noted:

...Women as sealers are evidence of their equality with men throughout Egypt's history. Even though, as in the home, men were considered the dominant authority figures, women could obviously hold the same position as long as they were not supervising and giving orders to men ... [18].

Furthermore, women could also retain administrative titles, such as the ‘Sole Royal Ornament’, ‘Daughter of Horus’, ‘Judge and Vizier’, ‘Countess’... Among these, The vizier held the most prominent position and it was not hereditary. Not only did the Vizier acted as the king's right hand, he/she also acted as both “senior civil servant and chief judge” [21, 217–218]. It was surely abnormal for a woman to be appointed as the Vizier, but there was incontrovertibly a record delineating the Old Kingdom Lady Nebet, wife of Huy, to be the Vizier. However, it was likely that the duties were undertaken by her husband, Huy, she still owned the honor which no woman could have until the 26th Dynasty [21, 218].

Women in Religion

Deities played a major role in every Ancient Egyptian's life. Androgyny was a factor among the gods,: gender fluidity was eminent and even extended to the rulers. However, the society and the world of gods in Ancient Egypt was more heteronormative, and as all the other ancient societies, gender roles are set in Ancient Egypt [7, 21–23]. The males were more “aggressive and active”, who typically took a leading role in the intercourse, and females were

"thereto encourage, support and nurture the male lead". Goddesses were generally involved in nurturing characteristics, and gods engaged in more powerful titles, such as Amun, the Sun god [14]. Regarding the deities in the New Kingdom pantheon, the goddesses displayed more facets of womanhood, such as "human fashion, falling in love, and marrying". These all served to explain more about the roles of women outside of the households [21, 409–413].

Elite Women v.s. Non-elite Women

While female deities played an important role in the Egyptian pantheon, the priesthood was dominated by Egyptian men. Only a few women could serve as priestesses of goddess Hathor in the Old Kingdom and the beginning of the Middle Kingdom [7, 25]. From the Old Kingdom Period, women could be titled as *hmt ntr ht-hr* (Priestesses of Hathor) who had their own tombs. These women were always from the elite class, while this job could offer the woman some stipend, it was not a means that the "poverty-stricken" families could use to boost up their lot [21, 26]. In the Old Kingdom, females could also be administrators who took the role of administrating the servings to the deities, although their status might not be elevated as high as men. However, the role of men and women did overlap sometimes as their jobs sometimes were the same [21, 26]. This evidence testifies that females sometimes were in charge of works that men were also offered to do, suggesting that females were viewed as skillful as men during that period.

In other cases, beginning from the 18th Dynasty (1550 to 1295 B.C.), some royal women could become a position called the "God's Wife of Amun" at Thebes and conduct some rituals in the temple of Amun [18, 163–164]. God's Wives were quite powerful because they could practice control over the priests' power and they seemed like the "God's hand." Thus, a few women were able to grasp the central power in their hands by utilizing the title of the "God's Wife" to gather believers, such as Hatshepsut who gathered her power and obtained the sup-

port from priests by wielding their title of the "God's Wife" [18, 163]. Though there appeared to be more priests than priestesses, women retained a relatively important role in religion. They were not always secondary to males as these women with the title of the "God's Wife" could almost be on a par with the king [21, 27–29].

As elites controlled the majority of estates, non-elites worked in temples and royal workshops. The workers were usually men, which means women were often not part of the workshops [18, 183–185]. These positions all show the limits for non-elite women as they could not be employed in a lot of the outdoor work fields. Thus, they did not have major roles in the society because they did not regularly present in the public. There is limited evidence for their domestic roles, and yet, we do know a fair amount about the distinction between men and women through the difference in their burial location, tomb chapel, and religious rituals.

In comparison to elite women, non-elite women in Ancient Egypt generally do not appear in textual sources or artwork reliefs created by them. The few texts and visual materials allowed scholars to understand the typical roles of the non-elite women in Ancient Egyptian society, such as "grinding grain, baking, and weaving" [18, 182]. Men could sometimes be associated with these jobs, however, they were more often considered as women's work. Women could have multiple titles, but they were mainly indoor ones such as "household servants, musicians, and dancers, hairdressers and probably wet-nurses" [18, 183]. Workers were usually men, meaning women often did not take a part in official apprenticeships. However, this does not indicate that it was an official oppression from women for women to gain influential positions, it was rather a custom that has preserved for ages.

Hatshepsut, Nefertiti and Tiye as Women of Power – Hatshepsut

Although elite women were able to achieve power along the course of their careers, they still faced

limitations because of their gender. As an answer to this conundrum, examples of elite women are presented as rare examples of female power. In order to analyze the role of women in Ancient Egypt, it is necessary to introduce three important women from Pharaonic times: Hatshepsut, Nefertiti, and Tiye. Hatshepsut, the most powerful woman in the 18th Dynasty (1550 to 1295 B.C.) for over twenty years, is a prominent representation of women with a royal background coming into power. She has been always known as the nefarious stepmother or a “saviour of a dynasty line” as little historical information is known about her [21, 146–148]. Hatshepsut had many great achievements as she “left Egypt better off than she’d found it” [4, 121–123]. Sadly, after her death, her nephew and co-king erased her achievements and credited them to her father, Pharaoh Thutmose I, and grandfather, Pharaoh Amenhotep I.

As the first daughter of Thutmose I, she was born in an era of prosperity and expansion in Ancient Egypt. Thutmose I trained his daughter to be the next God’s Wife of Amun, the patron god of Thebes. Born in a royal family, she enjoyed all the rights that the high class could. Hatshepsut is an adequate example for demonstrating women from royal class could join the governmental court more easily and with talented skills. When she was young, Hatshepsut learned from the best tutors on politics, religions, and economics in Egypt before becoming God’s Wife of Amun at the age of 10 [1, 213]. Moreover, she gained many privileges as a holy woman with her new position. She had the power of the religious centers, and she was a representation of the god to the people of Ancient Egypt [4, 127–129].

Not long after, Hatshepsut was married to Thutmose II, her half-brother, after her father passed away. When Thutmose II died, the court crowned Thutmose III who was an infant and Hatshepsut acted as a regent behind him [4, 137–141]. That was the time for her to utilize all the rights and knowledge she gained from her position. Watching her mother, Ahmes, rule on behalf of Thutmose II, Hatshepsut al-

ready learned how to wield political power [22]. Nevertheless, she was able to reach beyond her mother after she received the education from the best tutors and retained the support from priests. High officials, such as the courtier Ineni, pledged their loyalty. Ineni described Hatshepsut as “a mistress of decrees and words, effective were her counsels” on a hieroglyphic tomb text [2]. During the first few years of Thutmose III’s regency, Hatshepsut remained as her title of a “God’s Wife and Great Royal Wife”, but she certainly has announced herself as a co-regent and had been enthroned as a king during the seventh year [21, 472–473].

Hatshepsut validated her position and eliminated all the social pressure coming at her by using her influence related to the gods and her title of “the daughter of Amun.” In the temple of Deir el-Bahri, a scene depicts Amun impregnating Ahmes, Hatshepsut’s mother. This scene served as an official explanation of her assumption of power [21, 476–478]. The oracle of Amun strengthened people’s loyalty to her. Other historical evidence in places such as at the Red Chapel at Karnak also portray Hatshepsut as the “rightful heir” announced by Amun [7, 150]. So Hatshepsut utilized her influence related to the gods and used the name of gods to deliver her commands and did not receive objections from her people [4, 152–153]. Religion plays a significant role in the Ancient Egyptians’ hearts, so there is no doubt that people followed Hatshepsut as she is titled as the lineage of the God Amun.

Hatshepsut achieved a considerable amount of success during her reign. For example, she secured and expanded the borders, made the elites rich, built temples for religion, and re-established trading relationships with distant lands [4, 121]. Hatshepsut has successfully expanded the trade routes by sending a trade mission to the land of Punt for restoring a commercial partnership. The land of Punt exchanged goods such as gold, resin, wood, ivory, and wild animals with Egypt. Due to the boost in the trade networks, the economy during Hatshepsut’s

reign prospered [9]. She rejuvenated the national economy of the Ancient Egypt by bringing the trades together and gathering exotic goods from Punt – these are all signs that she was a true king [7, 152]. Moreover, Hatshepsut also brought back the former glories of Ancient Egypt by restoring temples and building more impressive monuments. This action helped the people she ruled over to have more confidence in the nation [21, 373]. The achievements that Hatshepsut has accomplished may even outshined those that men had done.

After reigning for twenty-two years, the queen died around 1458 B.C.. Towards the end of her reign, Thutmose III had been ordering people to erase all his aunt's records. Some assumptions suggest that the young king took these actions solely to boycott the females who were trying to take over the authority [7, 153–154]. Thutmose left his son, Amenhotep II's name on monuments crediting Hatshepsut because Thutmose wanted to maintain a patrilineal legacy for his offspring. The last thing Thutmose III had done was to elevate the children of non-royal women as his legacy because the royal women became too dominant in the end. He taught his children to fear royal women in power and his actions marked a momentous shift away from imperial female power that had been in power a few years before [21, 191–194].

Overall, what Hatshepsut achieved is undoubtedly impressive. She has contributed to make women's roles higher than those of men and showed the world that women could achieve the same level of things as men [7, 154]. We could not assume that Hatshepsut was solely the wicked stepmother by the few evidence we had collected. She appeared to be an evidence that women at that era could perform even better than men and that they were not any weaker.

Nefertiti

Hatshepsut was not the only woman in Ancient Egypt who left a significant mark on women's history. Queen Nefertiti was known for her immortal beauty, as her name implies "A beautiful woman has come" [21, 381]. Nefertiti was born during a strong cen-

tralized era as King Amenhotep III ruled for almost 40 years [4, 183–185]. Some suggested that she could be the daughter of Ay, a top advisor in Ancient Egypt, others suggested that she might be a princess in northern Syria [23]. Amenhotep III had a fanatic love towards the Sun gods and, as a boy, Amenhotep IV was certainly influenced by his father. He led some radical religious changes after he came to the throne. Nefertiti later became Amenhotep IV's wife and was more than a beautiful accompaniment in the history. Throughout Nefertiti's life time, she had experienced very strange things and she accomplished a lot in order to restore Egypt back to normalcy [4, 184]. However, just like Hatshepsut, Nefertiti received no credit for all the great achievements she carried out for the dynasty.

Nefertiti possibly met the king around the age of twelve and was selected as the Great Royal Wife for Amenhotep IV in Year 4. She was the perfect person for the position because she enjoyed similar privileges, having a wet nurse and tutor, and she knew her place [4, 194–196]. Prosperity allowed the young king Amenhotep IV to do anything he intended. All the elites celebrated along with the king and their lifestyle was very extravagant. Nefertiti was shown everywhere with the king, which was something no former queen could enjoy before him. She acted a subordinate role in accordance with her husband [23, 382–383].

Amenhotep IV started his fanaticism with his belief in monotheism – the Sun god, Aten. He made a Sed Festival, the jubilee, only for celebrating Aten and he started ordering artisans to construct some newly structured temples [7, 155–158]. With all the actions Amenhotep IV took, Nefertiti was always alongside him. Soon after the jubilee, he even changed his name into Akhenaten, meaning "Amen is at Peace", and Neferneferuaten for his wife, meaning "The Beauty of the Beautiful Ones of the Aten, The Beauty Has Come" [4, 204]. He then moved to a newly created sacred city, Akhenaten, namely "The Horizon of the Aten". Akhenaten needed Nefertiti

alongside when constructing such radical changes. It strengthened Nefertiti's political image in a way because she was one of the few people Akhenaten could trust completely. Nefertiti was also given a same height as Akhenaten, something no queen had before [4, 209]. Akhenaten was not a good king overall. He exploited the workers by working them to death because he wanted to simply finish the numerous construction projects timely.

However, all of a sudden, there was no depiction of Nefertiti in the documents after Year 12. Evidenced by the introduction of a new co-king after Year 12 naming Ankhkheperure Neferneferuaten, she simply became a co-regent next to her husband [7, 157]. As the name was given by the king, Nefertiti was made a co-regent by Akhenaten. Later during his reign, Akhenaten became even more radical, chiseling out all the names of Theban gods Amun and Mut. Akhenaten finally died around Year 17, relieving the Ancient Egyptians from more a decade of oppression [4, 221–223]. The next king ruling was named Ankhkheperure Smenkhkare. It was not entirely certain that this was Nefertiti, but in order for her to rule completely, she had to abandon every feminine side of her, thus abandoning her original name, Nefertiti. And there were still some feminine features displayed for her on a lot of the inscriptions, so Smenkhkare might have been Nefertiti [4, 225]. One of the few things Nefertiti prioritized was a relinquishment the city of Akhenaten. She then tried her best to restore the society back to the older reforms and tapped her grandson Tutankhaten to become a king after her. She was the only female king who was able to successfully give the next throne to her own offspring [4, 229–230].

It was Nefertiti who was able to save the reputation of Dynasty 18 by restoring all the rules after the radicalism by Akhenaten. In this way, she was viewed as a reconstructionist [19]. She was a woman who reversed her husband's religious rules and she made divine offerings to Amun, restoring all the foundations of Ancient Egypt [4, 240]. However, as her

grandson took the throne, historians lost tracks of her on the historical evidences. Tutankhaten was a prominent king after her, but nobody inscribed the achievements that Nefertiti had done for the country. As a result, people still know her just as a beautiful woman rather than her many political, administrative, and religious accomplishments.

Tiye

Moving beyond Hatshepsut and Nefertiti, we can gain further insight into the role of a powerful women independently gaining status in Ancient Egypt by looking at the figure of Tiye. Tiye was the birth mother of Akhenaten and the mother-in-law of Nefertiti. Unlike Hatshepsut and Nefertiti, the archaeological evidence of Tiye is more visible in history. Tiye was the daughter of Yuya, who was a priest from Akhmin, and Tjuyu, who was a servant of the queen mother, Mutemwiya. They were not royalty but they lived in the royal palace [13]. Tiye was believed to have met Amenhotep, who was a prince at the age around twelve or thirteen and ascended with him later when he became the king. Like any other kings, Amenhotep III had many wives but Tiye was the most favored among them. Amenhotep III gave her political prominence on the court and she was very significant on the political court during Amenhotep III's reign [12]. As a result, she was featured on so many monuments of that era. Unlike other queens, Tiye was rather intelligent and strong so that she became the advisor and confidant of her husband, Amenhotep III, and was one of the few who were truly trusted by the king [5].

During their reign, as King Amenhotep III busied himself with building great monuments, temples, and palaces, Queen Tiye also played a diplomatic role. She was wise and strong in her personality and as a result she was respected by foreign courts. She was able to negotiate with the foreign courts as a woman and behaved as a co-regent with her husband [5]. Tiye seemed to be regarded with respect because a scarab for celebrating the king's marriage to a Mitanni princess for diplomatic purposes. Her

name was mentioned first in the inscription, which might indicate that she was an important figure in the diplomatic alliance with Amenhotep III. She was also mentioned in many other diplomatic documents and was the first Egyptian queen to have her name on official policies [5]. She was different from the common female because she was a woman who was able to engage actively in politics while her husband, the king, is still alive and healthy. Her powerful position was all because she had the intelligence from her parents and was fierce in her personality so she could have strong opinions against other people in the court. After all, researchers cannot be very assured about her place in history, but one consensus that unquestionably stayed behind was that “she was a woman of great fortitude and determination” [10].

The era of Amenhotep III’s reign was undoubtedly luxurious and powerful. The King and the Queen also loved each other and enjoyed each other’s company. Surprisingly, her monuments were the same size as the King [3, 23]. She was also the same height as her husband as depicted in statues. Normally, the king would be taller or bigger than others to show his privilege in his position or gender role. However, Tiye was shown as the same height as Amenhotep III in the dyad statuary [13]. These illustrations of her with her husband could be shown as an evidence that she was favored by the king, but more importantly, it was also due to her brilliant diplomatic skills and intelligence so that she was put in an important position by the king. Amenhotep III reigned for at least thirty-eight years, and in the end, Tiye outlived him for several years [14]. Evidence of her interference in reigning during her son’s reign is present as well and her intelligence and bravery allowed her to serve as a mentor to her son, Akhenaten (husband of Nefertiti). When she died, she was to be buried in a tomb at Amarna but would ultimately be transferred to the Valley of Kings. Pieces of evidence were later discovered by archaeologists but were not complete since items from her funeral were moved to another place, possibly the tomb of Amenhotep III [18, 31–34].

Discussion

The three women in these pages – Hatshepsut, Nefertiti, and Tiye – together are evidence of the glory of female in an ancient culture. Though they were historical figures who existed in different time periods, they all utilized their abilities and intelligence to save their countries from recession or lead it to prosperity [21, 502–504]. In order to reach a dominant position in Ancient Egypt, women had to either have a royal background similar to Hatshepsut or have a very appealing appearance like Nefertiti, or be very intelligent like Tiye. A comparison between the three women helps to shed further light on the roles that they played as elite leaders of Egypt.

Hatshepsut was similar to Nefertiti in that they both do not have sufficient existing evidence for historians to interpret: we only have access to little information about them. Hatshepsut was “canny” in that she obtained the throne saying she was the “royal wife of Amun,” and as a result, the priests all believed in her actions. It was a powerful move because in Ancient Egypt, religion played a big role in people’s lives. Thus, having the priests’ support was crucial for Hatshepsut to validate her central power. Although she was only able to rule for a few years, she could not escape from the social norms that men ruled with in the society so in her later depictions, scholars found out that she tended to depict herself as more masculine [4, 321–233]. As Simon Worall commented:

... She left Egypt better than she found it! She put Egypt and her dynasty onto a secure footing... The reason I’m so drawn to Hatshepsut is because she did everything so perfectly, which is something that is idealized... [25].

Her achievements are unquestionable as scholars all had the consensus. After she had performed so many distinguished accomplishments such as restoring the trading routes and rebuilding all the statues, she could not avoid her downfall and in the end her records being erased by the offspring since her role was not accepted in the society ultimately.

Nefertiti differed from Hatshepsut through the way in which she obtained power. She was exceptionally attractive so that she was favored by the king and acted on the same level with the king. Indeed, she should be known for a reputation of her effort of saving the 18th Dynasty. She was a savior and came to throne after her husband's farce. She was more successful than any other Egyptians queens because she served a successful female power that embraced multiple aspects of a kingship and because she put her people at ease after the turmoil caused by her husband. However, all of the achievements she had done could only be credited to a masculinized king figure rather than her efforts and accomplishments as the queen. Furthermore, her achievements were only revealed in the modern age through archaeology a long time after the fact. The tendency for modern historians to focus upon her looks and discredit her political career continues. On the online secondary resources, things mainly about her appearance came up and people ignored the fact that she was also a co-regent who helped Egypt back to normalcy. She was known for her prepossessing beauty, but when she was in reign, she avoided herself from depicted in a feminine way. Nefertiti was a great woman and king in the end because she resolved all the troubles left by the man before her, and after that, she wasn't ambitious and simply faded from the history [25].

Tiye differed from both of them because she was able to come into power due to her strong personality, ability, and most importantly, her intelligence. She had records left of her but her mummy and personal information were only unveiled not long ago. She is a significant figure because she could rule independently, meaning that she did not need to depend on anyone before she came to the throne. Compared to the other two women, Hatshepsut depended on her family background and Nefertiti used her influence as a subordinate wife to Amenhotep IV, she (Tiye) proved that women could rule in power and associate with diplomatic issues no worse than men using her own capacity.

Women have always worked hard to obtain equal rights and power or stand in the same position as men could, all the way tracing back to the Pharaonic times. Not a lot of societies would allow a woman to step in front of a man acceding to the throne, so actions that the Ancient Egyptian women could take is enviable by women of other Ancient cultures such as Ancient Greece where the ideology of patriarchy emerged [21, 363]. However, only a few women were able to achieve for themselves and contribute to the development of the gender roles in the long history [18, 185]. In a society that was particularly male-dominated, men felt threatened by those prominent women who "assumed the male office of kingship" and often obliterated names of their predecessors to strengthen their own rights to rule [7, 4]. Although these exceptional women could serve as a different example for the women in this male-dominated world, the non-elite women did not obtain the same high position in Egyptian society but they were much more elevated than women in other ancient societies [6, 25].

To some extent, women in Ancient Egypt could enjoy rights which appear shocking to women in all other ancient civilizations. Take an example of women in Ancient Greece who did not have access to legal rights. They were not allowed to have their own property, have any jobs related to the court, and they had to call the male members in family as "lords" [10]. On the other hand, women from Ancient Mesopotamia also did not have a significant role in their society. Their most important identity was to secure a male line and their maternal responsibility [24, 86–114]. Though in the later eras, women could take part in trades and professional jobs, they were still not part of the legal system, while there were several female kings that rose to prominence in Ancient Egypt.

The rights of Ancient Egyptian women surpassed that of Ancient Greek and Ancient Mesopotamian women through abundant facets. Throughout the Ancient Egyptian history, genders are undoubtedly

linked with people's economic status and religion. Rather than being in a role that has been by a "deliberate policy of oppression", it was just a result of accepted custom which has been continued for decades [7, 171–172]. So it is patent that women in Ancient Egypt were not considered of lesser status than men. At times, women also involve themselves on the court if they intended to, even became female kings (or co-regent) as Hatshepsut, Nefertiti, and Tiye did, while few chose to do so. The unequal property rights that both genders shared were not a result that men restricted, but rather, it was a long-lasting custom [7, 172].

Conclusion

This paper organized evidence to challenge a common misinterpretation that women typically did not have the ability to rule in the county in the ancient societies and gathered the existing few information of Hatshepsut, Nefertiti, and Tiye to argue that they can just be as strong and intelligent as men. As Ancient societies were not very well-developed in their ideologies and civilizations, it is common for people to think Ancient civilizations were all patriarchal because men had stronger bodies than women, and there were a lot of manual labors only men could do. The prominent women in the Ancient Egyptian society serves as an example that Ancient women were able to come into power and rule over men. The central ideology in the Ancient Egyptian civilization was called *ma'at*, namely the "harmony and balance in all aspects of one's life" [14]. This core value can be seen through the gender roles in their society as women could stand on equal positions as men or sometimes even higher.

It does not matter which period people are in history, people's roles in the societies depend on several factors: their gender, their economic background,

their intelligence, or the education they have received [18, 185]. Non-elite women still stayed inside and did housework or served the elite women. After all, in the society of Ancient Egypt, gender roles also inextricably corresponded with economics and religion as discussed in the introduction. The fact that these women could thrive in a male-dominated society and were able to come to power on their own means indicates that the Ancient Egypt was not as much a men's society as scholars once made it out to be [6, 22–23]. Some Ancient Egyptian women were able to achieve such a great status also largely because the landed property is passed from mothers to daughters, and so great powers are within the hold of females.

Scholars have written a lot of articles to emphasize the absence of women in the history, mainly on exceptional women, such as the female kings. However, the womanhood of Ancient Egypt is too complex to include in just several lines of words, we tend to fit the women into the scale of our own expectations and values. As we discovering more about the ancient records, more facets of the Ancient Egyptian womanhood reveal and remind us that a conventional grand narrative cannot conclude the women's long history. As archaeologists keep unfolding new records of women in the Ancient Near East, more evidence of womanhood existed in that era will be released. Gender has a duality: after assessing women's rights in Ancient Egypt, it can be concluded that that they possessed a unique balanced individuality beyond the male domination of society and sought for roles available for them to be outstanding. The historical relics deposited a memorial inspiration as martyrs for women's rights movements in the long history from the suffrage movements to the now-days protests.

References:

1. Ayad Mariam F. God's Wife, God's Servant: The God's Wife of Amun – (C. 740–525 BC). – London: Routledge, 2013.
2. Breasted James Henry. Ancient Records of Egypt. Chicago: University of Illinois Press, 2001.

3. Callender Gae. *A Critical Examination of the Reign of Hatshepsut*. North Ryde, NSW: Macquarie ancient history Association, 1988.
4. Cooney Kara. *When Women Ruled the World: Six Queens of Egypt*. – Washington, DC: National Geographic, 2020.
5. Fekri Magdi. “The Diplomatic Role of the Royal Women in Ancient Egypt.” Edited by Amal Nadi Mohamed and Manal Massaud. ResearchGate, January 2020. https://www.researchgate.net/publication/338839400_The_Diplomatic_Role_of_the_Royal_Women_in_Ancient_Egypt
6. Gansell Amy Rebecca, Agnete W. Lassen and Klaus Wagensonner. “Women’s Lives in the Ancient Near East and Facets of Ancient Near Eastern Womanhood.” Essay. In *Women at the Dawn of History*, Yale, Connecticut: Yale Babylonian Collection, Peabody Museum of Natural History, Yale University, 2020. – P. 15–23.
7. Graves-Brown Carolyn. “Conclusion.” Essay. In *Dancing for Hathor: Women in Ancient Egypt*, New York: Bloomsbury, 2013. – P. 170–71.
8. Hansen Nicole B. “The Role of Women in Ancient Egyptian Civilization.” TheCollector, March 22, 2020. URL: <https://www.thecollector.com/ancient-egyptian-civilization>
9. Jarus Owen. “Hatshepsut: Powerful Female Pharaoh.” LiveScience. Purch, May 18, 2018. URL: <https://www.livescience.com/62614-hatshepsut.html>.
10. Johnson Janet H. *Women’s Legal Rights in Ancient Egypt*. The University of Chicago Library, 2020. URL: <http://fathom.lib.uchicago.edu/1/777777190170>
11. Joyce Rosemary A. and Lynn M. Meskell. *Embodied Lives: Figuring Ancient Maya and Egyptian Experience*. Taylor & Francis Ltd: – Routledge, 2014.
12. Klimczak Natalia. “Tiye: One of the Most Influential Women of Ancient Egypt.” Ancient Origins. Ancient Origins, June 11, 2016. URL: <https://www.ancient-origins.net/history-famous-people/tiye-one-most-influential-women-ancient-egypt-005481>
13. Mark Joshua J. “Tiye.” Ancient History Encyclopedia. Ancient History Encyclopedia, January 27, 2021. URL: <https://www.ancient.eu/tiye>
14. Mark Joshua J. “Women in Ancient Egypt.” Ancient History Encyclopedia. Ancient History Encyclopedia, January 23, 2021. URL: <https://www.ancient.eu/article/623/women-in-ancient-egypt>
15. Mark Joshua J. “Women’s Work in Ancient Egypt.” Ancient History Encyclopedia. Ancient History Encyclopedia, January 27, 2021. URL: <https://www.ancient.eu/article/1058/womens-work-in-ancient-egypt>
16. Matić Uroš. “Gender in Ancient Egypt: Norms, Ambiguities, and Sensualities.” ResearchGate. ResearchGate, September 2016. URL: https://www.researchgate.net/publication/308040957_Gender_in_Ancient_Egypt_Norms_Ambiguities_and_Sensualities
17. “Queen Tiye Found! .” University of Chicago: The Oriental Institute, October 15, 1976.
18. Robins Gay. *Women in Ancient Egypt*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012.
19. Taronas Harvard University, Laura. “Nefertiti: Egyptian Wife, Mother, Queen and Icon.” ARCE. Accessed December 23, 2020. URL: <https://www.arce.org/resource/nefertiti-egyptian-wife-mother-queen-and-icon>.
20. Thompson James C. “Women in Ancient Egypt.” Women in Ancient Egypt. Accessed November 28, 2020. URL: http://www.womenintheancientworld.com/women_in_ancient_egypt.htm
21. Tyldesley Joyce Ann. *Daughters of Isis: Women of Ancient Egypt*. – London etc.: Penguin Books, 2005.
22. Tyldesley Joyce. “Hatshepsut.” Encyclopædia Britannica. Encyclopædia Britannica, inc. Accessed November 11, 2020. URL: <https://www.britannica.com/biography/Hatshepsut>

23. Tyldesley Joyce. "Nefertiti." Encyclopædia Britannica. Encyclopædia Britannica, inc., December 28, 2020.
URL: <https://www.britannica.com/biography/Nefertiti>
24. Vivante Bella. "Women in Ancient Mesopotamia." Essay. In Women's Roles in Ancient Civilizations: a Reference Guide, – Westport, CT: Greenwood Press, 1999. – P. 86–114.
25. Worall Simon. "The Truth behind Egypt's Female Pharaohs and Their Power." Culture, December 14, 2018. URL: <https://www.nationalgeographic.com/culture/2018/12/queens-egypt-pharaohs-nefertiti-cleopatra-book-talk/#close>

Section 2. History

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-6-15-34>

Malakhov Sergei Viktorovich,
Candidate of Historical Sciences, Russia
E-mail: svmalakhov@mail.ru

CLOSENESS OF FEATURES, CHARACTERIZING EASTERN (SOCIALIST) AND COMMUNIST (SOCIALIST) SOCIETIES AND CONSIDERED IN THE WORKS OF K.H. MARX AND F. ENGELS

Abstract. The article contains materials of K. Marx and F. Engels, concerning practice of solving key social issues in (ancient) Eastern countries, on the one hand, and their proposed solutions of these issues for a time of transition to communist orders, on the other. From these materials it follows that the corresponding solutions for the one and the other time were similar to each other. However, K. Marx and F. Engels wrote about this closeness almost nothing.

Keywords: Asiatic mode of production, socialist fundamentalism, history of Russia, K. Marx and M. A. Bakunin.

Малахов Сергей Викторович,
кандидат исторических наук, Россия
E-mail: svmalakhov@mail.ru

БЛИЗОСТЬ ЧЕРТ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ВОСТОЧНЫЕ (СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ) И КОММУНИСТИЧЕСКИЕ (СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ) ОБЩЕСТВА И РАССМАТРИВАЕМЫХ В РАБОТАХ К.Г. МАРКСА И Ф. ЭНГЕЛЬСА

Аннотация. В работе собраны материалы К. Маркса и Ф. Энгельса, касающиеся практики решения ключевых общественных вопросов в (древне)восточных странах, с одной стороны, и предложенных ими решений этих вопросов для времени перехода к коммунистическим порядкам, с другой. Из этих материалов следует, что соответствующие решения для одного и другого времени были сходны между собою. К. Маркс и Ф. Энгельс не писали об этой близости, однако же, почти ничего.

Ключевые слова: азиатский способ производства, социалистический фундаментализм, история России, К. Маркс и М. А. Бакунин.

Супруновой Прасковье Михайловне

Рассматриваемые в этой статье вопросы касаются и тех или иных общих характеристик классических социалистических – древневосточных – обществ. Последние три года тому назад были изложены здесь [1]. Странами неклассического социализма называются в настоящей работе страны, господствующим классом которых тоже является этаократия, но классовый состав которых может повторять таковой в современных им несоциалистических государствах. Пестрота эта, однако же, относительна, поскольку фон их остаётся таким же, как и прежде, более или менее двоичным. Эти страны не бывают авангардными, какие бы заимствования из несоциалистической ойкумены в них не осуществлялись. Их формационный порядок не делает это возможным. Если сравнивать страны неклассического социализма с обрабатываемыми землями, то господство этаократии в них в лучшем случае делает их посредственными и приносящими не бог весть какие сборы, даже если они засеваются материалами, на других землях дающими очень хорошие урожаи. Как правило, заимствованные линии претерпевают в этих странах трансформацию стагнационно-отрицательного, а не положительного – как в своё время ожидалось, скажем, К. Марксом и Ф. Энгельсом – свойства.

В индексе, открывающем каждый раздел работы, левое относительно точки число обозначает порядковый номер темы. Единица правее точки – подраздел, посвящённый трактовкам К. Марксом и Ф. Энгельсом той или иной (древне)восточной проблематики. Двойка правее точки – их оценкам той или иной античной или средневековой тематики, связанной с соответствующими вопросами (древне)восточного происхождения. Тройка правее точки – трактовкам К. Марксом и Ф. Энгельсом или их отношению к той или иной тематике нового времени, связанной с соответствующей (древне)восточной проблематикой. Четвёрка правее точ-

ки – той или иной связи неклассических социалистических обществ марксистских цветов с соответствующей (древне)восточной тематикой.

1.1–2) В одной из работ 1843 г., тогда не вышедшей, К. Маркс пишет, что в азиатских деспотиях свобода отсутствует как на политико-государственном, так и на неполитико-государственном уровне, и что первый из них в общем следует частному (так) произволу одного лица [2, 255]. В открытом письме к А. Руге того же времени он замечает, что деспотизму необходимо присуще скотство, и что подобные отношения скотством же и поддерживаются [2, 377]. В статье Маркса, написанной годом раньше, упоминается и негативное равенство, свойственное подобным порядкам: люди при них одинаково обесценены [2, 79]. В рукописных материалах 1857–1858 гг., наконец, обращают на себя внимание его слова о поголовной несвободе, держащейся на Востоке и отличающейся как от невольнической, так и от крепостной зависимости [3, 280; тж. 3, 265; 4, 358; 5, 183–184].

Следуя той же традиции, в одной из статей 1843 г. Ф. Энгельс пишет о рабстве как одном из полюсов того, другим полюсом чего является деспотизм [2, 526]. (Но когда в одной из статей 1887 г. он замечает, что «в азиатской и классической древности преобладающей формой классового угнетения было рабство, то есть не столько экспроприация земли у масс, сколько присвоение их личности», это можно рассматривать как известный пересмотр результатов исследований означенного круга вопросов Марксом [6, 348–349]. В поздних работах Ф. Энгельса можно найти и другие примеры подобного рода.) В предпоследнем уже его письме К. Марксу (1882 г.) говорится: «Несомненно, крепостное право и зависимость не являются какой-либо специфически средневеково-феодальной формой, мы находим их всюду или почти всюду, где завоеватель заставляет коренных жителей обрабатывать для него зем-

лю, в Фессалии, например, это имело место очень рано... И положение христиан в Турции в период расцвета... полуфеодализма [в ней] имело некоторые черты сходства с этим» [7, 112–113]. Последнее не противоречит трактовке классически-социалистических отношений как предполагавших крепостную зависимость, но не являвшихся феодальными [1, 25–26].

1.2) Небезынтересно, что в рукописных материалах 1881 г. К. Маркс связывает сочетание частной и общей земельной собственности, сложившееся на западе средневековой Европы, с известной свободой, присущей ей тогда: «...Община, в которой пахотная земля является *частной собственностью* земледельцев, в то время как леса, пастбища, пустоши и пр. остаются еще *общей собственностью*, была введена германцами во всех покоренных странах. ...Она на протяжении всего средневековья была единственным очагом свободы [в них] ...» [8, 417–418].

1.2–4) В рукописных материалах 1863–1867 гг. К. Маркс отчасти противопоставляет азиатские и европейские формы деспотизма, называя последние цивилизованными [13, 347]. Это, как и некоторые другие подобные места в его работах [напр.: 14, 164, 170; 16, 346], подтверждает, что те или иные структуры, сложившиеся в более ранних общественных формациях, в трансформированном, но узнаваемом виде могут присутствовать и в формациях более поздних. Вследствие этого наличие в большей части классовых обществ этакратии и много из того, что с этим связано, не может, например, служить аргументом против того, что по своему происхождению она являлась и до настоящего времени является господствующим классом социалистических обществ. Преобладающее же большинство населения неклассических социалистических стран правильнее всего, на наш взгляд, рассматривать как людей полу(не)свободных.

1.3) В одной из статей Ф. Энгельса 1843 г. можно прочесть, что в чартистских кругах Вели-

кобритании были люди, считавшие, что со временем коммунистические колонии могут поставить множество и множество людей под иго тягостной несвободы. Энгельс, не соглашаясь с этим, пишет в ней, что напротив, «действительная свобода и действительное равенство станут возможными лишь при коммунистических порядках» [2, 532]. Он был прав в том, что отнюдь не немарксистские коммунистические колонии, не проповедовавшие насилия, приведут через несколько десятков лет после их с К. Марксом ухода к широкому распространению тоталитарных государственных порядков в мире, но прежде всего их с Марксом учение и обусловленная им социалистическая практика.

В статье 1884 г. «Маркс и “Neue Rheinische Zeitung” (1848–1849)» Ф. Энгельс пишет об этом просоциалистическом печатном издании следующее: «Конституция редакции [«NRZ»] сводилась просто к диктатуре Маркса. Большая ежедневная газета ... ни при какой другой организации не может последовательно проводить свою линию... Для нас [её сотрудников, придерживавшихся коммунистических взглядов] диктатура Маркса была чем-то само собой разумеющимся, бесспорным, и мы все её охотно принимали. Именно его проницательности и твёрдой линии газета была в первую очередь обязана тем, что стала самой известной немецкой газетой революционных лет» [6, 17].

В одном из писем К. Маркса Ф. Энгельсу 1852 г. можно прочесть, что А. Симон, земляк К. Маркса по Триру, открыто осуждал его и Ф. Энгельса за то, что они и идущие за ними люди не склонны были считаться с выбором других людей, желая «насильственно октроировать [т.е. даровать] народам “свободу”» и, как можно было ожидать, обрекая их на этом пути на деспотию худшую, чем та, что связывалась с именем императора России [9, 20–21]. Наследие такого продолжателя дела Маркса и Энгельса, как Ленин, с Россией большей частью и связанное, справедливость этого предсторожения, во всяком случае, подтверждает.

В письме того же года А. Клуссу, также придерживавшемуся коммунистических взглядов, в США К. Маркс пишет: «В письме ты найдешь конверт – в него вложена стряпня... Теллеринга, которую он мне прислал по почте: (адрес) Карлу Марксу, будущему диктатору Германии. Теперь спрашивается, что мне делать с этим... Может быть, лучше всего раз и навсегда отлучить его как следует? Поручаю тебе всё это... [Он] заставляет английскую полицию обратить на меня внимание, что весьма неприятно при торийском правительстве...» [9, 437–438]. Э. фон Мюллер-Теллеринг сотрудничал в 1848–1849 гг. в «Новой Рейнской газете» («NRZ»). В 1850 г. в Кёльне вышла его брошюра «Предчувствие грядущей диктатуры Маркса и Энгельса в Германии». Её фон Мюллер-Теллеринг, в 1852 г. эмигрировавший в США, и прислал тогда, надо полагать, К. Марксу.

На 1874–1875 гг. приходится конспект К. Маркса работы М. А. Бакунина «Государственность и анархия. Борьба двух партий в Интернациональном обществе рабочих» (1874 г.). Между прочего Маркс выписывает из неё слова Бакунина о себе как человеке просвещённом, но нетерпимом и абсолютном, «как Иегова, господь бог его предков» (оба деда К. Маркса были раввинами), и в нравственном отношении выглядевшим не лучшим образом [10, 607–609]. И далее: «[В 1863 г. Ф.] Лассаль “образовал преимущественно политическую партию немецких рабочих, организовал ее иерархически, подчинил строгой дисциплине и своей диктатуре, словом – сделал то, что г-н Маркс в последующие три года хотел сделать в Интернационале. Попытка Маркса вышла [однако же] неудачно...”» [10, 610]. Целью её, считал М. А. Бакунин, было «установление его диктатуры в Интернационале, а посредством Интернационала – [и] над всем революционным движением пролетариата» [10, 619–620].

Жена К. Маркса, Женни, в письме К. Либкнехту 1872 г. так пишет о времени его работы в Интернационале: «Пока Мавр вёл всю работу

и с огромным трудом... поддерживал [его] единство... перед всем миром, перед сонмом врагов, предостерегал Товарищество от нелепостей, и внушал страх и ужас дрожащей толпе, нигде не выступал на первый план, не посещал ни одного конгресса, пока на его долю доставались все труды и никакой чести – сволочь молчала. Но стоило друзьям предать его имя гласности и выдвинуть его на первый план, как вся свора полицейских и “демократов” завыла одно и то же: “Деспотизм... [и т.д.]”» [11, 570–571].

В одном из писем дочери К. Маркса, Лауре, 1887 г. Ф. Энгельс пишет: «Враньё [К.Р.] Северин насчёт попыток выбросить все другие фракции [французских социалистов, представленные в общесоциалистической газете «Le Cri du Peuple», из неё] будет объяснено обычной нетерпимостью марксистов, и, несомненно, постараются приписать всю вину “руке, которая сломила Интернационал”; при этом они подразумевают... твоего покорного слугу. Тут ничего не поделаешь, и мне это совершенно безразлично. Но такова всегда была наша судьба... чем больше мы показывали свою готовность сотрудничать с честными и искренними людьми, поскольку они стоят на действительно рабочей платформе... [тем больше люди] с которыми мы отказываемся иметь дело, объявляют нас нетерпимыми, деспотическими и неприступными» [12, 509].

2.1–4) В одном из писем К. Марксу 1846 г. Ф. Энгельс замечает, что «единый бог никогда не мог бы появиться без единого царя», его словами, – «единого восточного деспота» [15, 56]. (Интересны в этом отношении и слова Маркса – I т. «Капитала», 1867 г.– о том, что на челе богоизбранного народа было начертано, что он – собственность Иеговы [16, 373], и то, что Энгельс в одной из статей 1882 г. называет этот народ «аристократией среди верующих» в него [8, 313].) «На Востоке... деспота превращают в бога», отмечает Маркс в одном из материалов 1858 г., и такая власть носит теократический характер [17, 430]. В одной из ста-

тей 1854 г. он пишет, что в восточных странах государство и церковь, политика и религия, закон и вера (в последнем случае речь у него идёт об Османской империи) теснейшим образом, почти что до их неразличения, переплетены между собой. В России, например, считал он, церковь немногим отличалась от других её государственных структур [18, 130–131; тж. 19, IV]. Отмеченные здесь К. Марксом черты, на наш взгляд, объясняются недифференцированностью, свойственной социалистической формации как раннему и ещё не трансформировавшемуся в определённо структурированную совокупность частей общественному порядку.

Ф. Энгельсу принадлежит и следующее место в одной из статей 1882 г. «Во всех религиях, существовавших до того времени, главным была обрядность... В то время как Рим и Греция в этом отношении проявляли терпимость, на Востоке свирепствовала система религиозных запретов, которая не мало способствовала наступившему в конце концов [его] упадку. Люди двух разных религий – египтяне, персы, евреи, халдеи – не могут вместе ни пить, ни есть, не могут выполнить совместно ни одного самого обыденного дела, едва могут разговаривать друг с другом. Это отделение человека от человека [и] было одной из основных причин гибели Древнего Востока. Христианство [в отличие от этого] не знало никаких вносящих разделение обрядов... Обращаясь ко всем народам без различия, христианство... становится [со временем] первой возможной мировой религией... Ислам [же], сохранив свою специфически восточную обрядность... ограничил область своего распространения Востоком...» [8, 313].

2.2–3) В одном из писем Ф. Лассалю 1862 г. К. Маркс замечает, что испытывает «специфическое отвращение к христианству» [20, 516 и 21, 204–205], в котором, согласно его эссе 1844 г., отрицательно завершается гражданское общество [2, 411–412], и которое Ф. Энгельс в одной из работ 1886 г. с полным на то основанием называет мировой религией Запада [6, 295], враждебной

коммунистическим ценностям (последнее – из его статьи 1843 г.) [2, 532].

3.1) В письме П. В. Анненкову 1846 г. К. Маркс упоминает кастовый строй, по его мнению, явившийся исторически определённым видом общественного разделения труда [15, 404; 22, 434]. В одной из работ 1847 г. он ставит его после патриархального и перед феодальным [21, 153–154]. В последующие годы – до выхода I т. «Капитала» – Маркс несколько раз касается этого вопроса в связи с историей Египта и Индии, а также взглядами Платона, которые, согласно одной из его статей 1842 г., могут расцениваться как коммунистические [2, 117]. Кастовый строй основывался, полагал К. Маркс, на наследственном разделении труда, поддерживавшемся на этих территориях [17, 722; 23, 317].

3.4) Формационное единство классического и неклассического типов социализма позволяет использовать материалы этого круга, относящиеся к части классически-социалистических обществ, для подтверждения ответа на вопрос о характере социальной мобильности в неклассически-социалистических странах как ведущей ко всём большей закрытости господствующего в них класса и в пределе – к совершенной его закрытости.

4.1) В одном из писем Ф. Энгельсу 1852 г. К. Маркс в тоне полускрытой насмешки пишет о связывании коммунистической идеи со Спарой или Тауантинсуйу [9, 121]. Вместе с тем в рукописных материалах 1857–1858 гг. он ведёт речь о «коммунизме перуанцев» в обычной уже рабочей манере [5, 449–450], характеризуя в них Тауантинсуйу и Ацтекию как страны восточной в общем отнесённости [3, 119, 269; 24, 349; 16, 97; 25, 133]. С последними он сближает в этих материалах и порядки в землях этрусков и кельтов [3, 269; 24, 20, 284; тж. 26, 523–524; 16, 345]. Ф. Энгельс в одной из статей 1857 г. характеризует Спарту как государство преимущественно военное, все свободные граждане которой, господствовавшие в ней, были военнообязанными

[27, 12]. В работе 1884 г. большую, бесправную и подневольную часть её населения, илотов, он рассматривает как крепостных людей [6, 66].

4.3) В программной работе 1880 г. «Развитие социализма от утопии к науке» «уже прямо коммунистические теории» Э.-Г. Морелли и Г.Б. де Мабли Ф. Энгельс, во всяком случае, квалифицирует как «аскетически суровый, спартанский коммунизм» [8, 191; тж. 28, 283].

5.1) В одном из писем Ф. Энгельсу 1853 г. К. Маркс, солидаризируясь с Ф. Бернье, замечает, что «в основе всех явлений на Востоке... лежит отсутствие частной собственности на землю», и называет сказанное ключом к «восточному небу» [9, 215]. Энгельс соглашается с этим объяснением [9, 221–222]. Несколько позже в одной из статей того же года Маркс уже в положительной форме пишет об азиатских традициях, согласно которым земли являлись государственной собственностью [29, 222]. В статьях 1858 г. он обращает внимание на то, что в большинстве стран Востока верховное право собственности на землю и соответствующие поступления с неё искони принадлежат государству [17, 497, 529].

5.3) В одной из работ 1843 г., тогда не опубликованной, К. Маркс пишет, что «в сравнении с грубой бессмыслицей независимой частной собственности... зависимость от государственного имущества нравственна» [2, 338]. Ф. Энгельс в одном из своих выступлений 1845 г. замечает, что «в сущности принцип налогового обложения является чисто коммунистическим... так как право взимания налогов во всех странах выводится из так называемой национальной собственности... [Она] стоит выше частной собственности и настоящим собственником является государство. Этот последний принцип общепризнан... и [мы] требуем пока только того, чтобы [он]... соблюдался, чтобы государство объявило себя всеобщим собственником и как таковое управляло бы общественной собственностью на благо всего общества» [30, 544–545]. В одной из работ уже 1880 г. он пишет, что «государственная

собственность на производительные силы не разрешает [при капиталистическом порядке классового] конфликта, но... содержит в себе формальное средство, возможность его разрешения» [8, 223 и 221–222]. В программной статье Ф. Энгельса 1847 г. подчёркивается, что «частная собственность должна быть... ликвидирована... её место заступит общее пользование всеми орудиями производства и распределение продуктов... Уничтожение частной собственности... является самым кратким и наиболее обобщающим выражением того преобразования всего общественного строя, которое стало необходимым» [21, 330]. И далее: «...Пролетариат будет вынужден... всё больше концентрировать в руках государства весь капитал, всё сельское хозяйство, всю промышленность, весь транспорт и весь обмен... Осуществимость этих мероприятий и порождаемая ими централизация будут возрастать... Когда [же] весь капитал, всё производство, весь обмен будут сосредоточены в руках нации, тогда частная собственность отпадет сама собой, деньги станут излишними...» [21, 333].

В «Манифесте Коммунистической партии», написанном К. Марксом и Ф. Энгельсом в 1848 г., говорится: «Коммунистическая революция есть самый решительный разрыв с унаследованными от прошлого отношениями собственности... Пролетариат использует своё политическое господство для того, чтобы... централизовать все орудия производства в руках государства, т.е. proletariata, организованного как господствующий класс... Это может, конечно, произойти сначала лишь при помощи деспотического вмешательства в право собственности... [Так] в наиболее передовых странах могут быть почти повсеместно применены следующие меры: 1. Экспроприация земельной собственности и обращение земельной ренты на покрытие государственных расходов. 2. Высокий прогрессивный налог. 3. Отмена права наследования... 5. Централизация кредита в руках государства... 6. Централизация всего транспорта в руках государства. 7. Увеличение

числа государственных... орудий производства, расчистка под пашню и улучшение земель по общему плану. 8. ...Учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия. [И т.д.]» [21, 446–447].

В выступлении на Генеральном Совете Интернационала 20 июля 1869 г. К. Маркс говорил: «Наши усилия должны быть направлены на то, чтобы никакие орудия производства не оставались частной собственностью... В полуварварском состоянии такой порядок, может быть, был необходим, но теперь уже – нет. Все средства производства должны быть обобществлены...» [31, 594]. В одной из его статей 1872 г. подчёркивается, что «на конгрессах [Интернационала] в Брюсселе и Базеле [1868 и 1869 гг.] большинство [делегатов] высказалось за... положение, согласно которому коренное улучшение положения рабочего класса может быть достигнуто, только если общественные средства сообщения и земля станут собственностью государства» [32, 456; тж. 18, 57]. Ф. Энгельс в 1870 г. ссылаясь на это решение Базельского конгресса, передаёт его следующим образом: «...В интересах общества необходимо обратить земельную собственность в коллективную, национальную собственность» [31, 419].

В одной из работ 1873 г. Ф. Энгельс пишет: «[После прихода к власти пролетариата] ...совокупным собственником домов, фабрик и орудий труда остаётся “трудящийся народ”. Пользование этими домами, фабриками и прочим едва ли будет предоставлено, по крайней мере, в переходное время, отдельным лицам или товариществам без покрытия издержек. Точно так же уничтожение земельной собственности не предполагает уничтожения земельной ренты, а передачу её, хотя и в видоизмененной форме, обществу. Фактическое владение всеми орудиями труда со стороны трудящегося народа не исключает, следовательно... сохранения найма и сдачи в наём» [10, 278]. И далее: «...Передача земельной ренты государству равносильна уничтожению индивидуальной

земельной собственности» [10, 280]. В одной из работ 1880 г. он пишет: «Пролетариат берёт государственную власть и превращает средства производства прежде всего в государственную собственность» [8, 224]. Наконец, в письме Ф. А. Бебелю 1886 г. Ф. Энгельс замечает: «...При переходе к полному коммунистическому хозяйству нам придется в широких размерах применять в качестве промежуточного звена кооперативное производство, – в этом Маркс и я никогда не сомневались. Но дело должно быть поставлено так, чтобы общество – следовательно, на первое время государство – сохранило за собой собственность на средства производства и, таким образом, особые интересы кооперативного товарищества не могли бы возобладать над интересами всего общества...» [12, 361; тж. 6, 349–350].

Обратим внимание и вот на что. Интересы всего общества выражает в этой трактовке пролетариат. Интересы всего пролетариата – революционный пролетариат. Интересы всего революционного пролетариата – партия революционного пролетариата. Интересы всей партии революционного пролетариата – руководство последней. Но и с этим было не очень и не всегда строго. В одной из работ 1887 г. Ф. Энгельс, например, пишет, что «главное требование Маркса – захват всех средств производства от имени общества пролетариатом, добившимся безраздельного политического господства, – стало теперь требованием всего революционного рабочего класса» [6, 336]. В одном из писем К. Маркса Ф. Энгельсу 1859 г. можно прочесть: «...Мандат представителей пролетарской партии мы получили от нас самих, а не от кого-нибудь ещё. [И т.д.]» [33, 355].

6.1) В рукописных материалах 1857–1858 гг. К. Маркс так объясняет господство государственной формы собственности на землю на Востоке: «Чем меньше собственность отдельного человека может быть фактически использована только совместным трудом (т.е. таким образом, как, например, при системе орошения на Востоке) ... тем

больше имеется условий для того, чтобы отдельный человек стал *частным собственником земли... обособленная обработка которой предоставляет- ся ему и его семье*» [3, 270]. (Землю и воду в экономическом отношении К. Маркс и Ф. Энгельс во многом уравнивали [34, 65].)

В одной из статей 1853 г. К. Маркс пишет, что «необходимость экономного и совместного использования воды... на Востоке,— где цивилизация была на слишком низком уровне и где размеры территории слишком обширны, чтобы вызвать к жизни добровольные ассоциации,— повелительно требовала вмешательства централизующей власти правительства. Отсюда та экономическая функция, которую вынуждены были выполнять все азиатские правительства, а именно функция организации общественных работ... Система искусственного повышения плодородия почвы, зависевшая от центрального правительства и... приходившая в упадок при нерадивом отношении этого правительства к ирригационным и осушительным работам, объясняет тот... факт, что мы видим теперь... пустынными целые территории, некогда бывшие прекрасно возделанными... В азиатских государствах земледелие приходит в упадок при одном правительстве и снова возрождается при каком-нибудь другом. Здесь урожай так же зависит от хорошего или дурного правительства, как в Европе – от хорошей или дурной погоды» [29, 132–133]. Водно-мелиорационные общественные работы, создание, поддержание и совершенствование соответствующей инфраструктуры – а всё это являлось государственным делом – лежали, пишет здесь Маркс, в основе восточного земледелия. Таким оно, в его оценке, было в Египте, Месопотамии, Эламе, Индии и других странах [29, 132, 134, 226–227; 16, 523 и 9, 221–222]. Обслуживание водно-мелиорационной и транспортной инфраструктур требовали, отмечает он в I т. «Капитала», простой кооперации множества занятых в этом работников, и такая кооперация использовалась, от Индии до Перу и Этрурии [16, 340, 345–346; 3, 38].

6.3) При этом в полной мере отвечающим коммунистическому общественному строю К. Маркс и Ф. Энгельс считали именно колективный, совместный, ассоциированный труд. В «Обращении Центрального комитета к Союзу коммунистов», например, написанном Марксом и Энгельсом в 1850 г., говорится о желательности того, чтобы «конфискованная феодальная собственность осталась государственным достоянием и была превращена в рабочие колонии, обрабатываемые ассоциированным сельским пролетариатом, который использует все преимущества крупного земледелия» [35, 265]. В письме Ф. А. Бебелю Ф. Энгельса 1875 г. последний приводит программное требование «осуществления колективного производства в промышленности и земледелии и в национальном масштабе» [36, 103 и 31, 419]. В рукописных материалах К. Маркса 1881 г. высказывается то мнение, что кризис существующего в мире невосточного общественного порядка «окончится уничтожением капитализма и возвращением современных обществ к высшей форме “архаического” типа коллективной собственности и коллективного производства» [8, 406]. В одной из статей Ф. Энгельса в рабочей газете того же года читаем, наконец, что «нам придется национализировать землю и обрабатывать её кооперативными товариществами под контролем народа» [8, 280].

7.1) В двух статьях 1853 г. К. Маркс характеризует индийские сельские общины как замкнутые – «их наихудшая черта, а именно распадение общества на однородные, не связанные между собой атомы» [29, 227] – автаркичные, традиционалистские, рутинные и неменяющиеся. Полуварварские, они, по его словам, были исконной основой восточного деспотизма – «изолированность сельских общин, отсутствие связи между жизнью одной общины и жизнью других... всегда воздвигает над общинами централизованный деспотизм» [8, 414] (оценка 1881 г.) – и несли на себе клеймо кастовых различий и рабства. Подобный порядок, по его

мнению, делал людей ограниченными, безынициативными, не ценящими себя и других людей [29, 135–136]. В рукописных материалах 1857–1858 гг. Маркс пишет о восточных общинах как о субстанциях (т.е. чём-то устойчивом, неизменном и существенном), о людях же, их составлявших, – как об акциденциях (чём-то изменчивом, несущественном и случайном) [3, 269, 273]. В них можно прочесть, что в азиатских формах общины преобладающий «объём производства рассчитан... на обеспечение [их] собственного существования», что «земледелие и ремесло слиты [в них] воедино» [3, 274–275 и 16, 369–370; тж. 38, 432], что история Азии, наконец, «это своего рода нерасчленённое единство города и деревни», в котором города могут рассматриваться просто как административные центры [3, 272 и 9, 214–215]. (В 1846 г. К. Маркс и Ф. Энгельс находили, что «противоположность между городом и деревней может существовать только в рамках частной собственности», основывающейся на обмене, и начинается с переходом от варварского эгалитаризма к государственно-общинному строю [34, 49–50]. В рукописных материалах 1863–1865 гг. Маркс пишет, что «как только городская промышленность как таковая отделяется от земледелия, её продукты с самого начала становятся товарами и, следовательно, для их продажи требуется посредничество торговли» [4, 365].) «При таком порядке вещей [индийская, скажем] община существовала на данном низком жизненном уровне, почти не вступая в сношения с другими общинами...» Изолированность сельских общин объясняла, полагал он, и отсутствие дорог в Индии [29, 226–227 и 24, 16]. При подобном порядке такие общины и территориальные структуры, из них состоявшие, издавна использовались для сбора натуральных рента-налогов [9, 230].

7.1–2) В рукописных материалах 1863–1865 гг. К. Маркс замечает, что «домашний ремесленный и мануфактурный труд как побочное производство при земледелии... является условием того способа производства, на котором покоятся это

натуральное хозяйство как в древней и средневековой Европе, так – ещё до настоящего времени – и в индийской общине, где ее традиционная организация ещё не разрушена» [5, 349 и 359–360]. В них же он пишет, что натуральное хозяйство преобладает на основе всякой системы личной зависимости, включая крепостную [25, 544].

7.3) В работе 1846 г., тогда не напечатанной, К. Маркс и Ф. Энгельс пишут о коммунистической революции как об уничтожающей разделение труда [34, 378, 440–441]. В «Манифесте Коммунистической партии» одной из задач, решение которых становится в повестку дня в передовых странах после коммунистической революции в них, называется «соединение земледелия с промышленностью, содействие постепенному устранению противоположности между городом и деревней» [21, 446–447]. В английском его издании 1888 г. эта задача определяется как «постепенное устранение различия между городом и деревней путём более равномерного распределения населения по всей стране» [21, 447]. Но сама она была поставлена К. Марксом и Ф. Энгельсом ещё в 1846 г. [34, 50; тж. 21, 333; 10, 276–277]. В одной из работ 1878 г. Энгельс сочувственно пишет, что «и Фурье, и Оуэн требовали уничтожения противоположности между городом и деревней как первого и основного условия для уничтожения старого разделения труда» [37, 304]. И далее: «... В лице крупных городов цивилизация оставила нам такое наследие, избавиться от которого будет стоить много времени и усилий. Но они должны быть устраниены – и будут...» [37, 308].

7.4) В социалистических странах марксистской отнесённости на деле, а не на словах их элитой поддерживаются конформистское поведение и однообразие во внутреннем мире людей, неповторимость и своеобразие которых справедливо рассматриваются последней как черты, плохо сочетающиеся с социалистическими порядками. Во многом поэтому и жизнями людей в них так мало дорожат, считая, что «бабы нарожают

[их] снова». В этих странах придают большое значение количеству, одному из центральных понятий социализма, и небольшое – качеству. Они скреплены большей частью по государственной вертикали и в несравненно меньшей мере – по горизонтали, обыкновенно связываемой с гражданским обществом.

8.1) В тех же посвящённых Индии статьях 1853 г. К. Маркс отмечает, что установление британского правления в ней привело к существенным социально-экономическим переменам революционного характера, до XIX в. на её территориях – как и вообще в этой части света – неизвестным [29, 133–135]. Эти изменения должны были, полагал он, демонтировать на индостанских территориях их прежний порядок и заложить материальные основы западного общества в Азии [29, 224–226].

О причинах крайне медленных положительных изменений в облике стран, принадлежащих к восточному общественному порядку, К. Маркс пишет в рукописных материалах 1863–1865 гг. следующее. «Благодаря... форме продуктовой ренты, благодаря необходимому при ней соединению сельского хозяйства и домашней промышленности... благодаря характеру натурального хозяйства вообще, эта форма как нельзя более пригодна для того, чтобы служить базисом застойных общественных отношений, как это наблюдается, например, в Азии. Здесь, как и при более ранней форме отработочной ренты, земельная рента является нормальной формой прибавочной стоимости, а потому и прибавочного труда... который непосредственный производитель принуждён даром, фактически, следовательно, по принуждению, выполнять на собственника существеннейшего условия его труда, на собственника земли...» [5, 359–360]. И страницей выше: «В какой бы мере продуктовая рента ни представляла господствующую и наиболее развитую форму земельной ренты, она всё же постоянно в большей или меньшей мере сопровождается

остатками предыдущей формы, то есть ренты, которая должна доставляться непосредственно в виде труда... и при этом всё равно, является ли земельным собственником частное лицо или государство» [5, 358 и 16, 152]. Именно нетоварная автаркическая экономика и являлась, таким образом, в трактовке К. Маркса, основой характерных для Востока крайне консервативных общественных отношений [тж. 29, 226].

8.2) Известной коррективой в этом отношении можно считать оценку К. Марксом средневековой истории Японии (I т. «Капитала», 1867 г.), согласно которой эта страна «с её чисто феодальной организацией землевладения и с её широко развитым мелкокрестьянским хозяйством даёт гораздо более верную картину европейского средневековья», чем западная историография его времени [16, 729]. В этой же работе он называет современную ему земледельческую культуру Японии – связывая её с натуральной, а не денежной рентой – образцовой [16, 152].

8.4) Нетрудно видеть, что официально поддерживавшееся советское объяснение истории Востока имело много общего со взглядами К. Маркса на историю Запада и мало общего с его интерпретацией истории Востока.

9.1–2) Наиболее развёрнутая интерпретация К. Марксом вопросов, рассматриваемых в этой работе, даётся им, однако же, в двух местах рукописных материалов 1857–1858 и 1863–1865 гг. Ниже – первое из них. «[Изначально при оседлом образе жизни] к земле люди относятся... как к собственности коллектива... Каждый отдельный человек является собственником или владельцем только в качестве звена этого коллектива... В большинстве основных азиатских форм... объединяющее единое начало, стоящее над всеми этими мелкими общинами, выступает как высший собственник или единственный собственник... общины [же]... лишь как наследственные владельцы. Так как это единое начало является действительным собственником и действительной

предпосылкой общей собственности, то само оно может представляться чем-то особым, стоящим выше этого множества... общин, в которых каждый отдельный человек, таким образом, на деле лишен собственности, или собственность... представляется для него опосредованной тем, что объединяющее единое начало, реализованное в деспоте как отце этого множества общин, предоставляет надел земли отдельному человеку через посредство той общины, к которой он принадлежит. Прибавочный продукт, который, впрочем, определяется законодательно... принадлежит поэтому, само собой разумеется, этому высшему единому началу... В условиях восточного деспотизма и кажущегося там юридического отсутствия собственности фактически в качестве его основы существует эта племенная... собственность, порождённая по большей части сочетанием промышленности и сельского хозяйства в рамках мелкой общины, благодаря чему такая община становится вполне способной существовать самостоятельно... Часть прибавочного труда общины принадлежит более высокой общине, существующей, в конечном счёте, в виде одного лица, и этот прибавочный труд дает о себе знать как в виде дани и т.п., так и в совместных работах для прославления единого начала – отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа, бога. Общинная собственность подобного рода... может проявляться либо таким образом, что мелкие общины влачат жалкое существование независимо друг около друга, а в самой общине отдельный человек трудится со своей семьёй независимо от других на отведённом для него наделе, либо таким образом, что единое начало может распространяться на общность в самом процессе труда, могущую выработать в целую систему, как в Мексике, особенно в Перу, у древних кельтов, у некоторых племен Индии... Общность внутри племенного строя может проявляться... и в том, что объединяющее единое начало представлено одним главой важнейшей

в племени семью или же объединяющим единым началом является связь отцов семейств между собой. Соответственно этому форма этого общества будет тогда или более деспотической или более демократической. Общие для всех условия действительного присвоения посредством труда, *ирригационные каналы*, играющие очень важную роль у азиатских народов, средства сообщения и т.п., представляются в этом случае делом рук более высокого единого начала – деспотического правительства... Города в собственном смысле слова образуются здесь... только там, где место особенно благоприятно для внешней торговли, или там, где глава государства и его сатрапы, выменивая свой доход (прибавочный продукт) на труд, расходуют этот доход как рабочий фонд» [3, 268–269; тж. 5, 183–184]. Несколько страницами ниже он пишет, что «так как отдельный человек при этой форме собственности никогда не становится собственником, а является только владельцем, он, по сути дела, сам – собственность... того, в ком олицетворено единое начало общины» [3, 279].

Там же Маркс замечает, что тот или иной характер распределения позволяет завоевателям жить за счёт дани, чиновникам – за счёт налогов, священнослужителям – за счёт десятины и т.д. [3, 30; 17, 713]. При том что в классовом отношении перечисленные подразделения, по нашему мнению, принципиально между собой не отличаются.

И второй текст. «... Во всех формах, при которых непосредственный работник остаётся “владельцем” средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности должно в то же время выступать как... отношение господства и порабощения, следовательно, непосредственный производитель – как несвободный; несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства... Непосредственный производитель владеет здесь сво-

ими собственными средствами производства, предметными условиями труда, необходимыми для осуществления его труда и для производства средств его существования; он самостоятельно занят своим земледелием, как и связанной с ним сельской домашней промышленностью. Эта самостоятельность не снимается тем, что, как, например, в Индии, эти мелкие крестьяне соединены в... производственную общину, так как здесь идет речь о самостоятельности только по отношению к номинальному земельному собственнику. При таких условиях прибавочный труд для номинального земельного собственника можно выжать из них только внеэкономическим принуждением, какую бы форму ни принимало последнее. Данная форма тем и отличается от рабовладельческого... хозяйства, что раб работает при помощи чужих условий производства и не самостоятельно... Необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени и прикрепление к земле... необходима крепостная зависимость в подлинном смысле этих слов. Если [же] не частные земельные собственники, а государство непосредственно противостоит непосредственным производителям, как это наблюдается в Азии, в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена, то рента и налог совпадают, или, вернее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты. При таких обстоятельствах отношение зависимости может иметь политически и экономически не более суровую форму, чем та, которая характеризует положение всех подданных по отношению к этому государству. Государство здесь – верховный собственник земли. Суверенитет здесь – земельная собственность, сконцентрированная в национальном масштабе. Но зато в этом случае не существует никакой частной земельной собственности, хотя существует как частное, так и общинное владение и пользование землей» [5, 353–354].

В рукописных материалах 1863–1865 гг. К. Маркс также отмечает: «Рента... выступает

исторически (что ещё в самых широких масштабах имеет место у народов Азии) как всеобщая форма *прибавочного труда*... Здесь присвоение этого прибавочного труда не опосредуется обменом, а имеет своей основой насилиственное господство одной части общества над другой» [38, 415].

9.1–3) В конспекте работы М. А. Бакунина, приходящемся на 1874–1875 гг., обращают на себя внимание и следующие слова К. Маркса: «...Так как в Сербии, по Бакунину, кроме народа существует только “класс чиновников”, то в чём же будет состоять сербская социальная революция, как не в устраниении чиновничего класса, который один составляет там “государство”?» [10, 600]. Если соглашаться со справедливостью приводимой Марксом оценки Бакунина, в которой речь шла и об отсутствии в Сербии той поры дворянства и буржуазии [56, 344–347], то в подобных условиях революция, на наш взгляд, скорее всего, вела бы к переходу от социалистического строя к порядку, напоминающему швейцарский или исландский. Отметим, что в одном из выступлений 1848 г. Ф. Энгельс обращает внимание на нелюбовь к чиновничеству как на черту, характерную для Рейнской провинции Пруссии, откуда он и К. Маркс были родом, и которую он тогда, насколько можно судить, разделял [39, 460].

9.3–4) В инструкции, составленной К. Марксом и на I конгрессе Интернационала (1866 г.) представленной как официальный доклад его Генерального Совета, предлагается оплачивать работу генерального секретаря Международного Товарищества Рабочих по ставке два фунта в неделю [31, 194]. Пять лет спустя это жалованье равнялось половине фунта в неделю. Выплачивалось оно за счёт членских взносов [40, 400, 451]. В регламенте МТР, также написанном Марксом и принятым его Генеральным Советом в 1871 г., среди прочего говорится: «Каждая местная секция [Интернационала] должна назначить специальный статистический комитет, чтобы быть всегда готовой... ответить на вопросы, с которыми

к ней могут обратиться федеральный совет или комитет её страны или Генеральный Совет. Всем секциям рекомендуется оплачивать секретарей статистических комитетов, принимая во внимание, что их деятельность принесёт общую пользу рабочему классу» [40, 453].

В одной из работ 1850 г. К. Маркс пишет, что социалистическая революция станет общеевропейской, поднимет красные стяги и повлечёт за собой продолжающуюся десятки лет мировую войну [35, 31–32, 80]. Ниже – его слова, сказанные на заседании ЦК Союза коммунистов в Лондоне в том же году: «...Мы говорим рабочим: Вам, может быть, придется пережить ещё 15, 20, 50 лет гражданских войн и международных столкновений не только для того, чтобы изменить существующие условия, но и для того, чтобы изменить самих себя и сделать себя способными к политическому господству...» [26, 431 и 582]. В одной из статей 1849 г. Ф. Энгельс пишет, что в приближающихся мировой революции и мировой войне будут уничтожены «не только реакционные классы... но и целые контрреволюционные народы... Это тоже будет прогрессом» [41, 178–179, 186]. Правда какого-то своеобразного, коммунистическо-нацистского толка.

В программной работе 1875 г., тогда не обнародованной, К. Маркс пишет: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе... И государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*» [8, 27]. (В одном из писем К. Марксу 1851 г. Ф. Энгельс называет его временным «террористического господства пролетариата», связанного с «необходимостью[ю] “пройти через красное море”» [15, 258]. Как и приведённые слова Маркса [26, 431 и 582], последнее представляет собой ветхозаветную аллюзию чрезвычайно мрачного содержания. В номере «Новой Рейнской газеты» от 19 мая 1849 г., напечатанном красной краской и последнем, К. Маркс пишет: «Мы бес-

пощадны и не просим никакой пощады [для себя]... Когда придет наш черёд, мы не будем прикрывать терроризм [нашей стороны] лицемерными фразами» [41, 548; тж. 41, 298 и 9, 490].) В черновике письма Г. Г. Триру 1889 г. Ф. Энгельс, оправдывая свои слова тем, что переход к коммунистическому порядку не был, по его убеждению, возможен без насилиственной революции, и «отвлекаясь от вопроса морали», замечает, что при подобных обстоятельствах «пригодно всякое средство, ведущее к цели, как самое насилиственное, так и то, которое кажется самым мирным» [42, 275; тж. 8, 465]. Незадолго до этого в материалах, связанных с М. А. Бакуниным, поясняя выражение «государство, т.е. пролетариат, организованный как господствующий класс» [21, 446], К. Маркс пишет, что это значит, что пролетариат, достигший достаточной силы и организованности, использует против «экономически привилегированных классов... общие средства принуждения» [10, 615].

«Пролетариат, организованный как господствующий класс», и представлял собой, очевидно, тот «определенный общественный класс», освобождение которого, как пишет Ф. Энгельс в работе 1880 г. «Развитие социализма от утопии к науке», следовало осуществлять в первую очередь [8, 191]. За год до кончины Ф. Энгельс в письме дочери К. Маркса Л. Лафарг подчёркивает, что «социалисты [не] должны поддерживать и защищать собственность крестьян... фермеров и[ли] арендаторов, применяющих наёмный труд» [43, 251]. В конце 1894 г. в письме Ф. А. Зорге он повторно обращает внимание на то, что социалистические убеждения и защита крестьянских интересов принципиально друг от друга отличны [43, 258]. Это ещё раз подтверждает, что в соответствии с марксистскими взглядами «общие средства принуждения» при «диктатуре пролетариата» должны были применяться не просто по отношению к значительной части поставленного под коммунистический контроль населения, но по отношению к большей его части, той, которую

К. Маркс и Ф. Энгельс называли народом. Для России, например, это должно было быть именно так, и именно так это и было.

К 1865 г. относится ремарка К. Маркса относительно того, что наибольшим, пожалуй, несчастьем для него было бы подчинение [44, 492]. Смиренье, покорность и зависимость ещё в одной из статей 1847 г. он называет качествами черни [21, 204–205].

9.4) Согласно мнению, высказанному после 1917 г. очень многими людьми, скрепы, которыми держались или держатся неклассические социалистические порядки марксистских цветов, это прежде всего насилие и ложь. Насилие же – это разновидность принуждения. «Внеэкономическое принуждение, какую бы форму ни принимало последнее» [5, 353], применялось и применяется в социалистических странах марксистской ориентации в виде отсутствия у их граждан прав на свободное пересечение их границ, нередкого отсутствия у их негородского населения прав на беспрепятственную перемену места жительства, институционально поддерживаемой затруднённости для их городского населения его перемены, отсутствия у их граждан прав на свободное поселение в тех или иных их городах, наличия принудительного труда в местах полного лишения свободы и т.д.

10.1–2) В рукописных материалах 1857–1858 гг. К. Маркс замечает, что торговля трансформирует производственные отношения тех обществ, между которыми она ведётся, связывая их с денежным обращением. Торговля, однако же, почти не поколебала основ древнеиндийского общинного порядка – «и вообщे азиатских отношений» [24, 372; 45, 355–356]. В I т. «Капитала» он пишет об этом: «При древнеазиатских, античных и т.д. способах производства превращение продукта в товар, а следовательно, и бытие людей как товаропроизводителей играют подчинённую роль, которая, однако, становится тем значительнее, чем далее зашёл упадок общинного уклада жизни» [16, 89 и 369–370]. В рукописных материалах 1863–1865 гг. Маркс отмечает, что «при рабовладельческих отношениях, при крепостных отношениях, при отношениях дани (поскольку имеется в виду примитивный общественный строй) присваивает, а следовательно, и продаёт продукты, рабовладелец, феодал, взимающее дань государство» [4, 358 и 363]. Если принять во внимание, что «упразднение меновой стоимости», т.е. торгового обмена, есть, как замечает Маркс ещё в рукописных материалах 1845 г., «упразднение частной собственности» [46, 242–243], то незначительная роль торговли при классическом социализме означает не что иное, как незначительную роль при этом общественном строе частной, в его терминологии, собственности.

10.3) В одной из статей 1844 г. Ф. Энгельс пишет о «безнравственной сущности торговли» [2, 549 и 561]. В программной работе 1875 г., какое-то время остававшейся закрытой, К. Маркс замечает, что «в обществе, основанном на началах колlettivизма, на общем владении средствами производства... не обменивают своих продуктов» [8, 18]. В работе Ф. Энгельса 1880 г. повторяется, что когда «общество возьмёт во владение средства производства... [в нём] будет устраниено [и] товарное производство» [8, 227].

11.1–2) В одной из работ 1859 г. К. Маркс даёт следующую периодизацию классовых формаций: «В общих чертах азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [47, 7 и 3, 39]. Эти способы производства в той же временной последовательности перечислены им и так или иначе охарактеризованы и в I т. «Капитала» (1867 г.): «Как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство частью образуют базис феодального способа производства, частью же, после его разложения, продолжают существовать наряду с капиталистическим производством. В то же время они образуют

экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования, после того как первоначальная восточная общая собственность уже разложилась, а рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени» [16, 346].

11.4) Повторим в этой связи, что полуофициальное советское объяснение истории Востока в части, связанной с именем В. В. Струве, в которой азиатская формация отрицается и объединяется с рабовладельческой, взглядам К. Маркса по этим вопросам не соответствовала, причём не в лучшую сторону. (Ср. со сказанным Марксом в рукописных материалах 1863–1865 гг., не о СССР, естественно, а о РИ: «В этой счастливой стране дела обставляются гораздо дипломатичнее, чем в других странах, и создается ещё большее различие между видимостью и сущностью... Если не принимать во внимание контрабандной торговли, не учитываемой официальной статистикой, то простой русский человек пьёт [например] горячую воду, и это дипломатично называется потреблением чая» [48, 80].)

12.1–3) К 1857 г. К. Маркс рассматривал Россию IX–XVII вв. как территорию с феодально-формационными, насколько можно понять, характеристиками. Те немногие замечания, касающиеся её истории, которые были сделаны им в этой связи, подобной оценке, на наш взгляд, однако же, не отвечают [19, IV].

На шестой год после отмены крепостного права в России в материалах Интернационала Маркс называет её мрачной азиатской державой, оказывающей отрицательное влияние на положение дел в Европе [31, 202; 40, 4]. В черновиках письма К. Маркса к В. И. Засулич 1881 г. обращают на себя внимание его слова о том, что в России «земля не является и никогда не была “частной собственностью” земледельца», что это «единственная страна в Европе, в которой общинное землевладение,— ниже он характеризует его как коммунистическое,— сохранилось в широком

национальном масштабе» и связано с большинством русского крестьянства [8, 411–413 и 49, 57–58]. Небезынтересно, что здесь, рассматривая вопросы, касающиеся России, Маркс не определяет, а прямо пишет об угнетении общин государством [8, 415; 50, 158], чего он обычно не делал. За 11 лет до этого в письме Ф. Энгельсу К. Маркс пишет о России, что у него «никогда не было особенно радужных представлений об этом коммунистическом Эльдорадо» [50, 357]. О русских они, как правило, хорошего мнения не были [20, 282, 306; 50, 195, 579; 33, 13–14].

То же, по существу, хотя и более определённо, пишет в одной из своих статей 1875 г. Ф. Энгельс: «... Изоляция отдельных общин друг от друга, создающая по всей стране, правда, одинаковые, но никоим образом не общие интересы, составляет естественную основу для восточного деспотизма; от Индии до России, везде, где преобладала эта общественная форма, она всегда порождала его, всегда находила в нем своё дополнение. Не только русское государство вообще, но и даже его специфическая форма, царский деспотизм... является необходимым и логическим продуктом русских общественных условий...» [10, 544]. В ещё одном материале того же времени он пишет, что «масса русского народа, крестьяне, столетиями, из поколения в поколение... влачили своё существование в трясине какого-то внеисторического прозябания, и единственной сменой, прерывавшей однообразие этого унылого состояния, были отдельные [их] бесплодные восстания» [10, 568]. Итогом всего этого, как он замечает в одной из статей 1855 г., были русские люди, которые «выполнят всё, что им прикажут, или всё, что их заставят сделать, но... не сделают ничего, если им придётся действовать на свою ответственность» [51, 480]. В письме Э. Бернштейну 1882 г. Ф. Энгельс пишет: «От Ирландии до России, от Малой Азии до Египта – в крестьянской стране крестьянин существует для того, чтобы его эксплуатировали. Так ведется со времен ассирийского и персидско-

го царств... Паша [высокопоставленное официальное лицо] – это главная фигура восточного эксплуататора» [7, 291]. В одном из его материалов 1874 г. можно прочесть, что несмотря на перемены, произошедшие в ней, до конца XVIII в. Россия «по существу оставалась такой же внеевропейской державой, как, например, Турция» [10, 506]. Если в одной из статей 1853 г. он называет Россию «страной с полуазиатскими общественными условиями, обычаями, традициями и учреждениями» [29, 21; тж. 17, 701; 19, V], то в письме Ф. А. Бебелю 1891 г. пишет о ней как о «полуварварской стране» [52, 197; тж. 18, 589], а о её крестьянских общинах в одной из статей 1893 г.– как о полукоммунистических [49, 403, 407].

Россия IX–XVII вв., на наш взгляд, представляла собой одну из неклассически-социалистических – и положительно не феодальных – стран, правящая элита которой была и западного, и восточного, и своего собственного происхождения. (В нынешней России некоторые её черты находят иногда феодальными. Но феодальными они и теперь не являются. Это черты социалистические, и определение «некоторые» плохо подходит для них.) Известное сходство с нею имели в этом отношении, например, испанский Парагвай XVII–XVIII вв. или нидерландская Ост-Индия XIX в.

Первый из них упоминается в работе К. Маркса и Ф. Энгельса 1873 г. в следующем контексте: «Тот самый человек [56], который в 1870 г. проповедует русским слепое, беспрекословное повиновение приказаниям, идущим свыше... который заявляет, что иезуитская дисциплина есть условие *sine qua non* [необходимое для] победы [правого дела] ... который провозглашает более авторитарный коммунизм, чем самый примитивный коммунизм... в 1871 г. затевает внутри Интернационала раскольническое... движение под предлогом борьбы против авторитарности и централизма немецких коммунистов, под предлогом создания... свободной федерации автономных [анархистских] групп и превращения Интернационала

в то, чем он якобы должен быть: в прообраз будущего общества. Если бы будущее общество было создано по образцу русской секции Альянса [социалистической демократии], то оно далеко превзошло бы Парагвай... иезуитов...» [10, 424].

О второй речь идёт в письме Ф. Энгельса Ф. А. Бебелю 1884 г.: «Если хочешь изучить образчик государственного социализма, примером тебе может послужить Ява. Там голландское правительство на основе древних коммунистических сельских общин так недурно “социалистически” организовало всё производство и... взяло в свои руки продажу всех продуктов, что кроме приблизительно 100 млн. марок на жалованье чиновникам и армии, ему ежегодно остаётся [ещё] около 70 млн. марок...» [12, 78]. Месяц спустя в письме К. И. Каутскому Ф. Энгельс пишет: «Следовало бы кому-нибудь взять на себя труд разоблачить распространяющийся, как зараза, государственный социализм, воспользовавшись его образчиком на Яве, где он процветает... [Там] голландцы на основе древнего общинного коммунизма организовали [принудительное] производство на государственных началах и обеспечили людям вполне удобное, по своим понятиям, существование... в пользу [же] голландской государственной казны поступает 70 млн. марок ежегодно... Это [ещё одно] доказательство того, что первобытный коммунизм на Яве, как и в Индии и в России, образует в настоящее время великолепную и самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма (пока его не встряхнёт стихия современного коммунизма). В условиях современного общества он оказывается столь же кричащим анахронизмом (который либо должен быть устраниён, либо же получить дальнейшее развитие), как и независимая община-марка [в части] ... кантонов [Швейцарии]...» [12, 96–97].

Сравним всё это с порядками в Османской империи и отчасти – в Российской, о которых в одной из статей 1853 г. Ф. Энгельс пишет: «...Славяне в Турции особенно сильно страдают от

гнета военных оккупантов-мусульман, которых они должны содержать. Этот класс... объединяет в своих руках все государственные функции: военные, гражданские и судебные. Но разве русская правительственная система – повсюду, где она не переплелена с феодальными учреждениями, – не то же самое, что... оккупация, при которой гражданская власть и судебная иерархия организованы по военному образцу?...» [29, 35].

Обобщая формационно-укладные характеристики России XVIII–XIX вв., данные ей К. Марксом и Ф. Энгельсом, и используя несколько иную терминологию, можно сказать, что, по их мнению, эгалитаристские земледельческие общины служили основой для её этакратических структур, отчасти переплетённых со структурами феодальными.

12.4) То, что Россия, а потом и Китай, станут двумя цитаделями социалистического лагеря марксистских цветов, очевидно противоречит тому, что писали о них К. Маркс и Ф. Энгельс (последний, например, в одной из своих работ 1893 г. расценивал Россию до 1861 г. как «европейский Китай» [49, 406]) [50, 549; 8, 143, 146; 36, 292–293; 42, 307; 49, 402–403, 444–446, 453]. Императорская Россия рассматривалась ими как одно из наиболее существенных препятствий для коммунистического переустройства стран Запада. И после того, как её не стало, значительная часть мира действительно перешла или была переведена к коммунистическим (вернее, социалистическим) порядкам. Из чего следует, что не являясь авангардной его частью, императорская Россия, тем не менее, была одним из важнейших союзников передовых стран мира в противостоянии марксистскому фундаментализму как силе, много более реакционной, чем Россия XVIII–XIX вв.

Большая и наиболее значимая часть написанного К. Марксом, а также Ф. Энгельсом по вопросам формационной специфики незападных стран приходится на 1853–1867 гг. К этому времени их

убеждения давно уже были коммунистическими. Ознакомление с общими характеристиками этих стран (и прежде всего – Индии), выполненное по преимуществу К. Марксом, и выводы, сделанные им из него, позволяли увидеть вполне определённое и складывавшееся в систему сходство между тем, чем желали заменить установившийся в невосточной части мира порядок они и близкие им по взглядам люди, с одной стороны, и тем, какой формационной принадлежности общество сложилось на части территории ойкумены за несколько тысяч лет до их времени, с другой. Полтора века спустя видеть это сходство не труднее. Напротив, много проще. Тем более людям, которые жили или до сих пор живут в странах реального социализма, как этот порядок назывался несколько десятилетий тому назад в СССР. И К. Маркс, скорее всего, видел схождение двух этих общественных форм. Но кроме каких-то недоговаривающих и местами оставляющих впечатление крайней несфокусированности особенностей его изложения, касающегося восточной тематики, доказательств этому нет.

В определяющих его чертах мировоззрение и К. Маркса, и Ф. Энгельса, по нашему мнению, было чуждым мировосприятию лучших людей современной им западной культуры и может рассматриваться как социалистически-фундаменталистское. Общая неверность взглядов («объяснение мира» [34, 4]), которых придерживались К. Маркс и Ф. Энгельс, исчерпывающим образом выявила себя в том, что подходы, которые они считали наиболее совершенными, действенными и приемлемыми («изменение его» [34, 4]), в части ойкумены были оставлены в пользу тех, которые были лучше их, за две с половиной тысячи лет до их жизни. Будущее, которого они желали, как ни странно это, может быть, звучит, было прошлым, оставленным по причине его превзойдённости так давно, что пройденность его была почти забыта. Характер допущенной ошибки объясняет и невозможность ненасильственного перехода

к социалистическим порядкам в западных странах, и ложь, становящуюся обязательной после того, как немирный переход к ним доводится всё же до конца и наступает время, когда люди «слышат то, чего не видят, и видят то, чего не слышат». «...Насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а ложь может держаться только насилием» [53, 85].

Приложение

Отношение к государственным общественным связям К. Маркса и М. А. Бакунина, взгляды которых равно относятся к социалистической традиции, было весьма различным. Различие это очевидно в полагании Марксом необходимости так называемой диктатуры пролетариата (в объяснениях В. И. Ленина – неограниченной, вне законной и вненормативной, непосредственно на насилие опирающейся власти [54, 380, 383]) и отрицании её Бакуниным. М. А. Бакунин считал, что государственность, не предполагающая эксплуатирующего и привилегированного класса или классов, невозможна; «централистическое государство... немыслимо без аристократии и эксплуатации, хотя бы со стороны правящего класса» [Цит. по: 55, 145]. Его изложение взглядов К. Маркса на так называемое классовое господство рабочих [10, 617–618] представляет собой следующее. При диктатуре пролетариата государственная власть будет передана руководству коммунистической партии, которое, сосредоточив в своих руках всё торгово-промышленное, сельскохозяйственное и прочее производство, разделит граждан на промышленных и земледельческих работников, непосредственно руководимых государственными инженерами. Эти

последние и составят, полагал Бакунин, «новое привилегированное научно-политическое сословие» [56, 485–487]. Такая ориентация, по его мнению, «неизбежно приводит к централизации собственности в руках государства» [Цит. по: 57, 67]. М. А. Бакунин находил, что «диктатура пролетариата» будет представлять собой «управление огромного большинства народных масс привилегированным меньшинством. Но это меньшинство, говорят марксисты, будет состоять из работников. Да, пожалуй, из *бывших* работников, но которые, лишь только сделаются представителями или правителями народа, перестанут быть работниками и... будут представлять уже не народ» [56, 483], поставленный теперь в политico-экономическую зависимость от коммунистической администрации [56, 438]. «Они говорят, что такое государственное ярмо, диктатура, есть необходимое переходное средство для достижения полнейшего народного освобождения... Итак, для освобождения народных масс надо их сперва поработить» [56, 484]. И это «рабочее государство» [3, 617] будет не чем иным, как «весёлая деспотическим управлением» простым народом «весёлая немногочисленной аристократией» [56, 483], будто бы лучше разумеющей его интересы, чем сам народ [56, 314]. В оценке М. А. Бакунина – «этого проклятого русского» [50, 284 и 566], – коммунизм равняется отрицанию свободы [57, 67], которую он рассматривал как «единственную основу и единственный законный творческий принцип всякой организации» [56, 40] и без которой социализм обернётся установлением невольнического и скотского состояния [56, 42].

Список литературы:

1. Malahov S. V. Harakteristiki klassicheskogo socialisticheskogo stroya (rech' o ranneklassovyh obshchestvah) // European Journal of Humanities and Social Sciences. – № 3. 2018. – С. 20–30.
2. Marks K., Engel's F. Sochineniya. – Т. I. – 2-е изд. – М.: Politizdat. 1955. – XVI. – 699 с.
3. Marks K., Engel's F. Sochineniya. – Т. 46. – Ch. I. – 2-е изд. – М.: Politizdat. 1968. – XXIV. – 560 с.
4. Marks K., Engel's F. Sochineniya. – Т. 25. – Ch. I. – 2-е изд. – М.: Politizdat. 1961. – VI. – 546 с.

5. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 25.– Ch. 2.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1963.– 704 s.
6. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 21.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1961.– XXVIII. – 746 s.
7. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 35.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1964.– XX. – 526 s.
8. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 19.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1961.– XXVI. – 671 s.
9. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 28.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1962.– XXX. – 767 s.
10. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 18.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1961.– XXX. – 808 s.
11. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 33.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1964.– XXVIII. – 789 s.
12. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 36.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1964.– XXIV. – 806 s.
13. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 26.– Ch. I.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1962.– XXVI. – 477 s.
14. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 26.– Ch. II.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1963.– 704 s.
15. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 27.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1962.– XXXVI. – 696 s.
16. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 23.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1960.– VI. – 908 s.
17. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 12.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1958.– XXIV. – 880 s.
18. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 10.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1958.– XXII. – 772 s.
19. Marks K. Razoblacheniya diplomaticeskoy istorii XVIII veka // Skepsis.– URL: https://scepsis.net/library/id_878.html/ (obrashchenie: 1.9.2021).
20. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 30.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1963.– XXVIII. – 757 s.
21. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 4.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1955.– XIV. – 616 s.
22. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 15.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1959.– XXII. – 795 s.
23. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 47.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1973.– XX. – 660 s.
24. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 46.– Ch. II.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1969.– 620 s.
25. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 24.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1961.– VI. – 649 s.
26. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 8.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1957.– XXII. – 706 s.
27. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 14.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1959.– XXVI. – 898 s.
28. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 5.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1956.– XIV. – 644 s.
29. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 9.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1957.– XXIV. – 702 s.
30. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 2.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1955.– VIII. – 652 s.
31. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 16.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1960.– XXX. – 840 s.
32. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 44.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1977.– XXII. – 750 s.
33. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 29.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1962.– XXVI. – 729 s.
34. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 3.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1955.– XII. – 630 s.
35. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 7.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1956.– XVIII. – 670 s.
36. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 34.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1964.– XXII. – 556 s.
37. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 20.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1961.– XXII. – 828 s.
38. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 26.– Ch. III.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1964.– 675 s.
39. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 43.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1976.– XXVIII. – 618 s.
40. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 17.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1960.– XXVIII. – 842 s.
41. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 6.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1957.– XXII. – 762 s.
42. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 37.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1965.– XXII. – 600 s.
43. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 39.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1966.– XXII. – 715 s.
44. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 31.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1963.– XXVI. – 691 s.
45. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 48.– 2-e izd.– M.: Politizdat.1980.– XX. – 684 s.

46. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 42.– 2-e izd.– M.: Politizdat. 1974.– XXIV. – 536 s.
47. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 13.– 2-e izd.– M.: Politizdat. 1959.– XXVI. – 771 s.
48. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 50.– 2-e izd.– M.: Politizdat. 1981.– XXVIII. – 632 s.
49. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 22.– 2-e izd.– M.: Politizdat. 1962.– XXIV. – 805 s.
50. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 32.– 2-e izd.– M.: Politizdat. 1964.– XXIV. – 805 s.
51. Marks K. G., Engel's F. Sochineniya.– T. 11.– 2-e izd.– M.: Politizdat. 1958.– XXVI. – 788 s.
52. Marks K., Engel's F. Sochineniya.– T. 38.– 2-e izd.– M.: Politizdat. 1965.– XXIV. – 645 s. 53.
53. Solzhenicyn A. I. Zhit' ne po lzhi! – 1974 – URL: http://www.solzhenitsyn.ru/proizvedeniya/publizistika/stati_i_rechi/v_sovetskoy_soyuze/jzit_ne_po_ljizi.pdf (obrashchenie: 1.9.2021).
54. Lenin V. I. Polnoe sobranie sochinenij.– T. 41.– 5-e izd.– M.: Politizdat. 1981.– XXXII. – 696 s.
55. Udarcev S. F. Politicheskaya i pravovaya teoriya anarhizma v Rossii: istoriya i sovremennost'.– M.: Forum. 1994.– 382 s.
56. Bakunin M. A. Filosofiya. Sociologiya. Politika.– M.: Pravda. 1989.– 624 s.
57. Plekhanov G. V. Anarhizm i socializm.– Krasnodar: Burevestnik. 1924.– XII. – 132 s.

Section 3. Cultural Studies

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-6-35-39>

Shtyrbul Valentyn Yuriovich,
*Graduate student of the Department of Theoretical
and Applied Cultural Studies of the Odessa
National A. V. Nezhdanova Academy of Music, Ukraine*
E-mail: playervalik@gmail.com

VIEW ON ART AS A GENERATING MODEL OF REALITY

Abstract. This article analyzes modern studies of cultural processes, offering new ways to consider the interaction of art with society, and also outlines the author's point of view to the active role of artistic activities in modeling reality.

Keywords: art, social phenomenon, modern reality, model of reality.

Штырбул Валентин Юрьевич,
Аспирант кафедры
теоретической и прикладной культурологии
Одесской национальной музыкальной академии
имени А. В. Неждановой, Украина
E-mail: playervalik@gmail.com

ВЗГЛЯД НА ИСКУССТВО КАК НА ПОРОЖДАЮЩУЮ МОДЕЛЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В данной статье анализируются современные исследования культурных процессов, предлагающие новые пути рассмотрения взаимодействия искусства с социумом, а также излагается точка зрения автора на активную роль художественной деятельности в моделировании действительности.

Ключевые слова: искусство, социальное явление, современная реальность, модель действительности.

Исследование социальной роли искусства представляется особенно актуальным на современном этапе развития общества, так как для нынешнего технологизированного мира характерна интенсификация междисциплинарных и меж-

культурных отношений. Именно сегодня взаимодействие людей с произведениями искусства позволяет рассматривать последних в качестве полноправных социальных субъектов, наделенных не только эстетической ценностью и силой

эмоционального воздействия на человека, но и возможностью участия в моделировании действительности, синхронно развиваясь с ней во времени и пространстве.

Автором первой в истории человеческой мысли модели отражения действительности был Платон, изложивший в диалоге «Государство» свою концепцию в виде мифа о пещере, находясь в которой люди «целиком и полностью принимали бы за истину» тени живых существ и предметов, «отбрасываемых огнем на расположенную перед ними стену пещеры» [8, 295–296]. Так античный мыслитель описывает человеческое восприятие действительности по принципу мимесиса, то есть подражания реальности, которое, по мнению Платона, не соответствует истине.

Говоря об искусстве, следует отметить, что в каждом из его видов применяется особая знаковая система символов, являющихся посредниками при передаче художественной информации от ее творца к воспринимающей аудитории. С помощью этого и проявляется социальная роль искусства, которое становится не просто эстетической категорией с присущим ей универсальным художественным языком, но и участником сложных межкультурных, политических и межличностных отношений. В этой связи американский писатель, философ и теоретик коммуникации Кеннет Берк в своей работе «Философия литературной формы» очень точно отмечает: «Символы — это стратегии для охвата ситуаций... Критические и творческие работы — это ответы на вопросы, обусловленные ситуацией, в которой они возникли...» [10]. При этом содержание и форма произведения искусства также могут рассматриваться в качестве стратегий для привлечения присущих определенному историческому периоду специфических признаков межкультурного общения.

Основатель французской школы социологии Эмиль Дюркгейм считал, что «общество — не простая сумма индивидов, но система, образованная их ассоциацией и представляющая собой ре-

альность *sui generis*, наделенную своими особыми свойствами» [4, 119]. В дюркгеймской социальной реальности *sui generis* «творения искусства, науки и религии всегда находятся в связи с определенными экономическими условиями» [4, 201].

Социальные преобразования, произошедшие на рубеже XIX–XX вв., оказали значительное влияние на рассмотрение взаимоотношений между искусством и социумом, которые требовали нового подхода к исследованию данного явления. В связи с этим, немецкий философ и историк искусства Арнольд Хаузер в 50-х годах прошлого века предлагал широкомасштабный синтетический подход, в котором искусство возникает как реакция на события, происходящие в социуме, и осуществляет воздействие на них с помощью художественных средств выразительности. А. Хаузер считал, что в истории все факторы: материальные и интеллектуальные, экономические и идеологические, находятся в состоянии неразрывной взаимозависимости: «Проводя параллели и выстраивая причинноследственные связи между общественными формациями и визуальными характеристиками памятников от первобытности до современности, Хаузер стремился увидеть проявление первых во вторых» [7, 11–12].

Если говорить о ситуации, сложившейся в современной культуре, то само искусство и взгляды на него радикально изменились за последние три десятилетия. Поэтому, рассматривать искусство в традиционных понятиях «высокой культуры» с целью интерпретации (или расшифровки) его символических форм не всегда представляется возможным. Сегодня, когда, казалось бы, всё может быть искусством, ни одна из общепринятых классификаций не может быть использована для точного описания современного состояния художественного творчества, потому что «художественная форма демонстрирует как преемственность, так и активную самостоятельность развития искусства» [5]. Иными словами, описание условий существования искусства с точки

зрения категорий стиля, эпохи, объекта и среды, становится всё более неоднозначным в современной культурологической практике. Так, исследователи современных культурных процессов характеризуют их нынешнее состояние следующим образом: «Искусство, как его понимают сегодня философские течения постмодернистской ориентации, подлежит не познанию, а интерпретациям, количество которых признается неограниченным. Признание плюрализма интерпретаций означает, что не может быть истинной или ложной интерпретации искусства. Это в свою очередь вновь ставит под вопрос не только необходимость, но и возможность применения понятия истины» [9, 118]. Вместо традиционных направлений исследований один из ведущих британских философов и теоретиков искусства Питер Осборн, автор работы «Либо везде, либо никак. Философия современного искусства», предлагает рассматривать современное искусство как «радикально распределенное, то есть несводимо относительное, единство отдельного произведения искусства во всей совокупности его множественных материальных воплощений в любой конкретный момент времени» при соблюдении исторической податливости «границ этого единства» [12, 48].

В связи с этим, интерес представляет теория аутопойетических социальных систем немецкого социолога Никласа Лумана, основу которой составляет, первоначально появившаяся в биологии, концепция аутопойезиса, то есть, «самовоспроизведения». Н. Луман утверждает, что идея аутопойезиса применима не только к биологическим, но и к большинству небиологических систем, в частности, к социальной сфере. В складывающихся отношениях между определенной системой и окружающей средой центральным элементом является концепция структурной связи, которая предполагает обращение к прошлому с целью предвосхищения будущего «и те данные из прошлого, которые используются в настоящий момент, связаны с тем, какие проекции в будущее актуализируются»

[6, 105]. Это положение Н. Лумана о существовании сопряженности того, «что обычно называют памятью», имеет прямое отношение к сохранению культурной памяти в обществе посредством передачи ее наследия в виде произведений искусства из прошлого в настоящее, в котором строятся проекции в будущее [6, 105].

Американский социолог Ирвинг Гофман предлагает взгляд на общество сквозь призму театрального действия. В своей книге «Представление себя другим в повседневной жизни» он излагает теорию социального взаимодействия как драматургическую модель социальной жизни. По мысли И. Гофмана, «... всякую организацию человеческой деятельности можно рассматривать как организацию некой сценической площадки с известным количеством характерных ролей, которые надо раздать перспективным исполнителям, и как совокупность знаковых средств или церемониальных принадлежностей, которые надо разместить с наибольшей пользой для исполнения в целом» [3, 134]. Рассмотрение общественной жизни в таком ракурсе подразумевает порождающую модель действительности, созданную средствами искусства, в данном случае, театрального.

В основе исследовательских интересов французского социолога Пьера Бурдье лежит изучение социальных и исторических условий развития эстетических форм человеческой деятельности. Признавая универсальную ценность, присущую конкретным произведениям искусства, которые возникли из определенных исторических процессов, П. Бурдье предполагает, что мир искусства и область культурного производства можно проанализировать через созданную им теорию поля, «т.е. автономный универсум, пространство игры, в котором играют по своим особым правилам, и люди, включенные в эту игру, имеют, соответственно, специфические интересы» [2, 172]. В художнике П. Бурдье видит человека, способного осуществлять моделирование действительности, создавая ее модель в виде произведения искусства.

Посредством этой деятельности художник «глубоко трансформирует видение мира, то есть категорий его восприятия и оценивания, принципов конструирования социального мира, определения того, что важно, а что нет, что заслуживает быть представленным, а что нет» [1].

Исходя из того, что представление о современном мире искусства довольно расплывчато и неясно, профессор Джорджаунского университета Мартин Ирвин в своей работе «Институциональная теория искусства и мира искусства» представляет видение основной его функции «в постоянном определении, подтверждении и поддержании культурных ценностей и категорий искусства, а также в получении от всего общества полномочий для мира искусства на выполнение этого» [11, 1]. Таким образом, М. Ирвин встраивает мир искусства в общественную систему, наделяя его не только определенным местом в социуме, но и делая частью взаимозависимых сетей социальных отношений, то есть полноправным участником построения действительности.

Все перечисленные точки зрения, наблюдаемые исследователями в современных культурных процессах, требуют новых подходов к изучению особенностей существования искусства в сегодняшнем мире. Рассматривая искусство как вид общественной деятельности, создающий модель, которая порождает действительность, а не просто как производство качественно нового художественного продукта, можно увидеть в нем объект, строящий социальные отношения, активно участвуя в них. Необходимость исследования искусства как художественной творческой деятельности, моделирующей действительность, диктуется тем, что именно такая позиция позволит охватить все его реалии, находящие выражение в активном взаимодействии с остальными участниками социума. Поэтому изучение искусства не только как составной части социального, а как художественной деятельности, порождающей модель действительности, имеет потенциально важные последствия для духовного возрождения человечества.

Список литературы:

1. Burd'yo P. Pole intellektual'noj deyatel'nosti kak osobyj mir. Interv'yu s Karlom-Otto May dlya «Nor-ddeutsshen Rundfunk», dannoe v Gamburge v dekabre 1985 goda. Nachala. Sbornik tekstov. – M.: Socio-Logos, 1994. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/2613>
2. Burd'e P. Sociologiya social'nogo prostranstva. – M.: Institut eksperimental'noj sociologii. SPb.: Aletejya, 2007. – 288 s.
3. Gofman I. Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni. – M.: KANON-press-C, Kuchkovo pole, 2000. – 304 s.
4. Dyurkgejm E. Sociologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie. – M.: Kanon, 1995. – 352 s.
5. Krivcun O.A. Estetika: Uchebnik. – M.: Aspekt Press, 2000. – 434 s. URL: http://library.nlu.edu.ua/POLN_TEXT/KRIVCUN_2000.htm
6. Luman N. Vvedenie v sistemnyu teoriyu. – M.: Izdatel'stvo «Logos», 2007. – 360 s.
7. Nazarova O. A. Vzglyad epohi: kak social'naya istoriya iskusstva izmenila istoriyu iskusstva ital'yanskogo Vozrozhdeniya // Iskusstvoznanie. 2019. – № 1. – S. 10–35.
8. Platon. Gosudarstvo // Platon. Sobranie sochinenij v 4 t. – T. Z. – M.: Mysl', 1994. – S. 79–420.
9. Slozhenikina N. S. K probleme hudozhestvennoj pravdy i istiny v iskusstve // Vestnik OGU – № 9. 2006. – Ch. 1. – S. 118–123.
10. Burke K. The Philosophy of Literary Form. – Berkeley: University of California Press, 1973. – 496 p. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1525/9780520340978/html>

11. Irvine M. Institutional Theory of Art and the Artworld, 2008. URL: <http://www9.georgetown.edu/faculty/irvinem/visualarts/Institutional-theory-artworld.htm>
12. Osborne P. Anywhere or Not At All: Philosophy of Contemporary Art, Verso, London and New York, 2013. – 282 p.

Section 4. Pedagogy

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-6-40-49>

Ismailova G. U.,
INAI, Bishkek, Kyrgyz Republic
E-mail: guldastan_ismailova@mail.ru

Lange Anja
E-mail: anja.dsc@gmail.com

Beishebaeva Zh. A.
E-mail: shana.66@mail.ru

PROFESSIONAL GERMAN FOR STUDENTS OF INFORMATION TECHNOLOGIES AND INFORMATICS AS A BLENDED LEARNING COURSE

Abstract. Blended learning can perhaps be considered as the future of teaching. This concept entails a combination of online tasks that students can do at home and on-campus tasks completed during class sessions. The German-Kyrgyz-Institute of Applied Information Technologies (INAI), in cooperation with the Westsächsische University of Applied Science Zwickau (Germany), has implemented a blended learning course with a flipped classroom. Blended learning was first introduced at the INAI to continuously and methodically improve the content of German lessons based on the technical language of computer science. Blended learning also aims to prepare computer science students for studying at German universities and increase the quality of distance learning. As a result, “Technical German in Computer Science as Part of Blended Learning,” an online course on a learning platform for networked learning and teaching, has been developed and tested at the INAI.

Keywords: Information Technologies, Informatics, German Language, Didactics, Blended Learning.

Исмаилова Г.У.,
КГУСТА им. Н. Исанова, Бишкек,
Кыргызская Республика
E-mail: guldastan_ismailova@mail.ru

Ланге А.
E-mail: anja.dsc@gmail.com

Бейшебаева Ж.А.
E-mail: shana.66@mail.ru

ТЕХНИЧЕСКИЙ НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ СТУДЕНТОВ, ИЗУЧАЮЩИХ ИНФОРМАТИКУ В РАМКАХ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ

Аннотация. Для улучшения содержания занятий по техническому немецкому языку в области информатики в 2020 году Кыргызско-Германский Институт Прикладных Информационных Технологий (INAI) в сотрудничестве с Западно-Саксонским университетом прикладных наук Цвикау внедрил концепцию смешанного обучения с использованием метода «перевёрнутый класс». Смешанное обучение направлено не только на улучшение качества обучения, но и на подготовку студентов к обучению в немецких университетах. Разработанный онлайн-курс «Технический немецкий в области информатики в рамках смешанного обучения» был успешно протестирован на учебной платформе INAI. В статье рассматривается концепция применения данного курса на практике, его структура, и результаты обучения.

Ключевые слова: смешанное обучение, метод "перевёрнутый класс", учебный портал, онлайн-курс, технический немецкий язык, компьютерная терминология.

Интернационализация давно стала частью повседневной жизни высшего образования как в Германии так и в других странах. Глобальные действия для науки являются не самоцелью, а центральным средством обеспечения и повышения качества исследований и обучения [1, 5]. В данной статье показан пример интернационализации университетов, а именно партнерство между Кыргызско-Германским Институтом Прикладных Информационных Технологий в Бишкеке (Кыргызстан) и Западно-Саксонским университетом Цвикау (Германия). Здесь также рассматривается концепция смешанного обучения, проблемы в преподавании и изучении технического немецкого языка в области информатики.

1. Партнерство между Кыргызско-германским институтом прикладных компьютерных наук (INAI) и Западно-Саксонским университетом прикладных наук в Цвикау

Образование, наука и исследование являются важным краеугольным камнем инноваций и производительности страны [2, 6]. Партнерство университетов и транснациональные образователь-

ные проекты – это эффективные инструменты для устойчивой передачи научных структур и знаний, а также для обмена специалистами и студентами. Кыргызский государственный университет строительства, транспорта и архитектуры (KSUCTA) сотрудничает с Западно-Саксонским университетом Цвикау (WHZ) с 2003 года, и на основе этого сотрудничества в 2018 году был создан Кыргызско-Германский Институт Прикладных Компьютерных Наук (INAI.KG).

В INAI.KG немецкий язык как иностранный преподается в течение шести семестров. Студенты, достигшие языковой уровень B1 (согласно GER) за шесть семестров и прошедшие отбор могут продолжить обучение в Германии и получить степень бакалавра в WHZ. Для студентов, получивших степень бакалавра в INAI.KG, также после стажировки в Германии предоставляется возможность обучения в магистратуре WHZ.

Для преподавателей немецкого языка есть много возможностей прохождения курсов повышения квалификации в WHZ под руководством профессора Буш-Лауэр. Эти курсы включают как

практические, дидактические так и межкультурные компоненты.

В дополнение к основным предметам курса прикладной информатики (включая программирование, био- и медицинскую информатику) студенты изучают разговорный немецкий и технический немецкий язык в области информатики, что представлено в следующей главе.

2. О роли технического языка в обучении иностранным языкам.

Во-первых, следует сделать несколько вводных замечаний о техническом немецком языке как уроке иностранного языка. Предполагая, что для получения степени бакалавра необходимы очень хорошие навыки разговорной речи, можно утверждать, что одного родного языка недостаточно для успешного завершения обучения на иностранном языке [см. 3, 4]. «Субъект» рассматривается как пространство для действия [4, 6], которое также включает языковые действия. Технические языковые навыки необходимы для успешного завершения обучения в целевой стране. Занятия немецкого языка, ориентированные на технологии, предназначены не для передачи неизвестных специальных знаний, а, скорее, для умения общаться и получать специальный контент на немецком языке [5]. Однако изучается не только специальная лексика, но и рассматриваются научные структуры. Передать научный язык как технический язык чрезвычайно сложно, потому что он обязательно сочетает типы текста и стилистические особенности языка [6, 739]. Типы текста играют особую роль в передаче технического языка. Рельке [7, 42] говорит о «типах текста как прототипах разновидностей технических языков», которые встречаются на занятиях. Фактором на который следует обратить внимание, является языковая культура, с которой неизбежно столкнется студент, обучающийся за границей. Это сопровождается ожиданиями и традициями обучения, которые (в зависимости от страны изучаемого языка) могут явно отличаться от их собственной культуры. «Поэтому имеет смысл не только заложить линг-

вистические и, при необходимости, технические основы на подготовительных и вводных курсах, но и создать возможность для размышлений об ожиданиях университетского обучения и опробовать новую роль на практике» [3, 7].

В обучение техническому языку важен такой дидактический подход, где в преподавании языков равное место занимали бы как технический, так и разговорный язык [см. 3, 11].

Дидактический подход в преподавании технического языка в INAI представлен ниже.

3. Концепция технического немецкого языка в INAI

В большинстве случаев технический язык преподается как дополнительный курс наряду с разговорным языком. В INAI выбран другой подход: отказ от строгого разделения общего разговорного и технического языкового обучения в пользу целостного подхода. Такой подход соответствует спросу на интегративную языковую подготовку [8, 196].

Интеграция технического языка в обучение немецкому языку также отвечает требованиям интегративного обучения в современном профессиональном общении. Важно не только использовать структурные особенности технического языка, но также есть необходимость использования различных верbalных и невербальных кодов, повседневных и технических языковых ресурсов, а также медиа-форм [9, 207]. Таким образом, концепцию технического языка INAI можно описать следующим образом: целостный подход в использовании технического и общего языков – это цель обучения, которую следует применять на занятиях.

Технический язык в области информатики наряду с информатикой относится к одним из основных предметов в INAI. Студенты в Кыргызстане поступают в университет с разными языковыми знаниями. Некоторые из них уже имеют сертификат, подтверждающий знание немецкого языка (например, выпускники PASCH-школ с сертификатами Гете-Института), и на начало обучения в институте они имеют уровень A2-B1. Однако

большинство студентов приходят с нулевыми знаниями немецкого языка.

Остановимся подробнее на проблемах при обучении техническому немецкому языку в INAI. Обучение техническому языку связано с трудностями для многих студентов, потому что, с одной стороны, занятия по технической информатике в INAI проходят на русском языке, и с другой стороны, это обусловлено нехваткой учебных материалов для преподавания технического языка информатики на немецком языке.

Во время учёбы в WHZ студенты испытывают некоторые трудности, в связи с неподготовленностью к требованиям обучения за границей. Студенты из постсоветского пространства привыкли, что преподаватель объясняют все на занятиях, и им не нужно много над этим работать. Также ограничены независимость и автономия студентов из-за постсоветских образовательных традиций, которые все еще преобладают в кыргызских школах и университетах [см. 10, 23]. По этой причине в 2016 году в Западно-Саксонском Университете Цвикау преподавателями немецкого языка INAI Бейшебаевой Жанылзой и Исмаиловой Гульдастан под руководством проф. Бушлауэр был разработан онлайн-курс по техническому немецкому языку, который используется на занятиях. С 2020 года для подготовки и адаптации, а также для учебы и стажировки в WHZ со стороны университета-партнера в INAI была внедрена концепция смешанного обучения.

4. Концепция смешанного обучения и перевернутый класс.

Под смешанным обучением здесь понимается концепция, в которой части обучения переносятся на самостоятельное обучение, чтобы использовать более трудоемкие очные занятия, на которых преподаватель встречается со студентами, для активного развития знаний (ср. Михаэль Кленнер, Франк Гримм, Х.-Кристиан Браувейлер). Важно сформировать так называемые „блоки контента“, которые могут быть по-разному использованы на

занятиях [ср. 11, 11]. Учебные материалы подразделяются на разделы, которые можно изучать как в режиме онлайн, так и офлайн.

Смешанное обучение сочетает в себе традиционные методы и современные технологии, которые можно эффективно использовать при обучении иностранным языкам. Можно использовать различные инструменты, включая живое общение в онлайн-лекциях, видео, визуальные упражнения для углубления словарного запаса, а также использование интерактивных игр и других интерактивных инструментов, которые помогают проработать и закрепить учебный материал. Эти инструменты могут использоваться студентами либо в аудитории, либо дома самостоятельно. Одной из форм смешанного обучения является метод «перевернутый класс», который используется в INAI для эффективного обучения немецкого технического языка в области информатике. «В перевернутом классе студенты должны участвовать или завершить какую-либо форму предварительного онлайн-обучения, чтобы подготовиться к структурно согласованной учебной деятельности в кампусе со своим преподавателем и сверстниками» [12, 6]. Метод обучения в «перевернутом классе» отличается от традиционного курса: «В перевернутом режиме студенты впервые знакомятся с темой в интернете, обычно с помощью коротких и конкретных видеороликов, а не в процессе посещения лекции или занятия, как это было при традиционном обучении» [12, 6]. Целью перевернутого класса является повышение автономии и независимости студентов. [см. 13, 38]. Таким образом, модель перевернутого класса подходит для того, чтобы дать студентам не только хорошую профессиональную подготовку, но и подготовку к обучению в Германии.

5. Концепция перевернутого класса в INAI

Ниже показано, как именно в INAI реализована концепция перевернутого класса.

Перевёрнутый класс (англ. flipped classroom) – принцип обучения, по которому основное усвоение нового материала студентами происходит

дома, а время аудиторной работы выделяется на выполнение заданий, упражнений, проведение лабораторных и практических исследований, индивидуальные консультации преподавателя; смешанный формат обучения совмещает обучение с участием преподавателя (лицом к лицу) и онлайн обучение.

Весь учебный материал по предмету «Технический немецкий язык в области информатики» загружается и используется на собственном учебном портале университета Teleteaching, с помощью которого преподаватель может взаимодействовать со студентами в удаленном режиме, а также через электронную почту, WhatsApp или Skype.

Материалы, разработанные дома, обрабатываются и повторяются в аудитории с преподавателем. Основная работа заключается в повторении и закреплении учебного материала.

Модель обучения «перевернутый класс» позволяет студентам самостоятельно и независимо от времени и места ознакомиться с учебным материалом курса и усвоить его. В аудитории можно сосредоточиться на вопросах и пробелах в усвоении данного материала и сразу перейти к практической работе как индивидуально, так и в группах.

Студенты получают текстовые, аудио- и видеоматериалы по теме через учебную платформу. Также предоставляется словарь технических терминов и ссылки на полезные ресурсы. Таким образом, студенты проходят начальный этап ознакомления и могут ознакомиться с учебными материалами. Кроме того, студенты могут отправлять свои вопросы и выполненные работы преподавателю через учебный портал или по электронной почте (или другим каналам связи). Это дает преподавателю обзор работы студентов, где можно увидеть также и их пробелы в усвоении материала. Преподаватель также работает в режиме онлайн и поддерживает студентов в виде комментариев к проделанной работе.

На втором этапе – практическая работа или обсуждение тем, проводится индивидуально или в группе на занятиях. Последующая оценка задач также проводится в аудитории. Это дает воз-

можность практического закрепления предмета и контроль успеваемости студентов.

Технический немецкий язык в области информатики в рамках смешанного обучения позволяет студентам изучить основы для выбранных областей, чтобы лучше подготовиться к работе с модулями дистанционного обучения и планированию задач, а также к эффективному управлению временем.

6. Развитие и применение технического немецкого языка в области информатики в рамках смешанного метода обучения.

Разработка данного курса технического немецкого языка была разделена на три этапа:

I-Этап: Тандемная удаленная работа с профессорами и преподавателями WHZ, где особенная помощь была оказана со стороны проф. Буш-Лаэр и доц. Мартин Бауха. Суть работы заключалась в редактировании и доработке учебных материалов «перевернутого класса» по техническим темам в области информатики для студентов с языковым уровнем от B1 до B2.

II-Этап: Продолжение работы в tandemе с профессорами и преподавателями из WHZ. Сбор и подготовка текущих учебных материалов и сценариев для модулей немецкого языка для студентов бакалавриата и магистратуры с языковыми уровнями B1/B2 по следующим направлениям:

- Языки программирования и операционные системы;
- ООSE (объектно-ориентированная разработка программного обеспечения);
- Искусственный интеллект;
- Веб-информатика;
- Медицина и биоинформатика;
- Системные технологии;
- Программирование проектов, компаний, занимающиеся информационными технологиями.

III-Этап: Внедрение и использование разработанных учебных материалов технического немецкого языка в области информатики через учебный портал «Teleteaching INAI» в учебный процесс, а также интеграция курса технического немецкого языка

в области информатики как метод смешанного обучения в учебно-методический комплекс (УМК).

Основной целью курса в рамках смешанного обучения является углубление словарного запаса студентов, в особенности компьютерной лексики и терминологии в области информатики, выработка и улучшение коммуникативных навыков не только для использования технического языка информатики, но и для применения его в своей дальнейшей профессиональной деятельности. Кроме того, использование технического немецкого языка на практике необходимо и для улучшения понимания языка на техническом уровне, что развивает способность работать самостоятельно и является дальнейшей целью данного технического языкового курса.

4.1. Описание онлайн-работы

Во время онлайн-тандемной работы первым делом было проведено обширное исследование актуальных учебных пособий и интенсивное интернет-исследование актуальных тем информатики.

В процессе разработки технических текстов и видеороликов по информатике, необходимо

было адаптировать специальные тексты и составить различные типы упражнений и задач для видеороликов, направленное на лучшее понимание студентами текста или видео и правильное его воспроизведения. Каждое видео и каждое упражнение были проверены профессором Буш-Лауэр и оценены на предмет технической правильности и стилистической структуры. Курс, разработанный по методу перевернутого класса «Технический немецкий язык в области информатики» был разработан совместно WHZ и INAI. Техническая работа рабочих листов в виде исправлений и дополнений проводилась специалистом по базам данных Юттой Концелманн (Германия).

Курс по методу перевернутого класса состоит из десяти разделов. После каждого раздела студенты имеют возможность ответить на контрольные вопросы и пройти тест по пройденному учебному материалу.

После лексических упражнений дается краткая информация из практики IT-фирм.

Пример рабочего листа:

2. Unterrichtseinheit

Warum Medizin- und Bioinformatik studieren

Bevor Sie sich das Video anschauen, lösen Sie bitte folgende Aufgaben:

(1) Wortschatzarbeit

1.1. Welche Worterklärungen bzw. Definitionen rechts passen zu den folgenden Fachrichtungen für links?

1	MBI	a	Einsatz der Informatik in der Biologie
2	Medizininformatik	b	Medizin- und Bioinformatik
3	Bioinformatik	c	Früher wurde sie auch Lebenskunde genannt. Die Wissenschaft der Lebewesen.
4	Genominformatik	d	Wissenschaft vom Bau des [menschlichen] Körpers und seiner Organe
5	Proteininformatik	e	Das Wort stammt aus der altägyptischen Sprache und bedeutet „schwarze Erde“. Es geht darum, welche Stoffe es gibt und was für Eigenschaften sie haben. ...
6	Chemie	f	Die Protein- Strukturen analysieren, Medikamente so zu entwickeln, dass sie optimal an die Proteine andocken können.
7	Biologie	g	... beschäftigt sich mit der Entwicklung von Algorithmen und Software zur Analyse großer Sequenz- und Datenmengen wie zum Beispiel Genome und Transkriptome
8	Anatomie	h	Einsatz der Informatik in der Medizin

(2) Video anschauen

2.1. Schauen Sie das Video einmal an und ergänzen Sie kurz die Tabelle unten mit den Informationen aus dem Video

Thema des Videos	Sprecher des Videos?	Inhalt des Videos	Ort der Handlung	Dauer des Videos?
Wie heißt das Thema?	Wie viele Sprecher gibt es? Wer sind die Sprecher?	Worum geht es?	Wo wurde dieses Video aufgenommen?	Wie lange dauert es?

(3) Video-Aussagen

3.1. Schauen Sie sich das Video noch einmal an und ordnen Sie die Aussagen zu: Wer sagt was? Lesen Sie die Aussagen 1 bis 8. Dazu haben Sie 60 Sekunden Zeit.

Das vorliegende Video mit dem Titel: „Warum Medizin- und Bioinformatik studieren?“ beinhaltet vier Fragen, auf die die vier Befragten aus dem Campus Hagenberg antworten.

Hervig Mayr = H; Gerald Lirk = G; Monika Moser = M; Alexander Stelzhammer = A

		H	G	M	A
1	Medizininformatik verbindet Technik, also die Informatik mit den Naturwissenschaften.				
2	Das Studium ist eine Kombination aus Programmierung Softwareengineering und Datenanalyse im Bereich Life Science.				
3	Die Studierenden lernen den verantwortungsvollen Einsatz der Informatik in Medizin und Biologie.				
4	In der Genominformatik ist die Analyse von Mutationen im Genom oder auch die Protein-Informatik, wo wir Protein-Strukturen analysieren ...				
5	Ich habe mich für MBI entschieden, weil es zwei Bereiche kombiniert und ich vielleicht später einmal mit meiner Software Leben retten könnte.				
6	Man lernt Verschiedenes zur Informatik dazu. Also bei uns fängt es an, wie die einfachsten Dinge funktionieren in der Chemie, in der Biologie und in der Anatomie. Und wieder darauf aufbauend, dass man mit der Informatik dann Sachen analysiert und herausfindet.				
7	Die Biologie ist das Fach, das am meisten Daten produziert. Es gilt, diese Daten auszuwerten. Damit kann uns allen, allen Patienten und Patientinnen, in Zukunft geholfen werden.				
8	AbsolventInnen gehen in die Forschung, aber zum großen Teil in Unternehmen, die Software entwickeln. Modern ist der Austausch der Daten zwischen Gesundheitsdienste, Anbietern und der Zugang der Gesundheitsdaten für jeden einzelnen Patienten.				

(4) Einen Kurvvortrag halten

Bereiten Sie anhand der erfüllten Aufgaben zum Video einen Kurvvortrag zum Thema „Warum Medizin- und Bioinformatik studieren?“ vor. Zeichnen Sie den Vortrag mit Ihrem Handy auf.

(5) Arbeitsauftrag

Anschließend beantworten Sie die Fragen aus dem Video aus Ihrer Sicht, sodass ein Kurzvortrag über Ihr ausgewähltes Informatik-Studium entsteht.

1. Wie würden Sie Ihr Informatikstudium am Kirgisisch-Deutschen Institut für Angewandte Informatik beschreiben?
2. Warum haben Sie sich für ein Informatikstudium am Kirgisisch-Deutschen Institut für Angewandte Informatik entschieden?
3. Was ist das Besondere am Informatikstudium?
4. Welche Berufschancen ermöglicht Ihnen das Informatikstudium?

Каждый рабочий лист содержит пять заданий. Первое задание-это лексические упражнения, которые предназначены,для нахождения контекстуальных соответствий или толкование слов на немецком языке. Ряд упражнений направлены на овладение навыками использования семантико-семантических процессов номинализации или вербализации. Данные упражнения расширяют и закрепляют тематическую лексику. Второе задание дает возможность проверить, насколько студент понял содержание текста или видео. Здесь даются упражнения в виде вопросов к видео или в виде упорядоченности видео- изложений.

Третье задание состоит из вопросов и ответов. Это задание направлено на то, чтобы студенты могли правильно сформулировать свои вопросы к видео или ответить на вопросы теста. Четвертое задание – вопросы по видео. Студенты должны ответить на поставленные вопросы. Пятое задание суммирует все ранее усвоенные навыки и завершает работу студентов как отдельный продукт в виде презентаций, коротких презентаций, коротких докладов или собственных комментариев. Студенты готовят свои доклады как устно, так и в форме презентации Power Point.

5. Содержание учебной платформы и ее функциональные возможности.

Отредактированные рабочие листы курса по методу «перевернутый класс» были загружены на собственный университетский учебный портал Teleteaching. Отметим, что платформой пор-

тала является широко распространённая среди образовательных учреждений среда – MOODLE, которая является платформой для онлайн-курсов, термин, который используется как синоним электронного обучения, согласно Seel и Ifenthaler [14, 16]. Оба термина описывают курс, который можно использовать через подключенный к интернету компьютер или сопоставимое устройство. Оба термина, следовательно, охватывают широкий круг различных методологий, все из которых имеют общее то, что «электронные носители используются для передачи и обработки знаний, а также для управления обучением» [15, 122].

Преимущество описанного выше курса заключается в том, что он может использоваться «независимо от времени и места» студентами, которым хотелось бы больше таких форматов обучения [16, 15]. Задания и материалы, описанные выше, предоставляются на платформе преподавателями, и студенты работают над ними самостоятельно, т.е. в любое для себя удобное время. Студентамдается определенный срок, к которому они должны выполнить задания и упражнения. Содержание видеороликов является необходимым условием для очного обучения и только там обобщается и обсуждается. Статистика учебной платформы предоставляет преподавателям индивидуальные данные о результатах, а также о том, сколько времени отдельные участники потратили на выполнение заданий. Доступ к этим данным позволяет студентам получать дополнительно индивидуальные консультации по изучению языка.

5. Вывод

Представленный метод перевернутого класса предъявляет высокие требования к самостоятельности студентов. С одной стороны, использование этого метода облегчает начало обучения в Германии, поскольку увеличивает автономию студентов. С другой стороны, существует риск увеличения неуспеваемости, что может отразиться в особенностях на и так не успевающих студентов. Студенты, которые страдают личной безответственностью или менее способны к самоорганизации, также находятся в невыгодном положении и им может потребоваться индивидуальная помощь. Для этого необходимо полностью направлять и поддерживать студентов в их самостоятельной работе с видео и подготовительными заданиями для постоянного и активного изучения учебных материалов.

Благодаря концепции «перевернутый класс» студенты могут улучшить свои навыки владения техническим языком в области информатики не только в письменной, но и в устной форме. Уже сейчас можно предположить, что курс «Технический немецкий язык в области информатики» в рамках смешанного метода обучения улучшит коммуникативные навыки в овладении технического языка

информатики, и тем самым будут способствовать подготовке к дальнейшей профессиональной деятельности. Студенты могут использовать практические материалы, чтобы лучше подготовиться к работе с модулями на портале Teleteaching. Благодаря обратной связи и планированию заданий на учебном портале студенты учатся эффективному управлению временем и тренируют свою самоорганизацию, что намного облегчит дальнейшее обучение тем студентам, которые планируют получить образование в Германии.

Подводя итог, можно сказать, что данный онлайн-курс смешанного обучения способствует приобретению специальной лексики, а также способствует развитию устной речи. Более того, по нашим наблюдениям, этот курс в целом положительно воспринимается студентами. В текущей ситуации концепция смешанного обучения актуальна и обеспечивает постепенную оцифровку обучения в INAI в Кыргызстане.

Тем не менее, необходимо дальнейшее исследование в этой области для определения, является ли этот метод успешным, чем другие методы обучения, и как достичь более тесной интеграции курса смешанного обучения в традиционное обучение.

References:

1. Wissenschaftsrat: Empfehlungen zur Internationalisierung von Hochschulen. – München. 2018.
2. Ulrich Grothus, Katharina Maschke. Internationalisierung – eine Einführung. In: Deutscher Akademischer Austauschdienst: Die Internationale Hochschule – Strategien anderer Länder. – Bielefeld: Bertelsmann. 2013. – S. 6–13.
3. Christian Fandrych, Antje Rüger, Melanie Brinkschulte: Wege in ein Studium auf Deutsch. In: Fremdsprache Deutsch. Zeitschrift für die Praxis des Deutschunterrichts. Nr. 61/2019. Erich-Schmidt Verlag. 2019. – S. 3–12.
4. Hartwig Kalverkämper: Fach und Fachwissen. In: Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft. Herausgegeben von Hugo Steger und Herbert Ernst Wiegand. Band 14.1. – Berlin, New York: Walter de Gruyter. 1998. – S. 1–24.
5. Steinmetz Maria. MINT-Fachsprachen im DaF-Unterricht. Warum? Was? Für wen? Von wem? Wie? Goethe-Institut. URL: <https://www.goethe.de/de/spr/unt/kum/clg/20957626.html> [01.11.2020].
6. Helga Esselborn-Krumbiegel. Sprachunterricht in der Erwachsenenbildung: Wissenschaftliches und kreatives Schreiben. In: Ursula Bredel, Hartmut Günther, Peter Klotz, Jakob Ossner, Gesa Siebert-Ott

- (Hrsg.): Didaktik der deutschen Sprache. Ein Handbuch. 2. Auflage. Paderborn, München, Wien, Zürich: Ferdinand Schöningh. 2006. – S. 737–744.
7. Thorsten Roelcke. Fachsprachen. 3. Auflage. Berlin: Erich Schmidt Verlag. (= Grundlagen der Germanistik 37). 2010.
 8. Thomas Vogel. Sprachen lernen und lehren an Hochschulen: Curriculare Dimension. In: Eva Burwitz-Melzer, Grit Mehlhorn, Claudia Riemer, Karl-Richard Bausch, Hans-Jürgen Krumm: Handbuch Fremdsprachenunterricht. 6. Auflage. Tübingen: A. Francke Verlag. (=UTB8043). 2016. – S. 195–200.
 9. Udo Ohm Udo. Berufsorientiertes und -begleitendes Sprachenlernen und -lehren: Curriculare Dimension. In: Eva Burwitz-Melzer, Grit Mehlhorn, Claudia Riemer, Karl-Richard Bausch, Hans-Jürgen Krumm: Handbuch Fremdsprachenunterricht. 6. Auflage. Tübingen: A. Francke Verlag. (=UTB8043). 2016. – S. 205–209.
 10. Katja Thevs. Bildungssystemanalyse Kirgistan. Bonn: Deutscher Akademischer Austauschdienst. 2020.
 11. Jennifer Hofmann. Blended Learning. Virginia: American Society for Training and Development. 2018.
 12. Carl Reidsema, Roger Hadgraft, Lydia Kavanagh. Introduction to the Flipped Classroom. In: Carl Reidsema, Roger Hadgraft, Lydia Kavanagh, Neville Smith: The Flipped Classroom. Practice and Practices in Higher Education. Singapore: Springer Nature. 2017. – S. 3–14.
 13. Dominic McGrath, Anthea Groessler, Esther Fink, Carl Reidsema, Lydia Kavanagh. Technology in the Flipped Classroom. In: Carl Reidsema, Lydia Kavanagh, Roger Hadgraft, Neville Smith: The Flipped Classroom. Practice and Practices in Higher Education. Singapore: Springer Nature. 2017. – S. 36–56.
 14. Norbert M. Seel, Dirk Ifenthaler. Online lernen und lehren. – München: Ernst Reinhard. 2009.
 15. Alivisos Sofos, Friedrich W. Kron. Erfolgreicher Unterricht mit Medien. – Mainz: Logophon Verlag und Bildungsreisen. 2010.
 16. Bettina Schätzl. Individualisierung und Binnendifferenzierung. Einsatz der Lernplattform Moodle in einem Deutsch-als-Fremdsprache-Kurs. Beiträge zur Fremdsprachenvermittlung. 2014. – S. 15–27.

Section 5. Political Science

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-6-50-57>

Le Nguyen Thi Ngoc Lan,

PhD student in Public Administration,

National Academy of Public Administration, Hanoi, Vietnam

E-mail: lelannapa@gmail.com

QUALITY IMPROVEMENT OF HUMAN RESOURCES IN BINH PHUOC PROVINCE IN THE CONTEXT OF URBAN GOVERNMENT DEVELOPMENT

Abstract. Human resources are the core element in the government apparatus in general and urban government in particular; Therefore, to ensure the government's achievement of great goals of development and serving the people, cadres and civil servants in that apparatus must master contents, knowledge and techniques to operate that apparatus appropriately in the context of strong digital transformation in the current period.

This article focuses on researching and clarifying related issues in order to improve the quality of human resources in Binh Phuoc province in the context of urban government development.

Keywords: Human resources; cadres, civil servants, public employees; urban government; Binh Phuoc province.

1. Introduction

The Law on Organization of Local Governments 2015 was a clear demonstration of changes in awareness about the position and role of local government. Due to the characteristics of geography, population, conditions (urban, rural, mountainous, plain, island...), each locality has different needs and development; Therefore, it is necessary to have different management organization, which requires the state management apparatus in each place to also have certain characteristics. That is, the local government in urban areas must be organized differently from that in rural areas, the local government in plains must be organized differently than that in the mountains and islands... Therefore, the central government's agreement to pilot the specific mechanism in some localities shows that the rela-

tive independence of the local government has become a very urgent and objective need for the development. In particular, the pilot development of urban government in some localities is a major policy of the central government, contributing to improving the effectiveness and efficiency of state management in urban areas, as a foundation for socioeconomic growth. The policy of pilot development of urban government models in some localities will create new breakthroughs that will change the functions and authority of the government apparatus in urban areas and clearly demonstrate the autonomy, self-responsibility. The main objective of the urban government models is to enhance the autonomy; promote dynamism and creativity through new organization structures; re-arrange administrative boundaries; change the method of decentraliza-

tion in order to strengthen the necessary foundations for a real people's government; and at the same time change the thinking and operating methods of cadres and civil servants. Binh Phuoc is a province in the Southeast region, located in the key economic region, connecting the Central Highlands and the southern key economic region. In recent years, Binh Phuoc has redefined its strategic position and has improved its position, although there have been still many limitations. One of the main reasons is that Binh Phuoc is stuck in the general mechanism of the whole country, has not determined a reasonable direction to take advantage of potentials and advantages, minimize difficulties and solve challenges. "Piloting the model of the provincial urban government" (Government [1, P. 10]) is an opportunity for Binh Phuoc to "take off its rumpled coat" to replace it with a "new outfit" – Urban government. In order to do that, the prerequisite factor is human resources, i.e. cadres and civil servants of Binh Phuoc that need to be perfected to be compatible with the urban government model. However, despite the changes, transformations, and positives, to meet the needs of the urban government, cadres, civil servants and public employees of Binh Phuoc still have inadequate and inappropriate factors, especially in the current context.

2. Research Methods

To conduct this study, on theoretical basis, the author has based on the views of the Party, the State and the provisions of Vietnamese law on development of urban government, e-government, digital government. Regarding the scientific research method, the author uses the method of scientific inheritance from previous authors; summary and analysis of information and data to give an objective view on improving the quality of human resources in Binh Phuoc province in the context of urban government development.

3. Study results

3.1. Public human resources in Vietnam

People in organizations are an important factor for the organizations to exist, operate and develop. People not only do tasks of the organizations to cre-

ate products for the organizations, are but also the factors that create new ideas for the organizations. People are the factors that reduce or increase the strengths as well as the limitations of the organizations. Current changes of the organizations require a change in the resources within the organizations first. The people to be referred are cadres, civil servants and public employees in the government system in administrative units of Binh Phuoc province. With certain positions, functions and duties, these people are called officers, civil servants or public employees and contract employees. However, the distinction between cadres, civil servants and public employees is still unclear in practice, so temporarily based on the provisions of law as follows:

Cadres are Vietnamese citizens, elected, approved and appointed to hold positions and titles according to tenures in agencies of the Communist Party of Vietnam, the State, and central, provincial and centrally-run city socio-political organizations (hereinafter referred to as provincial level), in suburban districts, districts, towns and provincial cities (hereinafter referred to as district level), on the payroll and receiving salaries from the state budget [3, P. 1].

Civil servants are Vietnamese citizens, recruited and appointed to ranks, positions and titles corresponding to employment positions in agencies of the Communist Party of Vietnam, the State, and central, provincial and district socio-political organizations; in agencies or units of the People's Army who are not officers, professional soldiers, or defense workers; in agencies and units of the People's Public Security who are not officers, non-commissioned officers serving under the professional regime, public security workers, on the payroll and receiving salaries from the state budget [3, P. 1].

Public employees are Vietnamese citizens recruited according to employment positions, work at public non-business units under the employment contracts, and receive salaries from the salary fund of public non-business units in accordance with law [4, P. 1].

Therefore, the scope of cadres, civil servants and public employees under the Law includes many different subjects and levels both in Party Organizations, socio-political organizations, People's Army Forces, etc. This article only focuses on 03 target groups which are cadres, civil servants and public employees in the government system at provincial, district and commune levels of State agencies.

However, in terms of urban government according to the Law on Organization of Urban Governments 2015, amended and supplemented in 2019, the local government in urban areas includes local governments in centrally-run cities, districts, towns, provincial cities, cities affiliated to centrally-run cities, wards and townships [5, P. 9]. Therefore, the object of human resources in the administrative apparatus of Binh Phuoc is only within the scope of 01 city, 02 towns, 14 wards and 05 townships.

3.2. The inevitability of urban government development in the current context

Urban development and urban economy play an important role in promoting socio-economic development of the country as well as of localities. Developing an urban government model is an inevitable trend in accordance with characteristics of the urban, meeting requirements of reformation and development. Through this, it will create conditions to overcome the duplication of functions and tasks, make the apparatus operate effectively, streamline the apparatus, staff, reform the civil service regime, civil servants, save money... After all, the biggest benefit is that serving the people will be better and faster, meeting requirements of real life, this is also the inevitable rule of the appearance of urban government. When the urban speed increases rapidly, it is necessary to put on a "new outfit" suitably, not to apply all models of local government. That has been recognized in Clause 2, Article 111 of the Constitution 2013: "The local government consists of the People's Council and the People's Committee, which is organized in accordance with the characteristics of rural, urban and island areas, special administrative-economic units prescribed by the law".

The increasing complexity and diversity of socio-economic activities of urban areas in our country sets new requirements for improving the effectiveness and efficiency of state management of urban governments at all levels as well as for renovating the organization and operation model of urban government. However, there is still no legal document that specifically defines the concept of "urban government" in Vietnam today.

Urban government is a specific form of local government, organized in accordance with the characteristics of political, economic, cultural, social life and natural conditions of urban areas in order to manage the urban areas effectively with all the basic characteristics of the local government.

Urban government has expressed the general issues of local government in terms of the nature, position, role, representative function of the people and the relationships between governments at all levels in accordance with the law, showing specific characteristics of the method of urban organization, management and development.

Urban government is a lean, transparent government that operates effectively; increased autonomy, self-responsibility, decentralization and authorization in many fields in order to promote all capacities and potentials of the urban areas to better serve the people and businesses.

3.3. The current situation of public human resources in Binh Phuoc province

The issue of capacity, professional qualifications and official duties and ethics of civil servants is still weak and inadequate compared to requirements, which is also an important cause directly affecting the capacity of the urban government apparatus. Facing the renewal requirements of the current reformation and integration process, the state cadres and civil servants are revealing more and more weaknesses in qualifications, capacity, and ability of new thinking, new ways of working, modernization, skills in performing official duties, specifically, communication relations with citizens, justice, in-

tegrity, devotion... these are more evident in a part of cadres and civil servants in the urban government apparatus, which is reducing people's trust in the government and significantly limiting the capacity, effectiveness and efficiency of the urban government, reducing people's trust in the government and significantly limiting the capacity, effectiveness and efficiency of urban government [6].

As of December 2020, the whole province of Binh Phuoc had 17,984 cadres, civil servants and public employees, of which: cadres, civil servants and public employees in the State units were 15,519 people; cadres, civil servants and officials in the Party and mass organizations were 2,465 people with professional qualifications, political theory and state management qualifications as follows:

Table 1. – Statistics of qualifications of cadres, civil servants and public employees of Binh Phuoc province

Total number of cadres, civil servants and public employees (persons)	Qualification											
	Postgraduate		Graduate		College		Intermediate		Elementary			
	Quan- tity	Ratio (%)	Quan- tity	Ratio (%)	Quan- tity	Ratio (%)	Quan- tity	Ratio (%)	Quan- tity	Ratio (%)		
	717	3.98	13,072	72.68	507	2.81	3,477	19.33	211	1.2		
	Political theory level											
	Advanced		Intermediate		Elementary		Untrained					
	Quantity	Ratio (%)	Quantity	Ratio (%)	Quantity	Ratio (%)	Quantity		Ratio (%)			
	1,375	7.64	3,825	21.26	6,466	35.95	6,318		35.15			
	State management level											
	Senior Expert		Main expert		Expert		Untrained expert					
	Quan- tity	Ratio (%)	Quan- tity	Ratio (%)	Quan- tity	Ratio (%)	Quantity		Ratio (%)			
	27	0.15	251	1.39	3,562	19.80	14,144		78.66			

Source: The Organization Committee of the Provincial Party Committee and the Department of Home Affairs of Binh Phuoc province

Analysis of the above data table shows that, professional qualification, political theory level and state management level of cadres, civil servants and public employees of the province still do not meet requirements and not commensurate with the total number of cadres, civil servants and public employees of the province. The number of cadres, civil servants and public employees with postgraduate qualifications accounts for only 3.98%; the number of cadres, civil servants and public employees with intermediate and elementary qualification is still high, accounting for 20.53%; Regarding the political theory level: the number of people with advanced and intermediate training is only 28.9%; the number of people

with elementary level accounts for 35.95%. It also shows that the number of people who have not been trained in political theory is still high, accounting for 35.15%.

In addition, the number of people who have not been trained in state management at the professional level, or holding the rank of officials and employees is still high, accounting for 78.66%.

According to the requirements of Directive 28/CT-TTg: "To ensure that by the end of 2021, 100% of cadres, civil servants and public employees must be trained to meet the standards of leadership and management positions before appointment, re-appointment" and at the request of Decree No. 101/2017/

ND-CP “Training according to the standards of civil servant ranks, standards of professional titles of public employees; training before appointing to leadership and management positions”.

3.4. Requirements for human resources to meet the need of the current development of the urban government of Binh Phuoc province

The reports of the Government and the verification agencies of the National Assembly have outlined a vivid picture, many bright spots of urban development in the past time and in the coming years. Some results have been recorded, which is a system of rapid urban development in terms of quantity, expansion in scale, and gradual improvement of quality in the direction of being synchronous, green, environmentally friendly, and adaptive to climate change. In our country, in 1999 our country had only 629 urban areas, by the end of 2018 our country had 819 urban areas, by the end of 2019 our country had 835 urban areas. According to the urban development orientation to 2025, our whole country will have about 1,000 urban areas. The degree of urbanization accounts for about 45% [6].

Binh Phuoc cannot be an exception to that rule, urban areas in the local government of Binh Phuoc will certainly have to form and increase in number over time, so it must consider the guarantee and prerequisite factor in the administration for the urban government when developing the urban government. In addition to the general criteria and regulations for cadres, civil servants and public employees according to the framework of positions, general functions and tasks, there should be separate requirements in the urban government. That is:

Firstly, suitable professional capacity for positions of the urban government

This is a basic and natural factor of human resources; If you want to arrange human resources before you can access their forte or other ability, the specific professional qualifications at the degree and capacity will prove this. And of course, to become cadres, civil servants and public employees of

the urban government, this factor must be available and must be superior to other administrative units because the objects of management and service are different from other places and of course their needs and qualifications and awareness are also higher than other administrative units.

Secondly, adaptability to the digital environment, digital transformation

Digital transformation or digital government is the necessary foundation of an urban government, a smart government to serve “smart” people, then of course the person serving them must be “more intelligent”. It’s unacceptable for a civil servant who does not know anything about digital government to serve the people of the digital economy and digital society. An cadre who cannot access information technology cannot help the people to become digital citizens.

All products and services will be digitally improved (Mark Raskino & Graham Waller [7, P. 39]) so people will inevitably transform digitally, “Digital transformation or failure” (Mark Raskino & Graham Waller [7, P. 1]).

Thirdly, food morality, dareness to think, to do, to make breakthroughs for the common benefits

Ex-President Ho Chi Minh once taught “it would be difficult for a virtuous but incapable person to work, while a talented person without virtues will become useless”. It is difficult when government cadres, civil servants and public employees are heartless, not morally pure, only thinking about benefits but not serving, not thinking about the people but only caring for themselves. These cannot be used in the state apparatus. As cadres, civil servants, public servants are to serve the people, morality must be put first, it is best to refuse talented persons without virtues, who will affect the image of the government, the Party, and the State.

Besides, cadres, civil servants and public employees who need to be innovative, creative, dare to do, dare to break through are usually those who are willing to sacrifice their own interests to serve the common benefits. Each innovative and creative idea usually

comes from passion and desire to contribute to work and society. In order to promote the potential, intelligence, enthusiasm and encourage cadres to propose innovative and creative ideas, the trust and respect of the Party Committees is as valuable as a moving encouragement to the hearts of officials. The trust and respect of the Party committees and organizations is not something abstract, difficult to understand, but very concrete. Party committees and organizations with the core role must respect, recognize and properly evaluate the capacity of cadres. The Party Committee is the originator and inspirer of trust among cadres; always encouraging, arousing ideals, passions, creative aspirations and dedication. All suggestions of cadres showing their curiosity and creativity should be listened to and respected. When the Party Committee respects the character, ability and quality of the cadre, there will be a sincere sharing, understanding and companionship between the Party Committee and cadres, to overcome all difficulties and challenges from the time of proposal to the time of successful implementation of innovative and creative ideas. At the same time, the Party Committee is the factor that activates the qualities in cadres such as the desire to rise up, the will to overcome challenges, the need to assert oneself, to turn small ideas into big ideas, to turn thoughts into practical and useful actions for the society. When trusting cadres, party committees and organizations may confidently assign important responsibilities, tasks, difficult works, and high requirements so that cadres can show their thinking ability and creative ability. Trust is also reflected in empowering cadres to self-determine when implementing innovative and creative ideas. Trust and respect are also an effective solution to motivate cadres to overcome difficulties, make creative proposals, and make the right and decisions to achieve the set goals.

4. Discussion

With the goal of developing a professional, responsible, dynamic and talented civil service. Implement a mechanism of fair, democratic, open and transparent competition in appointment and promo-

tion of cadres and recruitment of civil servants and public employees to attract truly virtuous and talented people to work in the state agencies. By 2025, to build a contingent of cadres, civil servants and public employees with reasonable structure, meeting standards, titles, employment positions and competency frameworks as prescribed. By 2030, to build a contingent of professional cadres, civil servants and public employees of high quality, quantity and reasonable structure; cadres at all levels, especially at the strategic level, are qualified, capable and reputable, on par with their duties: 50% – 60% of office leaders, managers..., 25% – 35% of Department-level managers, managers of district People's Committees and equivalent, over 30% of office leaders, managers under departments and branches, district People's Committees and equivalent, 80% of leaders, managers of state-owned enterprises capable of working in an international environment. 100% of commune cadres and civil servants with college or university degrees and standardized on political theory, expertise, professionalism, and working skills (Government [1, P. 11]).

For the urban government, it not only bases on that goal, but the human resources are also more than the quality of the target set out to be worthy of the local government in the urban areas. Therefore, it is necessary to have specific solutions for urban authorities in recruiting, selecting, arranging and using human resources right now with the following mechanisms and policies:

Firstly, continue to promote local human resources and develop further while the team is young, enthusiastic and actively learning, especially with suitable virtue and talent. With this team, it is necessary to have a policy of retaining and developing by training and re-training, with an appropriate and timely regime.

Secondly, the local government builds resources right now according to the model of businesses that order right from high school and university students to create a basic source of local people to promote the development of the local human resources and

promptly supplement future resources and also limit brain drain because the children are local, they will stick around for a long time and have committed from the beginning, the product and quality should meet the needs of the government. For example, how many construction engineers, how many technical specialists or how many administrative managers are needed to direct children to their ability and potential right from the school age.

Thirdly, the policy of attracting talents to serve the urban government, regardless of foreigners or foreign experts, it still has preferential policies, respects and uses them to serve the urban government with reference to China's policy on use of human resources for the Shenzhen Special Economic Zone.

Fourthly, the central government will create a mechanism for the urban government's legal corridor to take the initiative in policies related to its own resources, not limited to the regime and policies that are on par with the content of brainpower and the dedication and service of that resource, in accordance with the criteria "follow your capacity, enjoy according to your needs". The urban government apparatus is "really lean, but quintessentially" worthy of local government in urban areas, different from rural government and other administrative units.

Fifthly, to build a mechanism to protect talented people, cadres, civil servants and public employees who dare to think, dare to do and dare to act as stipulated in the Document of the 13th National Congress: "Specify clearly and uphold the responsibility of the head; encourage and arouse the spirit of dedication to the country, create motivation and pressure for all cadres, civil servants and public employees to best fulfill their assigned tasks, and wholeheartedly serve the

people; protect cadres who are innovative, creative, dare to think, dare to do, dare to break through, dare to take responsibility for the common benefits".

5. Conclusion

Ex-President Ho Chi Minh once taught: "Old but bad things must be abandoned... Old but not bad, troublesome things must be revised properly... old but good things must be further developed... New and good things have to be performed". Therefore, innovation and creativity need to be based on reality, not far from reality, in order for it to exist according to its laws. Urban government is not new to us and other countries in the world, but for a long time we had forgotten the existence of urban areas from 1946 until the Law on Organization of Government was born, the concept of urban government was legalized, but in fact it existed and will forever exist because that is the rule and the administrative team on par with it, which is an unchanged objective request. With suggestive proposals to contribute to reclaiming the path that has been mossy over the years into an avenue with the construction motto "small government – big society, little approval – many services". Developing an organizational model of urban government in Binh Phuoc province in the near future is expected to have a change not only in the change of "too tight the shirt" but the movement of the new model will be associated with mechanisms and policies, promote decentralization and authorization, promote administrative reform, reform the civil service and civil servant regimes, develop e-government, improve autonomy, self-responsibility, promote the initiative and creativity of Binh Phuoc government to ensure the stability and development of the province in the new period.

References:

1. Government. Resolution 76/NQ-CP dated July 15, 2021 approving the Master Programme on State Administration Reform for the 2021–2030 period, 2021. – 10 p.
2. Ministry of Home Affairs. Document on fostering office leaders and managers of public non-business units in 2017. – 130 p.
3. National Assembly. Law on cadres and civil servants 2008. Truth National Political Publishing House, Hanoi.

4. National Assembly, Law on Public Employees 2010, Truth National Political Publishing House, Hanoi.
5. National Assembly, Law on Organization of Local Governments amended and supplemented in 2017. Truth National Political Publishing House, Hanoi.
6. Ministry of Construction. Improvement of urban government's capacity to meet development requirements. 2008.
7. Mark Raskino & Graham Waller. Digital transformation to the core to improve leadership for industries, businesses and yourself, Information and Communication Publishing House, Hanoi. 2020.
8. Communist Party of Vietnam. Document of the 13th National Congress of Deputies, Truth National Political Publishing House, Hanoi. 2021.
9. Duong Mong Huyen, Tran Thi Thu Thuy, Nguyen Thi Thanh Mai, Hoang Thi Quy. Encourage and protect cadres to innovate, be creative, dare to think, dare to do, dare to take responsibility for the common benefits – won the Consolation Prize – National Press Prize on Party Development (named Golden Hammer and Sickle) for the 5th time in 2020.

Section 6. Psychology

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-6-58-61>

Curasov Inga,

PhD student, Doctoral School of Psychology
and Educational Sciences, State University of Moldova,
Chisinau, Republic of Moldova

E-mail: ingakurashov@mail.ru; ingavasilica@yahoo.com

Tolstaia Svetlana,

Associate Professor, PhD in Psychology
Faculty of Psychology and Education Sciences
State University of Moldova, Chisinau, Republic of Moldova
E-mail: tolstaiasv@gmail.com

THE VIEW OF MODERN TEENAGERS ON SEXUAL EDUCATION AT SCHOOL

Abstract. the article is devoted to the issues and problems of sex education for adolescents. The comparative analysis of sex education in European countries, Russia and Moldova is presented. Preliminary results of a survey of modern adolescents on the assessment of sex education at school are presented.

Keywords: sex education, educational institution, school, adolescents, youth, survey.

Курашов Инга

Аспирант, Докторская Школа Психологических
и Педагогических наук, Молдавский Государственный Университет,
Кишинев, Республика Молдова

E-mail: ingakurashov@mail.ru; ingavasilica@yahoo.com

Светлана Толстая

Доктор Психологии, Доцент,
Факультет Психологии и Педагогических Наук,
Молдавский Государственный Университет,
Кишинев, Республика Молдова

E-mail: tolstaiasv@gmail.com

ВЗГЛЯД СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ НА ПОЛОВОЕ ВОСПИТАНИЕ В ШКОЛЕ

Аннотация. статья посвящена вопросам и проблемам полового воспитания подростков. Приведен сравнительный анализ полового воспитания в Европейских стран, России и Мол-

довы. Представлены предварительные результаты опроса современных подростков по оценке полового воспитания в школе.

Ключевые слова: половое воспитание, образовательное учреждение, сексуальное образование, школа, подростки, молодежь, опрос.

В современном обществе наблюдается акселерация поколений. И в этом отношении вопрос образования в области полового созревания очень важен. Сегодня происходит технологическая революция. И почти каждый человек имеет доступ к Интернету, в том числе подростки и дети, а в интернете подростки и дети могут сталкиваться с порой неверной или не достоверной информацией, которая может исказить их восприятие о сексуальной жизни [1]. Именно поэтому были созданы и продолжают создаваться программы полового просвещения школьников практически во всём мире, в Молдове же прогресс полового воспитания пока не получил всестороннего развития. Мы сделали попытку сравнительного анализа европейских стран, российского и молдавского опыта в области сексуального образования старшеклассников.

Правительство Великобритании сделало уроки по взаимоотношениям и сексу обязательными в начальной и средней школе и лишило родителей права не пускать своих детей на данные уроки по достижении ими 15 лет. Британские авторы (Л. Думас) подчёркивают, что родителям надо понять: сексуальное образование безопасно и не будет провоцировать их детей на аморальное поведение [2].

В Германии сексуальное образование включено в программу четвёртого класса общеобразовательной школы (8–9 лет). В Германии уроки по сексуальному развитию входят в обязательную школьную программу и направлены на то, чтобы адаптировать детей к современному миру, где тема секса присутствует повсеместно.

Программа сексуального образования предназначена содействовать здоровому эмоциональному и физическому развитию детей и подростков. В школьной программе сексуального образования во Франции самый большой пласт в обуче-

нии отводится на предохранение от нежелательной беременности и венерических заболеваний. Школьникам рассказывают о том, насколько важна контрацепция и отсутствие частой смены партнеров. Беременность и зачатие ребенка – это немаловажный пункт является третьим по важности в рамках полового воспитания школьников. Он очень переплетается с темой контрацепции. В первую очередь школьники изучают биологический аспект данного вопроса. Как происходит зачатие, как развивается плод, как происходит рождение ребенка. Это происходит более открыто и свободно, чем на наших уроках анатомии.

Сексуальное образование в США является обязательным и каждый штат сам решает нужно ли вводить сексуальное образование, и какая должна быть программа. Так, например, сексуальное образование в Техасе, штат США, имеет определенные критерии, которым школа должна соблюдать при выборе, чтобы научить Sex Ed [2].

В России особо прогресса в сторону развития сексуального образования не наблюдается, хотя попытки ввести половое образование в России предпринимались в 1991 году, когда за введение уроков полового просвещения высказалось около 60% населения. В 1994 году на разработку программы власти выделили 2,5 миллиарда рублей. Однако, подобно истории с сексуальным образованием в США в 80-х годах, нашлось множество противников нововведения, что в итоге привело к резкому торможению программы и последующей заморозке [4].

Проблема воспитания сексуальной грамотности молдавских подростков в настоящее время стоит очень остро, так как по официальным данным Biroul Național de Statistică на 2020 год в Молдове отмечается высокий процент подростковых

родов (несовершеннолетние девушки от 15 до 18 лет), беременностей, а также широкое распространение заболеваний, передающихся половым путём [6]. В настоящий момент в Молдове нет официальной программы сексуального воспитания детей и подростков, и половое воспитание длительный промежуток истории даже не определялось как специальная научная задача [7].

Тем не менее, во многих зарубежных странах есть и уже давно практикуются программы полового воспитания детей и подростков:

1) Швеция – первая страна, которая ввела сексуальное воспитание в школах еще в 1955 году, – до сих пор является главным центром разработки различных обучающих курсов на тему секса [2, С. 129]. Как утверждают сами шведские авторы, с середины 1990-х гг. половое просвещение из отдельного школьного предмета превратилось в мультидисциплинарную тему, затрагивающую такие науки как: биология; религия; обществознание; история.

К окончанию 9 класса к вышеперечисленному добавляются знания о контрацепции, половой жизни и ЗППП [3, С. 30].

2) Норвегия была второй европейской страной, включившей тему полового воспитания в учебную программу в школах. Благодаря этому, в последние годы сократилось количество подростковых абортов в данной стране.

3) Меньше всего случаев подростковой беременности отмечено в Нидерландах: это заслуга Голландского международного экспертного центра по сексуальному и репродуктивному здоровью «Rutgers», в котором главной заслугой является программа для начальных классов. Участвующие в ней школы проводят в начале года уроки по темам «Устойчивость», «Тело и самооценка» и «Секс и средства массовой информации», включенные в обязательную программу [5].

В рамках научно-исследовательской работы среди молдавских школьников 14–18 лет был проведен опрос для доказательства актуальности и важности сексуального просвещения среди мо-

лодежи. Вопросы были направлены в несколько аспектов, помогающих собрать наиболее объемную информацию.

Опрос имел несколько задач:

1) выявление процента подростков, ведущую половую жизнь;

2) сбор информации по поводу методов контрацепции подростков;

3) сбор информации по поводу получения сексуального просвещения, а в частности уроки полового воспитания в школах (их наличие и эффективность);

4) выявления уровня заинтересованности подростков, как в общем продвижении идей сексуального образования, так и отдельных аспектов темы;

По предварительным данным анализа ответов подростков показал следующие результаты:

– в возрасте 15–18 лет преобладает число подростков, не ведущих половую жизнь (это 80,6% среди девушек и 60,7% среди парней). Итого: число мальчиков, ведущих половую жизнь больше, чем девочек на 19,9%;

– Большинство девушек (52,5%) указали под возрастом первого сексуально контакта период 16–18 лет, когда как среди парней в большинстве тех, кто выбрал вариант 14–15 лет (47,9%). 0,6% девушек начинают половую жизнь младше 14 лет, когда как процент парней, ведущих половую жизнь до 14 лет составляет 6,3%.

Результат ответов респондентов по поводу способов получения сексуального просвещения показал следующие результаты:

– Лидирующими позициями остаются способ информирования через Интернет и через ровесников и друзей (89,9% и 59,7% соответственно).

– 37,9% составляет способ получения сексуального просвещение они получают через семью (28,2% – родители и 9,7% – старшие братья и сёстры);

– 4,9% – личная консультация у специалиста;

– 4,3% составляет способ получения сексуального просвещения через уроки/лекции по-

лового воспитания в школе. Итого: в настоящее время главными источниками информации остаются Интернет и ровесники, что может привести к распространению недостоверной информации и введение подростков в заблуждения, в том числе касающиеся контрацепции;

- Подавляющее большинство (79%) не имели уроков или лекций полового воспитания в школах, а 21% – единожды;

- Только 7,6% подростков отметили эффективность этих уроков.

Можно сделать вывод, что молдавское образование не предусматривает должного и полноценного воспитание сексуальной грамотности среди подростков 14–18 лет. Как показывает статистика, проведения единожды урока недостаточно для формирования полноценного объема знаний по вопросам половой жизни, контрацепции и т.д.

По статистике опрошенных можно сделать выводы:

- Мальчики 14–18 лет более раскрепощены и психологически готовы обсуждать тем, касающихся сексуального воспитания в коллективе (34,1% проголосовали, что проблем не возникает и 24,4% ответили «скорее да, чем нет»), чем девушки в этом же возрасте;

- 27,2% девушек и 17% парней отметили, что чувствуют себя крайне некомфортно при обсуждении данной темы в коллективе. То есть формирование сексуальной грамотности подростков должно подразумевать не только общие лекции, а также и индивидуальные консультации со специалистами в области полового воспитания.

Только менее 3% респондентов считают, что необходимости внедрения и увеличение информирование подростков на тему сексуального просвещения нет. Подавляющее большинство (97%) отметило, что хотели бы получать больше информации.

Подводя итоги, можно подвести несколько самых главных выводов, сделанные на основе опроса:

- 1) Подавляющее большинство не получают должного сексуального просвещения, затрагивающего такие важные темы как половое созревание, сексуальный контакт, ЗППП и контрацепция.

- 2) Подростки интересуются темой, и хотят получать больше информации от специалистов в области сексуального образования, сексологов и считают, что надо внедрять уроки полового воспитания в школах.

- 3) Уроки сексуального воспитания требуется вводить в учебные заведения.

Список литературы:

1. Balynskaya N. R. Specifika uchastiya sredstv massovoj informacii v politicheskem processe sovremennoj Rossii: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora politicheskikh nauk.– Ekaterinburg, 2019.
2. Polovoe vospitanie-Sex education.– Rezhim dostupa: URL: https://ru.qwertyu.wiki/wiki/Sex_education
3. Sakevich V. Seksual'noe obrazovanie – put' uluchsheniya reproduktivnogo zdorov'ya».– Rezhim dostupa: URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2012/0535/reprod05.php>
4. Chebotareva I. I. «Osobennosti seksual'nogo vospitaniya podrastayushchego pokoleniya v sovremennyh usloviyah: sociologicheskij analiz», 2018.– 588 s.
5. Shul'gina E. V. «Seksual'noe obrazovanie i vozраст seksual'nogo prosveshcheniya v zapadnoj sociologii». Izdatel'stvo: «Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika» 2017.– st. 129.
6. URL: <https://statistica.gov.md>
7. Chirev L. «Educație sexuală: necesitate sau provocare». Psihologie 1, 2012.

Section 7. Philology and Linguistics

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-6-62-65>

Petrova Elka,
Paissii Hilendarski University of Plovdiv
Master of Slavic and Bulgarian Philology
and post-graduate student at Faculty of Philology, Bulgaria
E-mail: elipetrova.p.s@gmail.com

LEXICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT “HONEY” IN CZECH LANGUAGE (STAGE FROM THE WRITING PROCESS OF A THESIS)

Abstract. This article examines the reflection of the concept “honey” in the Czech language, in particular, it is viewed like a cognitive entity concept. Special attention is paid to the analysis of the notional component of this concept, based on the lexicographic studying of the dictionary definitions of its nominees.

Keywords: diploma project, concept “honey”, lexical representation, Czech language.

Writing a large-scale scientific research as a thesis is a long process that requires the student not only to conduct a detailed study of the topic, but also with the help of the supervisor to compile an algorithm and methodology for work. The variety of approaches for analyzing the individual concepts required a complex approach to work. The first stage of the study of the concept of “honey” in the Czech language required the tracing of its lexical representation. Main approach while studying the concepts is the one that suggests the studying and analysis of definitions, embedded in different dictionaries. In the clarification of the extend and essence of the concept “honey”, key lexeme is “honey”, due to its characteristics in stylistically neutral, common, ambiguous and often used form. Therefore, in the following article we analyze the dictionary definitions of the lexeme, with which the concept “honey” is represented in Czech language. This will allow us to

view the development of the inquiry in the following concept article. It will also allow us to clear the limits and dynamics in the reality perception from the natives in the specific language.

The lexeme honey is of key importance to the clarification of the scope and nature of the concept of honey because its characteristics are of stylistically neutral, widespread, polysemantic and used form. That is why we will look at the dictionary definitions of the lexeme by which the concept of honey is represented in Czech language. The approach, which involves studying and analysis of definitions in different dictionaries, is often applied by scholars (indicative in this regard are the works of A. P. Babushkin /The Concepts of Different Types of Vocabulary and Phraseology, and Methods of their Detection. Methodological Problems of Cognitive Linguistics. Voronezh, p. 52–58, 2001./, N. A. Krasavskiy / Emotional concepts in German and Russian linguocul-

tures. Volgograd, 2001/, V.I. Karasik and G.G. Slishkin /Linguocultural concept as a unit of research. Methodological problems of cognitive linguistics. Voronezh, VSU, p. 75–80, 2001./, I.A. Sternin /Selected works. Theoretical and applied problems of linguistics. Voronezh: Origins, 2008/, M. Cuenca and J. Hilferty /María Josep Cuenca, Joseph Hilferty. Introducción a la lingüística cognitiva. Barcelona, 1999/, etc.), because, according to them, in dictionary definitions, apart from a lexical description of the concepts, the characteristics of different cultures and the way the native speakers of the respective language perceive reality are fixed.

Parts of the information, taken from the legitimate dictionaries (*Český etymologický slovník* (Jiří Rejzek, Leda, 2015), *Etymologický slovník jazyka českého* (Václav Machek, NL – Nakladatelství Lidové noviny, 2010)), which look at the etymology problems of the lexemes from Czech language, are:

- According to the *Český etymologický slovník*, Jiří Rejzek, Leda, 2015: medový, medovina, medovinový. Všesl.– p. miód, r. měd, s./ ch. mēd, stsl. medъ. Psl. *medъ přesně odpovídá lit. medūs tv., sthn. metu, stir. mid, ř. méthy, sti. mádhu-, kromě bsl. všude primární význam {medovina, opojný nápoj}, vše je z ie. *medhu- {med, medovina}. Problematická je příbuznost lat. mel, ř. méli {med}. Podobně názvy jsou i mimo ie. jazyky fin. mete, mad', méz (asi přejato z ie.) [1, 408].

- According to the *Etymologický slovník jazyka českého*, Václav Machek, 2010 – med; medový; medovina nápoj z medu, med(ov)ník – koláč medový; stč. meduňka medunica, jisté medonosné rostlinky, nč. nář. medulká; medovka, rozličné sladké ovoce; Vseslovanské: stsl. medb, sch. med, r. med, ukr. mid, pol. miód, hl. měd, dl. mjod. Slovo prastaré: původně neutrum: stind. mádhu medovina, ř. μέννυ opojný nápoj, víno, sthn. metu a ir. mid medovina; lit. medus a lot. medus, stpr. meddo (*medü) med. Základní slovo je adjektivum *medhu- (stind. mádhu-sladký, příjemný), jež bylo zpodstatněno jako název medoviny. Zdá se, že vlastní název medu byl ten, který

je v lat. mel a ř. μέλι (s medhu nijak nesouvisící!), ve většině ide. jazyků však název medoviny byl přenesen, (z důvodu tabuových?) i na med. Obdobné názvy u Ugrofinů (fin. mete, mad. méz, mordv. м'ед', lap. mitt) mohou být přejaty od Indoevropánů [2, 357].

Having in mind the given information, we are able to highlight the following conceptual signs, which are inherent in the concept "honey" in the Czech language: *drink, sweet, nice*.

Interpretive dictionaries include the general signs of the lexeme, important for differentiation of one reality from another; indicate the linguistic or systemic meaning, the content of which is known to all native speakers of the language. That is why we resolve to these exact dictionaries (*Slovník spisovné češtiny* (SSČ), Academia, 2018; *Slovník spisovného jazyka českého* (SSJČ), Academia 1989; *Dobrý slovník* (онлайн), 2015), in order to derive the main cognitive features of the concept we analyzed and at the same time to trace whether there is a change in its limits. The definition found in Czech dictionaries is:

- Med je šťáva od včel s květů sebraná, do buněk v plástech snesená a v útrobách včel uzpůsobená. Nejlepší med, který z voštín sám vytéká, nazývá se panenský jest bledě žlutý, aromatického zápachu a sladké, palčivé chuti [3, 1047].

- hustá sladká šťáva připravená včelami z rostlinných šťáv a z pylu, které včely v útrobách přeměňují a ukládají do buněk plástů; 2) medovina [4, 1195].

- hustá, sladká tekutina z nektaru květin, produkována včelami; 2) (přeneseně) slast, lehká práce [5].

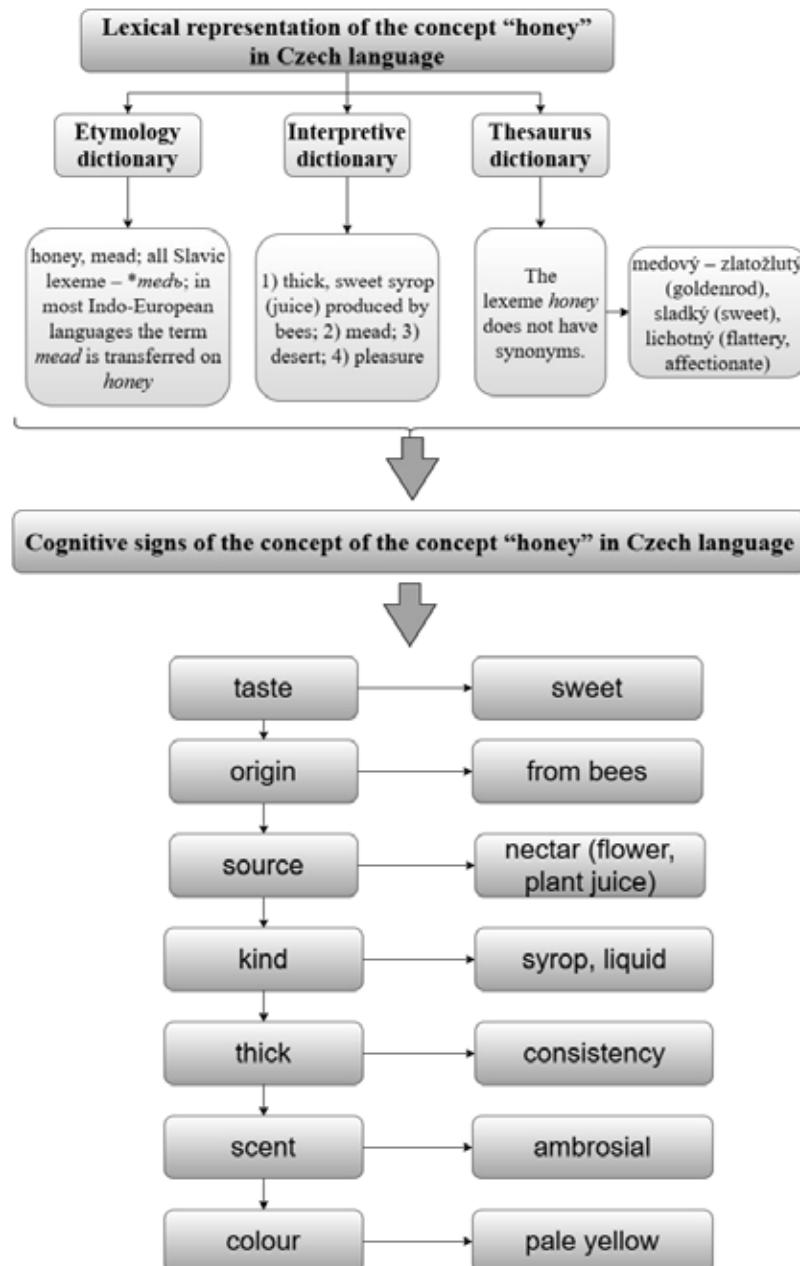
- hustá sladká šťáva, produkt činnosti včel; 2) (turecký) med bílá lepkavá cukrovinka [6, 175].

From the indicated lexicographic data we could deduce that the following conceptual characteristics of honey: 1) *sweetness and thickness-essential features, present in all definitions*; 2) *its origin is indicated – by bees*; 3) *it has syrup consistency (juice) or liquid*; 4) *source – it is pointed that flower juice (nectar) is needed in order the honey to be produced*; 5) *color – pale yellow* (This is a characteristic feature for a certain period of the development of the language, according

to the dictionary definitions in the modern state of the language there is no such feature); 6) *fragrant – aroma* (This is a characteristic feature for a certain period of development of the language, according to dictionary definitions, the current state of the language lacks such a feature.)

It is noteworthy that the original feature of the liquid consistency of the drink (mead), which is present

in the information taken from the etymological dictionaries, has been preserved. The second meaning, fixed in the 1989 dictionary article, also refers to this nature of honey. It is evident that in the development of the language, it was lost, but various figurative uses arose. Indicative of the nature of the concept in the Czech language is the lack of information in the representative definitions of the color of honey.

Scheme 1. The research was implemented and funded within the activities of the project "Philological and methodological challenges in the thesis as an indicator of the dynamics of scientific collaboration in the relationship established researcher – young researcher" (№ ФП21-ФлФ-009)

An obligatory step in the study of the concept includes the reference to the facts from the synonymous dictionary, which allows us to highlight the possible additional aspects of the honey in the language. The lexeme "honey" has no synonyms (contextual synonyms are possible) and this is due to the nature of reality itself: honey is a food product that has certain features that distinguish it from other products, and it is important for human consciousness to distinguish between such food products. Only the adjective medový (copper) (often referring to the nominative field of the concept med (honey) enters synonymous re-

lations: medový – zlatožlutý (goldenrod), sladký (sweet), lichotný (flattery, affectionate) [7, 184].

An interesting detail here is that in addition to the characteristics of color and taste, there is a synonym that can exaggerate the function of qualifying a distant person.

The following scheme allows us to summarize the given information of the lexical representation of the concept med and respectively the derived conceptual features in Czech language (Scheme 1. Lexical representation of the concept honey in the Czech language).

References:

1. Rejzek J. Český etymologický slovník. – Prague: LEDA, 2001.
2. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. – Praha: Lidové noviny, 2010.
3. Otto J. Ottův Slovník naučný: illustrovaná encyklopédie obecných vědomostí. – Praha, 1900.
4. Červená V., Filipc J., Havlová F., Churavý M., Janský L., Kozlová K., Kroupová L., Machač J., Marešová H., Mejstřík V. Slovník spisovného jazyka českého. – Praha: ACADEMIA, 1989.
5. Online dictionary of the Czech language: URL: <http://www.dobryslovnik.cz>
6. Červená V., J. Filipc Fr. Havlová V. Holubová L. Kroupova J. Machač. Slovník spisovné češtiny (SSČ). – Praha: ACADEMIA, 2018.
7. Autorský kolektív pracovníků Lingea. Slovník českých synonym a antonym. – Brno: LINGEA, 2012.

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-6-66-79>

Igor Alexeev,
E-mail: ig.v.alexeev@gmail.com

OPTIONAL PLOTS OF NOVEL “EUGENE ONEGIN” BY ALEXANDER PUSHKIN

Abstract. In a short essay, the optional plot lines of the novel by Alexander Pushkin “Eugene Onegin” are considered. The real surname of Tatiana was disclosed, Olga’s paternity was established, the role of Praskovya in the murder of Lensky was revealed and Onegin’s diagnose was determined. The essay is intended for the widest circle of readers devoted to Russian classical poetry.

Keywords: Pushkin, Eugene Onegin, Tatiana Larina, duel, optional plot.

Игорь Алексеев,
E-mail: ig.v.alexeev@gmail.com

ОПЦИОНАЛЬНЫЕ СЮЖЕТЫ РОМАНА А. С. ПУШКИНА «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»

Аннотация. В кратком эссе рассмотрены опциональные сюжетные линии романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Названа настоящая фамилия Татьяны, установлено отцовство Ольги, раскрыта роль Прасковьи в убийстве Ленского, поставлен диагноз Онегину. Эссе предназначено самому широкому кругу читателей – как профессионалам, так и любителям русской классической поэзии.

Ключевые слова: Пушкин, Евгений Онегин, Татьяна Ларина, дуэль, опциональный сюжет.

Предисловие автора к журнальному варианту статьи

Статья, предлагаемая на суд читателей, явилась результатом мысленного эксперимента: была предпринята попытка воссоздать восприятие романа неким условным жителем России XIX века, принадлежащим к той целевой группе, которую, как представляется, имел в виду А. С. Пушкин, создавая свой роман. Иными словами, хотелось выяснить, на какое понимание произведения у современного ему читателя рассчитывал автор. Стоит ли говорить, что нынешняя современная трактовка нравственно-философской проблематики «Евгения Онегина» никак не возможна без учёта трудов многочисленных исследователей и, разумеется, предполагает по меньшей мере знакомство с ними. Но вместе с тем поставленная задача диктовала не-

обходимость отказаться от того огромного корпуса ценнейшей литературы, который был рождён титаническими усилиями наших пушкинистов за без малого двести лет. Исходя из этого и поскольку речь в представленной статье идёт не только о романе Пушкина, сколько о мыслях читателя XIX века, то никаких отсылок к более поздним работам литературоведов о «Евгении Онегине» здесь сделано не будет, и именно поэтому представленная статья ни в коей мере не претендует на то, чтобы считаться современной или полной.

Сама идея опциональных сюжетов в «Онегине» для нынешнего российского читателя не является ни новой, ни особенно оригинальной. Так, ещё в середине прошлого века в России был в ходу весьма популярный сюжет, имевший, кстати, влиятельных сторонников среди ведущих

пушкинистов своего времени,— про Онегина, примкнувшего к стану мятежников-декабристов. Попытка реконструировать ход мыслей неискушённого и наивного читателя-дилетанта, не имеющего доступа к массиву литературы современной пушкинистики, в том числе к идеям, прошедшим всестороннюю проверку временем, и поэтому вынужденного полагаться исключительно на текст Пушкина и собственное воображение, как мы надеемся, покажет, насколько далеко и куда ушла пушкинская мысль за прошедшие два века.

И. В. Алексеев
17 января 2021 года

К 200-летию дуэли Онегина и Ленского

Читатель как соавтор Пушкина и антипод Онегина. Количество сюжетных линий романа не поддаётся точному подсчёту, а самой неожиданной композиционной особенностью произведения является роль, отведённая автором читателю. Рассчитывая на самостоятельно думающего читателя, свободного от стереотипов восприятия литературных произведений, А. С. Пушкин предусмотрел для него собственное пространство творчества, предполагающее соучастие в создании сложного многоуровневого сюжета из предлагаемой довольно минималистической фабулы повествования. Бедность фабулы, незавершённый рассказ с открытым финалом о несложившихся отношениях Онегина и Татьяны требуют от читателя гораздо большего, нежели просто сопереживание Онегину или ожидание получить в finale логически завершённую картину, удовлетворяющую вкусам широкой публики. Сюжет, который в результате получит читатель, и тот уровень понимания, на который он сможет выйти, зависят от его собственной самостоятельности и смелости в трактовке произведения, а также от умения избежать стереотипов

предсказуемых развязок, навеянных сентиментализмом ранней литературы.

Читатель как творец сюжета и соавтор А. С. Пушкина является полным антиподом Онегина. В отличие от соавтора-Онегина, так и не ставшего поэтом, не умеющего отличить ямба от хорея, не обладающего ни слухом, ни способностью к упорному труду, и поэтому вынужденного портить стихи рассказчика-Пушкина, читатель, следя авторскому замыслу, создаёт многоуровневый сюжет романа и своими усилиями приближается к авторскому пониманию произведения. Иными словами, его вклад прямо противоположен тому, что делал Онегин, портивший текст.

Опциональные сюжетные линии как пространство читателя. Многочисленные разрозненные сведения, относящиеся к героям произведения и проливающие свет на возможные мотивы их поступков, могут быть объединены в связный сюжет или дополнительный план повествования. Один из уже рассмотренных примеров такого построения — воссозданная читателем по отдельным сведениям в первой, четвёртой и восьмой главах внутренняя хронология романа и имеющая к ней непосредственное отношение биография Татьяны. В повествовании также можно выделить ещё по меньшей мере три дополнительных или опциональных сюжетных линии, которые читатель может построить сходным образом — по отдельным указаниям и кратким намёкам в разных главах. Эти сюжеты будут рассмотрены ниже, они касаются истории семейств Лариных и Ленских до приезда в деревню Онегина, мотивов дуэли и истории душевной болезни Онегина.

Вовлекая читателя в интеллектуальную игру по распутыванию сюжетных линий и хронологии событий, автор ни разу не бросает его в одиночестве при решении этих трудных задач. Он не скрывает своих замыслов, но ожидает активной работы читателя, ненавязчиво предлагая ему требуемые подсказки и указания. При всей грандиоз-

ности того, что задумано автором, роман является самодостаточным – он содержит в себе необходимые ключи и ответы на заданные в нём вопросы и не предполагает обращения к внеtekстовым источникам или личной переписке А. С. Пушкина за сведениями, критически важными для понимания авторского замысла.

Без активного участия понимание читателем романа ограничено только открытыми сюжетными линиями Онегина и Татьяны. Удивительно и парадоксально, но, наряду с необходимостью строго следовать авторским указаниям, способность читателя пробудить собственное воображение является необходимым условием для полноценного понимания авторского замысла. Основанные на сведениях из романа, любые версии и гипотезы в отношении возможных событий, о которых в тексте не сказано прямо, имеют право на существование, какими бы невероятными те ни казались, но при условии, что они строятся на твёрдом фундаменте фактов – сведений, сообщаемых автором в романе, – и пока они свободны от внутренних противоречий. Разумеется, никаких неопровергимых доказательств истинности продуктов такого творчества читателя быть не может, поэтому сюжеты, рождённые читательской фантазией, являются строго опциональными. Принять или отвергнуть эти догадки, домыслы и фантазии – личное дело каждого. Читатель, отвергнувший их как несостоятельные, ничего не потеряет в своём понимании основной идеи произведения, но принявший их получит дополнительные краски в многообразной палитре романа.

Средства создания опциональных сюжетных линий. Очевидно, что А. С. Пушкин, создавая свой свободный роман, уже с самого начала вполне ясно различал себе его даль. Как раз поэтому разрозненные сведения, необходимые для создания опциональных сюжетных линий, приходится собирать по всему тексту, вплоть до самых последних строчек восьмой главы, не про-

пуская ничего и держа в памяти мельчайшие подробности, сообщённые автором ранее. Лишних слов у А. С. Пушкина в романе нет, а всё сказанное им имеет смысл и значение.

Читатель романа – активный участник происходящего, от которого требуется способность не только различать на слух голоса двух повествователей, но ещё и решать интеллектуальные задачи, предложенные автором, запоминая и со-поставляя всё сказанное прежде и разрешая для себя кажущиеся несоответствия в повествовании. Читателю при этом нельзя подвергать сомнению истинность того, что он узнает, и произвольно пытаться подменить эти сведения своими рассуждениями о типичности или нетипичности тех или иных событий. Опциональный сюжет создаётся читателем как поиск ответа на вопрос «как такое могло произойти?» при полном доверии автору. Свобода суждений читателя и его внутренняя свобода, его готовность к поиску представляются важными как для понимания всего произведения, так и для создания читателем опциональных сюжетных линий. В романе читателю разрешено всё, что согласуется с приведёнными в тексте сведениями и не противоречит арифметике, логике и здравому смыслу.

Парадоксально, но при условии категорического запрета на конфликт с автором конфликтующие между собой разные читательские трактовки вполне могут уживаться в одном смысловом пространстве, причём как раз по авторскому замыслу. Камертоном романа и демонстрацией авторского замысла, допускающего взаимоисключающие смыслы, является первая строчка произведения – «Мой дядя самых честных правил...», с отсылкой к басне И. А. Крылова «Осёл и мужик»: «Осёл был самых честных правил». Эти пять слов – лейтмотив, предваряющий появление в повествовании самого Онегина, – в компактной музыкальной форме обрисовывают внутренний облик основного героя в восприятии читателя. Автором предполагается

двойная трактовка читателями этих слов. Те из читателей, которые не увидят в них связи с басней, могут рассматривать первую строчку первой главы как воздаяние почестей родственнику от благодарного наследника. Но те читатели, кто сможет услышать отсылку и прочитает за ней циничное презрение бездельника к умирающему человеку, за деньгами которого он едет, получат возможность построить образ Онегина на принципиально другой основе. Иными словами, от выбора читателя зависит, зазвучит ли роман в мажорной или в минорной тональности. Оба варианта предусмотрены автором, поэтому являются одинаково важными для понимания как авторского замысла всего произведения, так и той роли, которая отведена читателю в совместном с автором творчестве. Некоторые читатели способны услышать звучание обеих тональностей одновременно.

Сюжетная линия драмы Лариных и Ленских. В семье Лариных было четыре человека: Дмитрий и Прасковья Ларины – муж и жена, и две дочери – старшая Татьяна и младшая Ольга.

В то время был еще жених
Ее супруг, но по неволе;
Она вздыхала о другом,
Который сердцем и умом
Ей нравился гораздо более:
Сей Грандисон был славный франт,
Игрок и гвардии сержант.

(глава 2, строфа 30)

История знакомства и замужества Прасковьи и Дмитрия, как видно, не была безоблачной. Прасковья пошла замуж за Дмитрия по расчёту, а не по любви. Её первым серьёзным увлечением был другой человек – Грандисон, игрок-картёжник и военный невысокого звания, не без юмора названный по имени персонажа романа С. Ричардсона о высокой морали и воспитании добродетели.

Бог знает кем окружена,
Рвалась и плакала сначала,
С супругом чуть не развелась;
Потом хозяйством занялась,
Привыкла и довольна стала.

(глава 2, строфа 31)

Любовь к Дмитрию не появилась и потом – вначале отношения едва не дошли до разрыва, но отвлечься помогли хозяйственные хлопоты и привычка, а не привязанность и тёплые чувства к мужу:

Привычка уладила горе,
Не отразимое ничем;
Открытие большое вскоре
Ее утешило совсем:
Она меж делом и досугом
Открыла тайну, как супругом
Самодержавно управлять,
И всё тогда пошло на стать.

(глава 2, строфа 32)

Более того, Прасковья научилась манипулировать мужем, и это умение стало основой её отношения к нему. Навыки манипулирования и наивного интриганства Прасковьи сыграют не последнюю роль в последующем и станут одной из причин дуэли Онегина и Ленского.

Он был простой и добрый барин,
(глава 2, строфа 36)

Но муж любил ее сердечно,
В ее затеи не входил,
Во всем ей веровал беспечно,
А сам в халате ел и пил...

(глава 2, строфа 34)

И не заботился о том,
Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под подушкой.

(глава 2, строфа 29)

Тактика невмешательства в дела жены и дочери, вероятно, связана с общим добродушием и неконфликтностью Дмитрия, а не с некоей осознанной принципиальной позицией либерала в семейных отношениях. В любом случае, Дмитрия трудно заподозрить в ханжестве или попытке наязвать другим свои взгляды и ценности.

Под вечер иногда сходилась
Соседей добрая семья,
Нечеремонные друзья,
И потужить, и позлословить,
И посмеяться кой о чём.

(глава 2, строфа 34)

И детям прочили венцы
Друзья-соседи, их отцы.

(глава 2, строфа 21)

Оплаканный своим соседом,
Детьми и верною женой
Чистосердчней, чем иной.

(глава 2, строфа 36)

Близкие друзья-соседи Лариных – это Ленские. По тексту невозможно выяснить, когда началась эта дружба. Может быть, Дмитрий Ларин и Ленский-старший были детьми соседей-помещиков и знали друг друга с детства, а может быть, они были сослуживцами, которые вышли в отставку и осели рядом в своих имениях, поддерживая тесную дружескую связь, далеко выходившую за стереотипные рамки отношений между провинциальными помещиками. Как бы то ни было, у Лариных и Ленских были общая история и тесная искренняя дружба, поэтому никак невозможно согласиться с мнением Ю. М. Лотмана:

«... Комический эффект создается сочетанием торжественного “оплаканный” и “своим соседом”, поскольку облик деревенского соседа-помещика был для читателя “Евгения Онегина” достаточно недвусмысленным и к тому же был уже обрисован

в строфах IV, V, VI и др. той же главы. В свете этого “дети” и “верная жена”, оплакивающие покойника, воспринимаются как архаически-торжественный штамп» (Лотман, 1998).

И там, где прах его лежит,
Надгробный памятник гласит:
Смиренный грешник, Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир,
Под камнем сим вкушает мир.

(глава 2, строфа 36)

Как часто в детстве я играл
Его Очаковской медалью!

(глава 2, строфа 37)

Короткая надпись на надгробной плите Дмитрия рассказывает удивительно много о хронологии событий в его семье. Военный чин бригадира был заменён на чин генерал-майора в ходе военной реформы Павла I, начатой в 1796 году. Таким образом, можно точно сказать, что участник битвы под Очаковом Дмитрий Ларин вышел в отставку с военной службы между 1788 и 1796 годами (строго говоря, до отмены звания бригадира, но вряд ли здесь нужна такая дотошность). Если принять в качестве предположения, что, следуя обычаю своего времени, отставной бригадир Ларин женился сразу же после того, как не позднее 1795 года оставил военную службу, и что Прасковье на выданье было около 20 лет (пределный возраст для потенциальной невесты; к тому же Прасковья, увлечённая Грандисоном, по-видимому, не рвалась замуж за Дмитрия), то можно считать, что Прасковья родилась не позднее 1775 года. Если же Дмитрий вышел в отставку с военной службы по ранению при Очакове, то существует вероятность того, что «милой старушке» Прасковье к приезду Онегина в деревню было уже за 50.

Уничтожать предрассужденья,
Которых не было и нет

У девочки в тринадцать лет!
(глава 4, строфа 8)

В июне 1820 года Татьяне было 13 лет, поэто-
му её год рождения – 1807-й, а поскольку Ольга
младше Татьяны, то Ольгин год рождения можно
приблизительно определить как 1808-й. К январю
1821 года, накануне планируемой свадьбы с Влади-
миром, Ольге могло уже исполниться 13 лет.
Самое удивительное здесь – не возраст крайне мо-
лодой невесты, а то, что у Дмитрия и Прасковы,
проживших в браке не меньше десяти лет, не было
детей до 1807 года, когда родилась Татьяна и ког-
да Прасковье, по самым осторожным подсчётом,
было уже не меньше 30-ти.

Она в семье своей родной
Казалась девочкой чужой.
Она ласкаться не умела
К отцу, ни к матери своей...
(глава 2, строфа 25)

Она должна в нем ненавидеть
Убийцу брата своего...
(глава 7, строфа 14)

Удивительно, как единственное слово, послед-
нее, что узнаёт читатель о Лариных и Ленских
в 14-й строфе 7-й главы – Татьяна думает о Влади-
мире как о брате, – создаёт всю сюжетную линию
драмы Лариных и Ленских, объединяя многочис-
ленные подробности и даты в завершённый рас-
сказ.

Полностью доверяя Пушкину, следует счи-
тать, что, во-первых, Татьяна была родной, а не
приёмной дочерью Лариных, хотя существен-
но отличалась по темпераменту и привычкам от
Ольги и выглядела у Лариных чужой, а во-вторых,
что Владимир Ленский, не успевший официально
породниться с Лариными, приходился ей братом.
Как такое могло получиться? Предположение,
что Татьяна, рождённая у Ленских, была удоче-

ренна Лариними после смерти родителей, следует
отвергнуть сразу по двум причинам: во-первых,
семья Лариных названа автором родной, поэтому
кровное родство между Татьяной и Лариними не
должно подвергаться сомнениям, а во-вторых, Та-
тьяна во всех подробностях повторяет путь своей
родной матери: увлечение посторонним челове-
ком, затем замужество по расчёту и муж-генерал.

Остаётся неочевидное объяснение, что Дми-
трий Ларин страдал мужским бесплодием (ране-
ние под Очаковом?) и не мог иметь собственных
детей, а биологическим отцом старшей дочери
стал с его и Прасковы согласия его лучший друг –
Ленский. Татьяна была Ленской по отцу, приходи-
лась сестрой Владимиру и воспитывалась в своей
родной семье у матери.

И детям прочили венцы
Друзья-соседи, их отцы.
(глава 2, строфа 21)

« ... Он на руках меня держал.
Как часто в детстве я играл
Его Очаковской медалью!
Он Ольгу прочил за меня,
Он говорил: дождусь ли дня?...»
(глава 2, строфа 37)

Таким образом, Ленские и Ларини давно со-
стояли в негласном родстве. Дмитрий хотел сде-
лать это родство легальным и желал выдать за Лен-
ского свою младшую дочь, не будучи уверенными,
что доживёт до свадьбы. Его старшая дочь Татьяна
не могла стать женой Владимиру, поскольку у них
был общий отец. Планируемая свадьба Владимира
и Ольги была условленной заранее по решению
обеих семей.

Сердечных мук еще не зная,
Он был свидетель умиленный
Ее младенческих забав ...
(глава 2, строфа 21)

Склонности Владимира тоже учитывались в семейных планах. Поскольку младенцем считается ребёнок в возрасте до года, Пушкин сообщает читателю, что пяти-шестилетний Владимир с большой симпатией и интересом наблюдал именно за Ольгой в пелёнках, а не за двухлетней Татьяной.

Богат, хорош собою, Ленский
Везде был принят как жених;
Таков обычай деревенский;
Все дочек простили своих
За полурусского соседа ...

(глава 2, строфа 12)

Свои планы официально породнившись и делегатные обстоятельства рождения девочек оба семейства держали в тайне от соседей. Помещики принимают вернувшегося из Германии Владимира как возможного жениха для своих собственных дочерей на выданье. Онегин также не догадывался, куда он так грубо вмешивался, имитируя ухаживания за Ольгой на именинах Татьяны.

... Кузина, помнишь Грандисона?» –
«Как, Грандисон?.. а, Грандисон!
Да, помню, помню. Где же он?» –
«В Москве, живет у Симеона;
Меня в сочельник навестили;
Недавно сына он женил».

(глава 7, строфа 41)

Остаётся задать вопрос: кто же тогда был биологическим отцом Ольги? Ответ: Грандисон, игрок и гвардии сержант, первая любовь незамужней Прасковьи Лариной. Этот персонаж, не присутствуя в повествовании лично, упоминается дважды: во второй и седьмой главах. Пушкин выделил Грандисона композиционно, указывая читателю на его связь с Прасковьей. В семье Дмитрия был заключен договор: за согласие забеременеть и родить ребенка от Ленского Прасковья получила согласие от мужа на еще одну беременность от кого захочет

и уговорила на этот шаг высокоморального Грандисона, который и стал биологическим отцом Ольги.

Оплаканный своим соседом,
Детьми и верною женой
Чистосердечней, чем иной.

(глава 2, строфа 36)

Дмитрия оплакивают сосед Ленский, дочери Дмитрия от разных отцов и верная жена, никогда не изменявшая мужу. Дмитрий Ларин был, по-видимому, надёжным другом для Ленского, хорошим отцом для своих дочерей и терпеливым мужем для своей жены. Чистосердечно скорбящие о его кончине перечислены Пушкиным в порядке убывания их печали.

Сюжетная линия дуэли Онегина и Ленского.
В мае 1820 года Онегин переезжает в деревню. В деревне он знакомится и сближается с Ленским – ровесником и новым помещиком, недавно унаследовавшим своё имение.

Пушкин создаёт образ Ленского с большой долей иронии и без какой-либо идеализации. В голове Ленского стоял плотный розовый туман, вполне естественный для 17-летнего юноши:

Он верил, что душа родная
Соединиться с ним должна,
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждет она;
Он верил, что друзья готовы
За честь его приять оковы
И что не дрогнет их рука
Разбить сосуд клеветника;
Что есть избранные судьбами,
Людей священные друзья;
Что их бессмертная семья
Неотразимыми лучами
Когда-нибудь нас озарит
И мир блаженством одарит.

(глава 2, строфа 8)

А стихи с тем же розовым туманом не отличались зрелостью или оригинальностью:

Он пел любовь, любви послушный,
И песнь его была ясна,
Как мысли девы простодушной,
Как сон младенца, как луна
В пустынях неба безмятежных,
Богиня тайн и вздохов нежных;
Он пел разлуку и печаль,
И нечто, и туманну даль,
И романтические розы;
Он пел те дальние страны,
Где долго в лоно тишины
Лились его живые слезы;
Он пел поблеклый жизни цвет
Без малого в осьмнадцать лет.

(глава 2, строфа 10)

Сперва взаимной разнотой
Они друг другу были скучны;
Потом понравились; потом
Съезжались каждый день верхом
И скоро стали неразлучны.
Так люди (первый каюсь я)
От делать нечего друзья.

(глава 2, строфа 13)

Дружба Онегина с Ленским связана не только с общими интересами, отчасти вкусами и темами для бесед, но и с недостатком общения в деревне, «от делать нечего». Сближение происходило постепенно, но приятельские отношения были прочными.

Скорей! пошел, пошел, Андрюшка!
Какие глупые места!

(глава 3, строфа 4)

Побывав вместе с Владимиром в гостях у Лариних и убедившись, что Ленский влюблён все-рёз, Онегин испытывает сильное раздражение.

По каким-то причинам он не рад увлечению друга Ольгой:

«Скажи: которая Татьяна?» –
«Да та, которая грустна
И молчалива, как Светлана,
Вошла и села у окна».–
«Неужто ты влюблен в меньшую?» –
«А что?» – «Я выбрал бы другую,
Когда б я был, как ты, поэт».

(глава 3, строфа 5)

Разумеется, эти слова Онегина нельзя рассматривать как выражение его симпатии к Татьяне. Сравнивая сестёр, Онегин пытается приизить, очернить Ольгу в глазах Владимира:

«В чертах у Ольги жизни нет,
Точь-в-точь в Вандиковой Мадонне:
Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне».

(глава 3, строфа 5)

Пребывая в сильном раздражении, Онегин борется за внимание Ленского, эпитет «глупая» повторён им два раза. Здесь проявляются речевые и психологические характеристики Онегина, важные в дальнейшем: негативные и резкие суждения, эгоизм, возможно – чрезмерное самолюбие, которое пострадало от того, что Ленский отдаётся от него, то есть ревность. Ленский решил не продолжать разговор, проявив выдержку и самообладание в этом эпизоде, хотя слова Онегина о его невесте, пусть высказанные в частной, непубличной беседе, могли бы быть достаточным основанием для обиды. Благодаря сдержанности Ленского отношения между друзьями не пострадали – они по-прежнему оставались тёплыми и доверительными.

«Да, Татьяны именины
Субботу. Олењка и мать

Велели звать, и нет причины
Тебе на зов не приезжать».—
«Но куча будет там народу
И всякого такого сброду...» —
«И, никого, уверен я!
Кто будет там? своя семья.
Поедем, сделай одолженье!
Ну что ж?» — «Согласен».— «Как ты мил!»
(глава 4, строфа 49)

Владимир передаёт Онегину приглашение от Ольги и Прасковьи на именины Татьяны. Следует обратить внимание на два важных обстоятельства: во-первых, приглашение на именины Татьяны Онегину передают мать и Ольга, а не сама Татьяна, а во-вторых, Ленский уверил Онегина, что праздник планируется провести в узком семейном кругу, что чужих и соседей там не будет.

Чудак, попав на пир огромный,
Уж был сердит.
(глава 5, строфа 31)

Увидев, что на именины съехалось всё общество, Онегин понял, что обманут, и испытал свой обычный приступ раздражения, но это ещё не решение мстить Ленскому — намерения начать ухаживания за Ольгой только потому, что на именинах оказалась толпа не совсем приятных ему людей, у Онегина не было. Что же тогда стало причиной дуэли и почему она состоялась?

Набоков пишет: «... Читатели остаются в полном недоумении относительно причин дуэли между Онегиным и Ленским и не могут понять всех её подробностей, если только не воспринимают ее как должное, как некое действие, происходящее по законам странной “феодальной” легенды или оперного либретто. На самом же деле для благородного человека в 1820 г. во всем цивилизованном мире было совершенно естественно вызвать на дуэль того, кто вел себя по отношению к нему

и его невесте так, как на балу у Лариных вел себя Онегин...» (Набоков, 1998).

Но, девы томной
Заметя трепетный порыв,
С досады взоры опустив,
Надулся он и, негодуя,
Поклялся Ленского взбесить.

(глава 5, строфа 31)

Замеченное Онегиным смущение влюблённой в него Татьяны стало отправной точкой всех последующих событий. Влюблённость Татьяны ни для кого не была секретом и даже стала предметом сплетен и пересуд у соседей (глава 4, строфы 23, 24). Разумеется, переживания и влюблённость дочери, которая разрисовывала запотевшие окна вензелями Онегина, не были тайной и для Прасковьи. Прасковья Ларина, ранее привыкшая манипулировать мужем, видя страдания Татьяны, решила построить наивную интригу и через Владимира свести Онегина с Татьяной. Для Онегина, получившего опыт интриг в высшей лиге этого искусства — аристократических кругах Петербурга, — не составило ни малейшего труда понять, что Прасковья с помощью Владимира пытается манипулировать им, что его посещение именин было подстроено ею через Владимира. Онегину было достаточно вспомнить, что приглашение на именины он получил не от Татьяны, а от её матери и Ольги, и место за столом ему было подготовлено ею как раз напротив Татьяны. Его демонстративное ухаживание за Ольгой было не только местью Владимиру за предательство, но и Прасковье за сводничество. «Хотите, чтобы я начал ухаживать за вашей дочерью? Извольте. Начну, только не за той...»

Склонность Прасковьи к наивному манипулированию мужчинами, влюблённость Татьяны, незрелость крайне юной Ольги, простодушно принимавшей ухаживания Онегина, мстительность Онегина и вспыльчивость Ленского, спровоци-

рованная публичным оскорблением, – всё вместе привело к дуэли.

Какая радость: будет бал!

(глава 5, строфа 28)

Приезд музыкантов на праздник стал для девочек приятным сюрпризом; хотя именины проводились как светское торжество для соседей и друзей, бал на именинах не планировался. Решение имитировать ухаживания за Ольгой принято Онегиным спонтанно – он тоже не мог знать заранее, что будут танцы.

Эмоциональное состояние Ленского сильно менялось в течение короткого времени после выходки Онегина на именинах. Сначала он вспыхнул ревностью, он взбешён и жаждет мести:

Теперь сомненья решены:

Они на мельницу должны
Приехать завтра до рассвета,
Взвести друг на друга курок
И метить в ляжку иль в висок.

(глава 6, строфа 12)

Но его решимость быстро тает, поскольку Ольга не придала значения ухаживаниям Онегина и своему поведению:

Он думал Оленьку смутить,
Своим приездом поразить;
Не тут-то было: как и прежде,
На встречу бедного певца
Прыгнула Оленька с крыльца,
Подобна ветреной надежде,
Резва, беспечна, весела,
Ну точно та же, как была.

(глава 6, строфа 13)

«Зачем вечер так рано скрылись?» –
Был первый Оленькин вопрос.

(глава 6, строфа 14)

Исчезла ревность и досада
Пред этой ясностию взгляда,
Пред этой нежной простотой,
Пред этой резвою душой!..

(глава 6, строфа 14)

Ревность Ленского быстро утихла, и его мотивировка поменялась – он уже не сердится на Ольгу, а представляет себя её спасителем:

Он мыслит: «Буду ей спаситель.
Не потерплю, чтоб развратитель
Огнём и вздохов, и похвал
Младое сердце искушал...»

(глава 6, строфа 17)

Одновременно менялось и состояние Онегина. Получив картель, Онегин сожалеет о случившемся и начинает самоанализ:

Он обвинял себя во многом:
Во-первых, он уж был неправ,
Что над любовью робкой, нежной
Так подшутил вечер небрежно.

(глава 6, строфа 10)

Он мог бы чувства обнаружить,
А не щетиниться, как зверь;
Он должен был обезоружить
Младое сердце.

(глава 6, строфа 11)

Онегин укоряет себя, что не проявил покладистости, такта, выдержки. Он понимает, что им упущена возможность повлиять на события, – сказалось отсутствие у него развитых социальных навыков.

К тому ж – он мыслит – в это дело
Вмешался старый дуэлист;
Он зол, он сплетник, он речист...

(глава 6, строфа 11)

Здесь же проявляется страх Онегина перед общественными условностями в вопросах дуэлей и чести.

Убит!.. Сим страшным восклицаньем
Сражен, Онегин с содроганьем
Отходит и людей зовет.

(глава 6, строфа 35)

Онегин на поединке недооценил ситуацию вначале, затем действовал в вынужденных обстоятельствах, а потом стрелял первым в панике, потеряв контроль над собой под дулом пистолета Ленского. Онегин не мог стрелять откровенно в воздух – Зарецкий потребовал бы провести дуэль повторно. Может быть, он рассчитывал выстрелить так, чтобы пуля пролетела рядом, мимо? Тогда Ленский погиб в результате несчастного случая, по стечению обстоятельств – Онегин промахнулся, не попал, куда хотел. Да и какой из него стрелок-дуэлянт? У него слабое зрение – он ведь в театрах всегда пользовался лорнетом.

В своих многочисленных лирических отступлениях рассказчик-Пушкин не скучится на детали – он в красках создаёт подробные визуальные картины всяких мелочей. А вот сцена поединка как будто набросана в чёрно-белой палитре одним карандашом: фокус внимания на пистолете, минимум эпитетов, мало конкретики, нет лишних подробностей, использованы отвлечённые образы, блёклые цвета. Такая передача дуэли соответствует восприятию её Онегиным из будущего, когда болезненные обстоятельства уже частично вытеснены из сознания. В сцене поединка показаны оглушенность и оцепенение Онегина, там впервые появляются ужас и паника, когда тот смотрит на смертельно раненного им Ленского.

Разумеется, Онегин не был жестоким злодеем – он не мог предвидеть, что Ленский погибнет по его вине, и не хотел этого. События, повлекшие гибель Ленского, стали отчасти следствием глухой ревности Онегина, и именно её имел в виду Лер-

монтов в стихотворении «Смерть поэта». Хотя гибель Ленского невозможно оправдать, Онегин в какой-то мере сам стал жертвой собственных эмоциональной нестабильности и эгоизма.

Сюжетная линия истории болезни Онегина.
Вопрос об эмоциональном состоянии Онегина и его изменениях по ходу развития сюжета представляется достаточно деликатным, поскольку касается конкретной болезни, названной автором уже в первой главе:

Недуг, которого причину
Давно бы отыскать пора,
Подобный английскому сплину,
Короче: русская хандра
Им овладела понемногу;
Он застрелился, слава Богу,
Попробовать не захотел,
Но к жизни вовсе охладел.

(глава 1, строфа 38)

Русская хандра, которой страдал Онегин в Петербурге, – это именно то, что мы теперь называем депрессией. Онегин с ранней молодости страдал от апатии на фоне подавленного, угнетённого настроения, он был эмоционально нестабильным, подверженным упадкам духа и настроения, о которых сообщается в 38-й строфе, где эти сведения представлены с усилением – упоминанием возможности суицида, – и всё это ещё до того, как развернулись события, повлекшие гибель Ленского. Если в Петербурге он страдал хандрай и у него уже были некоторые признаки начинаящейся депрессии и апатии, безразличия к жизни, то к финалу повествования психологическое и эмоциональное состояние Онегина претерпевает огромные изменения в худшую сторону. Не вступая в заочный спор с теми, кто считал хандру проявлением «высшей натуры» и превосходства главного героя, или, как часто делалось ранее, не отождествляя её с ипохондрией, под которой сейчас понимают чрезмерную

озабоченность состоянием собственного здоровья, слова Пушкина о «русской хандре» следует рассматривать как авторское указание на душевную болезнь и страдания Онегина, оказавшие самое непосредственное влияние на сознание, язык и литературный стиль, в котором написаны его вставки. Проявление онегинской депрессии интересно рассматривать именно в таком качестве, не допуская ханжества и отдавая себе отчёт, что речь идёт об авторском замысле в отношении художественного и психологического портрета Онегина, проработанном с огромной тщательностью и детализацией, без дидактики и прямых указаний читателю.

Многочисленные прямые и косвенные намёки на психологическое неблагополучие Онегина встречаются на протяжении всего повествования начиная с первой главы и до самого финала. В деревне до дуэли проявляются мизантропия, эмоциональная неуравновешенность и раздражительность (глава 1, строфа 46; глава 2, строфа 5). Находясь под домашним арестом после дуэли, принуждённый к уединению, Онегин жил в деревне отшельником до двадцати шести лет, то есть приблизительно в течение пяти лет после дуэли, не поддерживая отношений с Ларинами и соседями. За это время он из мизантропа превратился в невротика-социопата: постоянная хроническая депрессия, чередуемая с кратковременными эпизодами эйфории, сниженный эмоциональный фон, заниженная самооценка, самобичевание, безысходность, вспышки агрессии, фрустрация, желчность, злоба... Его негативные эмоции обращены как на себя, так и на других (глава 4, строфы 19–22).

Она глядит: забытый в зале
Кий на бильярде отдыхал,
На смятом канапе лежал
Манежный хлыстик.

(глава 7, строфа 17)

Чем занимался Онегин, отбывая наказание?
Он играл в бильярд сам с собою, изнывая от ску-

ки. Катался верхом, писал стихи. Когда пришло известие, что надзор снят и сейчас же можно уехать, он всё бросил, оставил на столе кий, не потрудившись убрать его на место,...

Дай оглянусь. Простите ж, сени,
Где дни мои текли в глухи,
Исполнены страстей и лени
И снов задумчивой души.

(глава 6, строфа 46)

... и умчался, оглянувшись в последний раз на сени, прихожую своего дома, где провёл столько лет. Дуэль самым пагубным образом сказалась на его душевном здоровье – он все эти годы ежедневно страдал от кошмаров:

Оставил он свое селенье,
Лесов и нив уединенье,
Где окровавленная тень
Ему являлась каждый день.

(глава 8, строфа 13)

В стихах Онегина преобладают депрессивные, мрачные настроения с типичными для классической депрессии ухудшениями весной:

Весна моих промчалась дней
(Что я шутя твердил доселе)?
И ей ужель возврата нет?
Ужель мне скоро тридцать лет?

(глава 6, строфа 44)

Как грустно мне твое явленье,
Весна, весна! пора любви!

(глава 7, строфа 2)

Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

(глава 7, строфа 36)

Вставка о Москве – важное дополнение к общей картине бедственного состояния Онегина. Слова о Москве, без сомнения, принадлежат Онегину: авторство выдает онегинская рифма «слилось – отзывалось». Его вставка о Москве, как и первый предваряющий мотив «Мой дядя самых честных правил ...», предполагает двоякую трактовку: в патриотической мажорной и в минорной тональностях.

Не считая эпиграфов, Москва в романе упоминается трижды. Сначала рассказчиком-Пушкиным:

Явились вместе, и никто
Не вздумал им пенять на то:
Имеет сельская свобода
Свои счастливые права,
Как и надменная Москва.

(глава 4, строфа 17)

... Потом Татьяной:

Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?..
Уж не пародия ли он?

(глава 7, строфа 24)

... И, наконец, Онегиным в лирическом отступлении о Москве, причём ни у рассказчика-Пушкина, ни у Татьяны никакого восхищения Москвой нет. Для Пушкина Москва – это надменный город, который требует соблюдения условностей, где люди ориентируются на мнение окружающих. Для Татьяны житель Москвы – лицемер и притворщик. Онегин написал свои ставшими знаменитыми слова о Москве в состоянии кратковременного нездорового эмоционального подъёма, эйфории, которое встречается между следующими друг за другом особенно тяжёлыми приступами депрессии. Такое чередование тяжё-

лой депрессии с нездоровой эйфорией характерно для биполярного расстройства психики – маниакально-депрессивного синдрома, проявившегося у Онегина после дуэли.

Ближе к финалу ситуация ухудшается ещё больше:

Надежды нет! Он уезжает,
Свое безумство проклинает –
И, в нем глубоко погружен,
От света вновь отрекся он.
И в молчаливом кабинете
Ему припомнилась пора,
Когда жестокая хандра
За ним гналася в шумном свете,
Поймала, за ворот взяла
И в темный угол заперла.

(глава 8, строфа 34)

То видит он: на талом снеге,
Как будто спящий на ночлеге,
Недвижим юноша лежит,
И слышит голос: что ж? убит.

(глава 8, строфа 37)

Он так привык теряться в этом,
Что чуть с ума не своротил.

(глава 8, строфа 38)

Переживания и болезнь привели Онегина на грань безумия. В восьмой главе читателю представлена шекспировская бездна в душе Евгения, преследующий его ужас убийства, который даже спустя девять лет всё ещё с ним, и теперь уже навсегда.

В заключение хотелось бы отметить, что опциональные сюжеты непременно следует рассматривать в общем контексте всего произведения. Незамысловатая история, не обещающая поначалу ничего особенного – приезд Онегина в деревню, дуэль, его отъезд и повторная встреча с Татьяной в Петербурге, – неожиданно оказывается наполненной подробностями о тайной драме в семьях

Лариных и Ленских, о мотивах дуэли с участием всех основных персонажей, о наказании Онегина за дуэль и о душевном недуге Евгения. Эти события воссоздаются читателем по отдельным, на первый взгляд малозначимым подробностям повествования. Открытая сюжетная линия Онегина – Ленского – Татьяны не передаёт основного содержания произведения, построенного на несовместимости в творчестве двух рассказчиков, а раскрытие главной идеи романа подразумевает способность читателя выделять голоса рассказчиков на слух. Скрытая внутренняя хронология романа предполагает способность сопоставлять сведения, сообщаемые автором, находя объяс-

нение кажущимся противоречиям. Построение опциональных сюжетных линий требует от читателя внимания к незначительным мелочам, они складываются в связное повествование только при полном доверии читателя автору и при понимании, что у Пушкина нет лишних слов. Три опциональных сюжетных линии сообщают новое измерение событиям открытого сюжета, и они переплетены в романе настолько тесно, что даже их простое вычленение выглядит нетривиальной задачей. Роман поражает оригинальностью и глубиной замысла, а также богатством идей, воплощённых на компактном материале с удивительной свободой исполнения.

Список литературы:

1. Alekseev I. Vnutrennyaya hronologiya i problema razvitiya obraza Tat'yany v romane A. S. Pushkina «Evgenij Onegin». European Journal of Humanities and Social Sciences – № 5.2021. – C. 111–119.
2. Alekseev I. Dva rasskazchika v romane A. S. Pushkina «Evgenij Onegin». European Journal of Humanities and Social Sciences – № 5.2021. – C. 120–127.
3. Barkov A. N. Progulki s Evgeniem Oneginym. 2004.
4. Brodskij N. L. «Evgenij Onegin». Roman A. S. Pushkina. Izd. 5-e. – M., 1964.
5. Lotman Yu. M. Roman A. S. Pushkina «Evgenij Onegin». Kommentarij: Posobie dlya uchitelya. – L.: Prosveshchenie, 1983.
6. Lotman Yu. M. Roman v stihah Pushkina «Evgenij Onegin». Tartu, 1975. Chuzhaya rech' v «Evgenii Onegine». URL <http://www.ruthenia.ru/document/532839.html>
7. Lotman Yu. M. Struktura hudozhestvennogo teksta // Lotman Yu. M. Ob iskusstve. SPb.: Iskusstvo-SPb, 1998. – C. 14–285.
8. Nabokov V. V. Kommentarij k romanu A. S. Pushkina «Evgenij Onegin». SPb.: Izd. «Iskusstvo-SPb», OKPB «Nabokovskij Fond», 1998.
9. Terc A. Progulki s Pushkinym. Vsemirnoe slovo. 1993.

Section 8. Philosophy

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-6-80-90>

Honcharov Semen Alexeyevich,
Master of Philosophy, graduate student of the Faculty
of Philosophy of the V.N. Karazin Kharkiv National University
specialty: 033-philosophy
E-mail: sementulpanov@gmail.com

«ABYSS» BY YU. V. MAMLEEV AND «SOPHIA» BY V. S. SOLOVYOV: THE POSSIBILITY OF INTERSECTIONS

Abstract. The article considers the concepts of “Abyss” by Yuri Mamleev and “Sophia” by Vladimir Solovyov. The aim of the article is to establish potential parallels between these concepts, as well as to compare the ways of the metaphysical thinking of their authors. The article compares “Abyss” and “Sophia” in the light of the following subject areas: non-orthodoxy, unfathomability, the essence of evil, the national question.

Keywords: metaphysics, Abyss, Sophia, Absolute, non-orthodoxy, unfathomability.

Гончаров Семён Алексеевич,
Магистр философии, аспирант философского факультета
Харьковского национального университета В. Н. Каразина,
по специальности 033-философия
E-mail: sementulpanov@gmail.com

«БЕЗДНА» Ю. В. МАМЛЕЕВА И «СОФИЯ» В. С. СОЛОВЬЁВА: ВОЗМОЖНОСТЬ ПЕРЕСЕЧЕНИЙ

Аннотация. В данной статье рассматриваются концепты «Бездна» Юрия Мамлеева и «София» Владимира Соловьёва. Целью статьи является установление возможных параллелей между указанными концептами, а также сравнение характеров метафизического мышления их авторов. Статья представляет собой сравнение «Бездны» и «Софии» в свете следующих проблемных сфер: неортодоксальность, непостижимость, сущность зла, национальный вопрос.

Ключевые слова: метафизика, Бездна, София, Абсолют, неортодоксальность, непостижимость.

Цель данной статьи – сравнение «Бездны» и «Софии» как двух радикальных форм метафизических проектов, выходящих за рамки традиции, позволяющее определить особенности философского мышления Ю. В. Мамлеева и В. С. Соловьёва.

На первый взгляд, соотнесение фигур Юрия Мамлеева и Владимира Соловьёва выглядит странно, ведь эти философы весьма далеки друг от друга, если не сказать больше – противоположны. Наиболее ярко можно почувствовать эту дистанцию из слов Мамлеева о Бердяеве, где вскользь упоминается Владимир Соловьёв: «Картина русской идеи, данная Бердяевым, тем не менее, впечатляет. Её не сравнить с убогими попытками эпигона средневековой философии Владимира Соловьёва дать представление о русской идее» [13, 105]. Так Мамлеев характеризует Соловьёва в одной из своих ключевых работ «Россия вечная», не уделяя ему никакого иного внимания и направляя свои симпатии в сторону Сковороды, Данилевского, Леонтьева, Бердяева и Хомякова. В этих достаточно резких словах слышится одновременно и упрёк в западничестве, и раздражение к соловьёвским католическим симпатиям, и решительное неприятие панманголизма, но главное – прямое обвинение в неоригинальности, невозможности постижения самобытности русского метафизического пути. Но так ли всё однозначно и стоит ли ограничиться этим суждением в вопросе взаимосвязи Мамлеева и Соловьёва?

Следует обратить внимание на две особенности русской философии, выделяемые Мамлеевым в уже указанной работе «Россия вечная». Первая – это представление о самой России как о философской проблеме, вторая же Мамлеевым формулируется так: «Другим её [русской философии] оригинальным плодом, как известно, является религиозная философия начала XX века (фактически полубогословие, полуфилософия, с её идеалом „богочеловечества“)» [13, 100]. Эти слова куда менее эмоциональные в сравнении с приведёнными выше, но ведь идея «богочеловечества» – одна из ключевых идей именно Владимира Соловьёва, а указанное оригинальное русское «полубогословие», «полуфилософия», пожалуй, просто не может быть мыслимо без софиологии, основанной в России опять же не кем

иным, как Владимиром Соловьёвым. Уже из этого можно видеть, что ситуация не так однозначна, как может представляться на первый взгляд.

Комплексное сопоставление философии Мамлеева и Соловьёва – задача сложная и масштабная, в данном случае хотелось бы остановиться лишь на частном вопросе, а именно: возможности соотнесения соловьёвской «Софии» и мамлеевской «Бездны». Представляется возможным выделить как минимум четыре сферы, в проблемном поле которых могут быть обнаружены возможные пересечения: неортодоксальность, сущность зла, непостижимость, национальный вопрос.

Неортодоксальность. Прекрасной иллюстрацией отношения ортодоксальной позиции к учению о Софии является статья митрополита Антония Мельникова «Из истории новгородской иконографии», завершающаяся словами: «Если обожение возможно, <...> то возможно и приобщение к Самой Божественной Премудрости – и тогда тварная София-Премудрость оказывается концептуальным излишеством» [15]. Таким образом, наделение Софии какой-либо метафизической автономией и разграничение её со Христом есть прямой выход из круга ортодоксии, не говоря уже о тех метафизических пертурбациях, которыми наполнено учение Владимира Соловьёва (достаточно вспомнить лишь ненапечатанную рукопись «Sophie»). О мамлеевской Бездне мы можем говорить как о сознательном выходе за пределы всей мировой религиозной традиции, поэтому вопрос о наличии неортодоксальной стороны такого учения не стоит. Необходимым становится установление конкретного метафизического характера указанных неортодоксальностей.

Очень важно, что и Мамлеев, и Соловьёв, несмотря на увлечение одного – восточной метафизикой, а другого – католичеством и гностicism, всегда были людьми глубоких православных убеждений. Их неортодоксальность не носит нигилистически-отрицательного характера, она, наоборот, подразумевает глубокую связь с тради-

цией, которая есть тот неоспоримый фундамент, с которого и начинается философско-религиозное творчество. Связь эта носит незыблемый характер; другое дело, что свободный полёт мысли этих двух фигур всегда выходит за границы канона, оформляется в оригинальную метафизическую теургию, на которую уже сама традиция не может смотреть спокойно.

Общая неортодоксальность метафизического характера Безды и Софии лежит в плоскости преобразования концепции Абсолюта, а точнее, во введении *другого* по отношению к Абсолюту. Сердцем мамлеевской философии является «Последняя доктрина», обозначаемая как «„учение“ о том, чего нет, о том, что лежит по ту сторону Бога, Абсолюта, о том, что трансцендентно по отношению к Богу, к Реальности и к высшему Я», к чему Мамлеев добавляет: «Это „учение“ о том, что Бог является всего лишь „телом“ истинно трансцендентного (говоря методом аналогии), а не сущностью Трансцендентного; последнее является как бы истинной Тьмой, истинным Океаном, который „окружает“ Реальность...» [14, 91]. Именно это «истинно трансцендентное» и есть Бездна, которая является принципиальной автономией, неподвластной Абсолюту онтологической единицей.

В отношении соловьевской Софии невозможно говорить о кардинальной автономии от Абсолюта, а тем более об открытом противопоставлении Софии и Абсолюта, но также будет неверным игнорировать явную соловьевскую тенденцию к выведению некоего софийного элемента, являющегося *другим* по отношению к Абсолюту, наделённого безусловной свободой.

Первое, на что следует обратить внимание, – то, что А. Ф. Лосев именует «странным и непонятным учением о двух абсолютах» [3, 132], находящимся в конце «Критики отвлечённых начал». Там Владимир Соловьёв приходит к тому, что «рядом с абсолютно-сущим, как таким, то есть которое *actu* есть всеединое, мы должны допустить другое существо, которое так же абсолютно, но вместе с тем

не тождественно с абсолютным, как таким» [6, 711], это существо он также называет душою мира (что, как известно, является одним из определений Софии) и характеризует его как имеющее, с одной стороны, «божественный элемент, всеединство, как свою вечную потенцию, постепенно переходящую в действительность», а с другой стороны, как имеющее в себе «небожественное, то частное, не всё, природный, или материальный, элемент, в силу которого оно не есть всеединое, а только становится им» [6, 711]. Такое разделение на абсолютно сущее и абсолютно становящееся можно считать ничем иным, как учением о творце и твари, которое безуспешно искал у Владимира Соловьёва уже упомянутый Лосев, ведь именно через это «второе абсолютное» и происходит процесс становления богочеловечества.

Нас же здесь в первую очередь интересует вопрос безусловной свободы от абсолютно сущего, которым наделяет душу мира Владимир Соловьёв и из которой он выводит свободу человеческую: «в своём чисто человеческом идеальном начале (которое для себя выражается как разум) мировая душа получает безусловную самостоятельность – свободу, с одной стороны, по отношению к Богу, а с другой стороны, по отношению к своему собственному природному, материальному началу. <...> Но человек (или мировая душа в человечестве) свободен не только от своего материального бытия, он свободен безусловно и по отношению к своему божественному началу: ибо как становящееся абсолютное, а не сущее он сам есть основание бытия своего [6, 716–717]. Исходя из этого можно поставить уместный вопрос о границах такой свободы и независимом статусе бытия внебожественного.

Конечно, Владимир Соловьёв здесь скорее раскрывает вопрос о человеческой свободе, без которой немыслимой является идея «богочеловечества», но не может не удивлять тот механизм, при помощи которого он эту задачу решает, а именно – введение «второго абсолютного», которое именуется именно «абсолютным». Такую

терминологию можно объяснить опять же через богочеловечество, реализация которого и есть становление абсолютного, в связи с чем и используется это слово, но ведь вводя внебожественное (пусть и в ограниченном смысле), способное опираться в определённой степени лишь на собственное бытие и утверждать себя в своём обособлении от абсолютно сущего, косвенно Владимир Соловьёв формирует возможность «разлома», полного размежевания и даже противопоставления абсолютно сущего и абсолютно становящегося. Именно такая формулировка позволяет увидеть в Софии не просто премудрость божию, а нечто внебожественное, и тут в частном виде оказывается общая тенденция Владимира Соловьёва, заключающаяся в метафизической автономизации Софии и внесении в её идею сторонних ортодоксии собственных смыслов.

Более однозначно, с прямым указанием на Софию, такая автономия прописана в «Чтениях о богочеловечестве»: «...хотя и обладая всем, мировая душа может хотеть обладать им иначе, чем обладает, то есть может хотеть обладать им от себя как Бог, может стремиться, чтобы к полноте бытия, которая ей принадлежит, присоединилась и абсолютная самобытность в обладании этой полнотой, что ей не принадлежит. В силу этого душа может отделить относительный центр своей жизни от абсолютного центра жизни Божественной, может утверждать себя вне Бога» [8, 164]. Конечно, не стоит забывать, что мировая душа, или София, имеет всё как собственное содержание не сама по себе, а именно от Абсолюта, но, имея указанную возможность, София и есть другое по отношению к Абсолюту.

Здесь также стоит учитывать тот факт, что душа мира (София) также есть и «посредница между творением и Божеством» [8, 164], но, утверждая себя вне Бога, она – следовательно, – может устанавливать свободные связи с человеком «в обход» божественных путей. Такая потенция всецело раскрывается в творчестве Юрия Мамле-

ева, описывающего ситуации «прикосновения» внебожественной Бездны к человеку (например, в романах «Мир и хохот» или «Последняя комедия»). Вопрос о метафизической независимости Софии ещё будет раскрыт более полно, сейчас же важно констатировать общую философскую методологию Ю. Мамлеева и В. Соловьёва – *использование неортодоксальной метафизической трансгрессии по отношению к Абсолюту, носящей актуальный (открытый) характер в ситуации с Бездной и потенциальный (скрытый) характер в ситуации с Софией.*

Менее значимым, но не менее интересным является вопрос смеха, тревожащий обоих мыслителей и носящий у них существенный неортодоксальный метафизический оттенок,озвучный тому, какой мы можем встретить в апокрифическом «Евангелии от Иуды». Удивительной особенностью этого текста является представление о Христе как о смеющемся, при этом его смех не есть простая шутливость, а следствие глубокого метафизического знания о существовании истинного Бога и истинной реальности, недоступного простым людям и даже апостолам, которые ложно молятся мелкому Демиургу, управляющему лишь земным миром.

Известно, что ранний Владимир Соловьёв определял человека как существо смеющееся, кроме того, в своём самом загадочном тексте, от части написанном медиумическим письмом (речь идёт о неопубликованной рукописи «Sophie»), он уделяет особое значение проблеме смеха, связывая смех с возможностью человека видеть несоответствие действительных вещей идеалу, то есть как метафизическую способность ощущать существо истины и соотносить с ним всё происходящее вокруг. Более того, в этой же рукописи – в самой гуще сумбурной мистической теургии – мы встречаем Демиурга (Димиурга), находящегося в тесном взаимодействии с Сатаной и Душой мира и участвующего в качестве оформляющего начала в создании вселенной [4]. При этом такой Демиург представляется как определенная мате-

риальная сила, в том значении, что он не есть истинно божественное, а лишь один из участников космогонического акта.

Не меньшую степень интереса к смеху проявляет и Мамлеев, который также видит в нём нечто значительное, имеющее явные метафизические основания и являющееся свидетельством причастности человека к мирам иным. Именно поэтому на страницах мамлеевской прозы мы часто встречаем персонажей, смеющихся ужасным потусторонним хохотом, не имеющим отношения ни к каким зримым проявлениям действительности (один из романов Мамлеева даже называется «Мир и хохот»).

Тема смеха требует отдельного изучения и не может быть рассмотрена здесь в полном объеме, но из уже имеющихся коротких замечаний можно видеть, что и Соловьёв, и Мамлеев не просто совершают неортодоксальную метафизическую трансгрессию, вводя другое по отношению к Абсолюту, но и формируют это другое как *антропологическую проблему*.

Сущность зла. Другой общей чертой Мамлеева и Соловьёва можно считать их чуткость и неподдельный интерес к проблеме зла. Обоим мыслителям была характерна яркая и неповторимая *апокалиптическость*: Соловьёв с его ожиданием мировой катастрофы в последний период своего творчества, остро ощущимой в «Грёх разговорах», и Мамлеев – неугасимый критик западной цивилизации, последовательный сторонник Генона, чьи романы и рассказы пронизаны темой мирового конца. Пускай их взгляд на последние дни человечества был различен, но видимые ими причины надвигающихся катастроф безусловно схожи. Оба мыслителя убеждены в ложности тех путей, которые последовательно выбирает человек их времени, увлечённый различными односторонними силами (эмпиризм, материализм, рационализм, позитивизм и прочее), а также в жизненной необходимости религиозно-философского созидания, направленного на реализацию и раскрытие божественного внутри человечества.

Проблема зла у Мамлеева и Соловьёва, во-первых, связана с особым пониманием материи. Оба мыслителя критиковали вульгарные представления о материи, сводимые к чистому эмпиризму, и ни в какой мере не были материалистами, а, наоборот, последовательно сокращали всякий примитивный материализм, указывая на его полнейшую несостоятельность. При этом саму материю они наделяли особой важностью в мировом порядке, выделяя для неё исключительное место в своей философии.

Совершенно точно в отношении В. Соловьёва это демонстрирует А. Ф. Лосев: «Вл. Соловьёв никогда не был материалистом. <...> В отличие от множества идеалистов он никогда не хотел унизить материю, а наоборот, всячески её возвысить, даже сделать чем-то торжественным и величественным. В своём учении о Богочеловечестве он хотел доказать, что даже в христианстве, этой религии чистого духа, материя трактуется настолько высоко, что в личности Христа она становится такой же божественной субстанцией, какой является здесь и само Божество» [3, 159–160]. И, конечно, для Соловьёва одной из главных проблем, которую он видит в мировой философии, является противопоставление идеи и материи, которое он стремится устраниить в их органическом синтезе.

При обособлении Софии от Абсолюта слабеет высший и первый положительный принцип бытия как всеединства (как единицы) и усиливается отрицательный материальный принцип, выраженный в возможности не-бытия (множественности и разрозненности): «С обособлением же мировой души, когда она, возбуждая в себе свою особенную волю, тем самым отделяется ото всего, – частные элементы всемирного организма теряют в ней свою общую связь и, предоставленные сами себе, обрекаются на разрозненное эгоистическое существование, корень которого есть зло, а плод – страдание. Таким образом, вся тварь подвергается суете и рабству тления не добровольно, а по воле подвергнувшего её, то есть мировой души как

единого свободного начала природной жизни» [8, 164]. Исходя из этого мы можем заключить, что зло коренится в определённом импульсе материи, но сама по себе материя не есть зло, она становится им не сама по себе, но под действием отделившейся эгоистической Софии, свободной от абсолютно сущего.

Обращаясь к Мамлееву, стоит помнить, что согласно его утизму «Я», основой всего является собственное Я человека, вне этого положения невозможно рассматривать никакой философский вопрос, поэтому проблема материи здесь вполне адекватно может быть переложена на проблему тела, которой в утизме «Я» уделяется отдельный пункт «Дух и тело». В этом пункте мы читаем: «Тело, рассматриваемое как самоощущение, есть одна из низших ступеней Я. Следовательно, поскольку оно относится к Я, пронизано его лучами, оно может быть абсолютизировано в той мере, в какой это не препятствует раскрытию высших ступеней Я (например, духа)» [14, 33], – из чего видно, что тело для Мамлеева как материальный исток не просто необходимо, но и может быть абсолютизировано. В своих романах и рассказах Мамлеев идёт намного дальше, постоянно обращаясь к теме низших ступеней бытия, к мировой периферии, так, например, самый загадочный персонаж «Блуждающего времени» Безлунный в одной из бесед заявляет: «В теле-то, в форме, вами проклятой, в виде существа, страшнее, ответственней, таинственней быть, чем там – и он указал на Небо, – в стране Чистого Духа и Чистого Бытия. Пусть я мерзок, похотлив, блюю от злобы, как все люди, хочу жить бесконечно здесь, в мирах, а не там» [9, 242]. Не следует видеть в этом противоречие, ведь для Мамлеева негации и проявления низших ступеней бытия (в том числе и материальное воплощение вещей и их обособленность) наполнены особыми импульсами, которых нет в Абсолюте (поскольку он есть в первую очередь снятие всяких негаций светом блага) и которые связывают человека с Бездной.

Мамлеев, как и Соловьёв, связывает проблему зла не просто с эгоизмом (выражающимся у него в отказе от реализации высших форм яйности), но и указывает на его определённый, потусторонний по отношению к Абсолюту характер. Конечно, ни София, ни Бездна не сводимы ко злу, их сущность не есть зло, но всё же они имеют ко злу прямое отношение, выступая той его порождающей основой, которая обеспечивается метафизической инаковостью по отношению к абсолютно сущему.

При этом их принципиальная инаковость и несводимость ко злу легко усматривается через соотнесение их с фигурой Сатаны. Последний есть тот, кто разделяет, уничтожает всеединство через иллюзорное преподнесение частного в виде полноты. Но для обоих мыслителей фигура Сатаны не является какой-либо серьёзной метафизической автономией, она целиком фигура космоса Абсолюта, в котором она действует и бытийствует. Иными словами, Сатана есть элемент божественной полноты: у Соловьёва в рукописи «Sophie» он сражается с Демиургом, что приводит к образованию всех небесных светил, у Мамлеева же он не есть воплощение Бездны, ведь та является совершенно иной по отношению ко всему, и Сатана здесь вовсе не исключение.

Следовательно, метафизическое богатство как Софии, так и Бездны настолько велико, что проблема сущности зла есть лишь их часть, причём далеко не главная, а только косвенно указывающая на их подлинную независимость. Для раскрытия этой мысли необходимо обратиться к следующему проблемному полю, а именно – к непостижимости.

Непостижимость. Пожалуй, единственное, что можно сказать о Бездне с уверенностью, так это то, что она непостижима. Нечего и говорить о возможности её познания через человеческий рассудок или даже разум, Мамлеев здесь радикален: «...очевидно, что „вхождение“ в практику „Последней доктрины“ <...> путём Интеллекта, включая Божественный (поскольку Интеллект относится к сфере Реальности), невозможно, но: во-первых,

в Интеллекте может быть дано некоторое Теоретическое предчувствие этой доктрины и, во-вторых, в Интеллекте дано некоторое познание „предварения“ в эту доктрину, так как это предварение имеет отношение к реальному миру, к миру Абсолюта, но в Его связи с тем, „чего нет“. Сама „Последняя доктрина“ распадается как бы на две части: первая, которая ещё может быть выражена в Интеллекте; и вторая, основная суть которой вне всего того, что дано человеку и Богу» [14, 91–92] («Интеллект» Мамлеев понимает как высшую человеческую способность проникновения в истину, не сводимую к рациональности, а основанную в том числе и на высшей духовной интуиции). Следовательно, всякое мышление или говорение о Бездне возможно лишь как поиск метафизических намёков, отголосков и отблесков, что ведёт к раскрытию огромного значения в этом контексте художественной литературы, а также поэзии. Ведь художественные и поэтические образы не так статичны, как философские категории, сама их сущность наполнена метафизическими туманом, особой парадоксальностью и неуловимостью.

Не стоит забывать, что Юрий Мамлеев является основателем «метафизического реализма», главной задачей которого выступает творческое проникновение в невидимые сферы духа и космоса, способные приблизить человека к тайнам запредельного. Именно поэтому Мамлеев не просто формулирует «Последнюю доктрину», он идёт дальше строгого теоретического дискурса, создавая пространство художественных образов и метафор, которые способны вызвать у читателя указанное предчувствие Бездны.

Мамлеевские рассказы и стихи – это своеобразные «прорывы» в ткани реальности, которые позволяют нам косвенно прикоснуться к тьме бесконечно трансцендентного. Ярким примером может служить сборник «Невиданная быль», представляющий собой единство прозы и поэзии (текст сборника составляют различные фрагменты из прозаических произведений Мамлеева, ко-

торые дополнены стихотворениями персонажей из этих фрагментов), основная задача которого – погружение в метафизические глубины Бездны, несущие неземную радость и неземную боль.

Если Мамлеев и не пытается дать Бездне какое-нибудь определение, то у Владимира Соловьёва слишком много определений и пониманий Софии, что заставляет А. Ф. Лосева выделить целых десять различных её аспектов; особое значение для нас в этом ключе имеют интимно-романтический и магический [3]. Решающим здесь является тот факт, что София не просто философский концепт – она являлась Владимиру Соловьеву, и опыт этих мистических встреч был запечатлён им в ряде стихотворных форм, среди которых наиболее известной является небольшая поэма «Три свидания». Эти стихотворения раскрывают Софию не просто как независимую метафизическую единицу, не просто как участницу космогонических процессов, а как непостижимую пленяющую тайну, как живое существо, преобразовывающее всю жизнь поэта.

Как известно, философское творчество Владимира Соловьёва во многом тяготеет к строгости, научности и даже своеобразному схематизму. Удивительно же то, что встреча с Софией приводит человека, защитившего диссертацию «Критика западной философии (против позитивистов)», а впоследствии написавшего не одну строгую, наукообразную, даже педантично выверенную работу, к медиумическому письму, из которого возникает мистическая рукопись «Sophie».

Стихи о Софии Соловьёва, как и стихи Мамлеева о Бездне, носят неземной, трансцендентный характер. Их направленность – желание прорваться в чарующие дали, открыть то, что невозможно открыть. И здесь для обоих философов огромную роль играет способность человека суметь организовать подобную встречу.

На необходимость проживания личного опыта и проведения духовных практик прямо указывает Мамлеев, рассматривая вопрос о связи метафизики и искусства: «Поскольку в искусстве

спонтанный индивидуальный акт откровения играет часто решающую роль, то речь, скорее, может идти, например, о личностных актах медитации или инспирации. Последнее, конечно, совершенно неизбежно, особенно тогда, когда речь идёт о попытках изображения, насколько это возможно, нечеловеческих духовных существ.

<...> Наличие практики вообще меняет ситуацию писателя. Действительно, коммуникация играет уже второстепенную роль; наслаждение процессом творчества тоже отступает на второй план; главным становится акт саморасширения, акт приобретения тёмной короны, акт практики» [14, 107]. Крайне важно, что для Мамлеева это не отвлечённые слова, а действительный творческий принцип, ведь сам он пережил мистический опыт, когда в юности, во время прогулки по Тверскому бульвару, ему неожиданно открылась способность видеть невидимое и чувствовать темную сторону метафизических глубин бытия [10, 43]. Этот опыт стал ключевым в его писательской карьере и так же неизгладимо лёг на его судьбу, как и встреча Софии легла на судьбу Владимира Соловьёва.

Таким образом, можно говорить, что Бездна и София не являются простыми философскими конструктами, их сложная метафизическая природа основана на непостижимости, неотвратимо влекущей человека к пределу. Обе они есть Тайна, являющаяся, но никогда не дающаяся целиком. При этом ни Бездна, ни София не могут быть осмыслены, но могут быть лишь встречены, раскрываясь через возможность «прикосновения» и со-присутствия.

Национальный вопрос. Пожалуй, наиболее неожиданным аспектом Софии из выделяемых А. Ф. Лосевым является заключительный, десятый – национально-русский: «...в своём учении о Софии Вл. Соловьёв не был ни каббалистом, ни учеником немецких идеалистов или мистиков, ни славянофилом (со всеми этими философиями он резко расходился), но был русским человеком, который свою глубоко продуманную и сердечно-

прочувствованную концепцию Софии если куда и возводил, то к иконописи и храмовой киево-новгородской или старомосковской образности и символике» [3, 255]. Но дело здесь не только в древнерусской иконописи, но и в неизменной направленности философа на национальный вопрос, в его обращённости к судьбе России.

Сам Соловьёв даёт много поводов для односторонних интерпретаций его взглядов по этому вопросу, но внимательное изучение его работ позволяет увидеть, что главной задачей для него было не преклонение перед римским католичеством (которое он также нещадно критиковал), не неприятие истины восточного православия, а донесение необходимости внутренней органической и свободной правды, единственно которая и может быть основой всякой религиозной жизни и церковности, и необходимости защиты этой правды от всякого формализма и принуждения. А. Ф. Лосев неоднократно настаивает на неподдельном патриотизме Владимира Соловьёва, особенностью которого было не участие в противодействии Запада с Востоком, а вселенский пафос, основанный на сердечно понятой идее всеединства. И тогда, конечно, именно София есть возможность и свет примирения не только католичества с православием, но также их с протестантизмом и даже иудаизмом.

Именно София может быть понята и как вектор (София божественная или нетварная), и как возможность воплощения, то есть как цель (София богочеловеческая), и, наконец, как идеальная историческая задача (София тварная). Как бы не очерствело и не омертвело русское православие, вопрос о судьбе России не тускнеет, а только становится для Соловьёва более острым. Уже само название одной из его ключевых работ на эту тему – «Россия и вселенская церковь» – позволяет видеть масштаб соловьёвского мышления. Безусловно, философ грезил идеей вселенской церкви и жаждал её немедленного создания, Россия же рассматривалась им как возможный плацдарм для реализации богочеловеческого процесса истории. Вся же бес-

пощадная критика, направленная как на славянофилов, так и на западников, может восприниматься в этом ключе не иначе как боль и тревога за невозможность реализации такого проекта в действительной исторической ситуации родины философа.

Всеединство и богочеловечество – две сердечные идеи Соловьёва, немыслимые без судьбоносной для него Софии, не воплощались там, где могли бы, что и привело философа к пессимизму и горьким упрёкам исторической России, не увидевшей в Софии прекрасной божественной невесты и не возжелавшей встреч с нею, без которых не мог жить сам Соловьёв.

С Мамлеевым, казалось бы, ситуация проще – явная симпатия к славянофилам, резкая критика Запада и нескончаемые восхваления самобытности России на всех видимых и невидимых уровнях. Но стоит задаться всего двумя вопросами, чтобы эта мнимая очевидность рухнула: почему Мамлеев, так восхищающийся православием, строит свою онтологию на основе индуистской метафизики, и можно ли однозначно отнести учение о посредничестве России между Абсолютом и Бездной к какой-либо ранее существующей социально-исторической направленности?

Вопрос о влиянии на Мамлеева восточной метафизики выходит за рамки данной статьи, поэтому достаточно будет сказать лишь то, что, как сторонник учения Рене Генона, Мамлеев стремился обратиться к примордиальной Традиции, отголоски которой лучше всего сохранились именно на Востоке, кроме того, индуистскую метафизику он крайне сильно трансформировал в соответствии с собственной философией и в особенностях с проблемой России, вопрос же о том, почему он не строил свои произведения на основе погружения в писания святых отцов или тринитарную онтологию, одним словом, в глубины православного учения, остаётся открытым.

Мамлеев, так же, как и Соловьёв, делает акцент на определённом вырождении и упадке религии, только уже не формализм и внешнее принуждение

становятся причинами, а забвение духовных основ и сведение всех стремлений человека к получению прибыли. Крайне остры для него и вопрос богочеловечества и вопрос о судьбе его родины. Первый становится той точкой, которая указывает на явные для него нехватки восточной метафизики, главная из которых – отсутствие сохранения высшего Я в Абсолюте и реализации его автономии, что прекрасно мыслится в контексте именно богочеловечества, ведь событие Христа – это явление именно личности (лица), совмещающей в себе божественное и человеческое. Второй же ведёт Мамлеева к выведению России на наивысший уровень, а именно к формированию идеи о России вечной как о третьем метафизическом начале наравне с Абсолютом и Бездной, выполняющей между ними роль посредника.

Конечно, у Мамлеева не было того вселенского пафоса, который был у Соловьёва, но у него был пафос выхода за пределы общечеловеческого: «...совершенно ясно, что национальное, русское в России, связанное с особым метафизическими и космологическим началом, выходит за пределы общечеловеческого» [13, 252]. И здесь, конечно, это можно воспринимать как антивселенскую и сузубо национальную направленность Мамлеевской метафизики, но всё дело в том, что «общечеловеческое» у Мамлеева имеет вполне определённый контекст – контекст современности, а именно трагическое состояние нынешней цивилизации. Кроме того, сам Мамлеев постоянно разграничивает патриотизм, которым наполнено его творчество, и национализм, к которому он не желает иметь никакого отношения. Но главным здесь, пожалуй, является необходимость преодоления того, что Ницше называл «слишком человеческим», выход в иные сферы бытия как принципиальная задача для России, как некий вектор, неизменно живущий в русских людях, при этом совершенно не лишающий всех других людей их достоинств и реализации схожих стремлений. Иными словами, Мамлеев, как и Соловьёв, видит национальный вопрос

как исконное желание русского народа вырваться за грань, в Царство Божие, которое требует своей реализации здесь и сейчас.

При этом Соловьёв делает свой акцент на необходимости вселенского движения, на реализации всеединства, а Мамлеев на необходимости неустанного погружения в запредельное, даже если и будет построен Китеж-град на земле, что, впрочем, ни Соловьёв, ни Мамлеев, не наблюдали при жизни даже отдалённо. К вопросу об отсутствии противоречий между национальным и вселенским можно добавить следующее высказывание Мамлеева о православной церкви: «Следует отметить ещё одну важную и в высшей степени позитивную особенность православной Церкви: национальное (славянское) и вселенское в ней слились воедино, причём без всякого ущерба для «вселенского»...» [13, 120].

Очень важно, что патриотизм Мамлеева выходит за границы видимого и движется в направлении скрытых и трансцендентных глубин духа, именно невидимым сферам он уделяет основное внимание: их исследование в «России вечной» явно доминирует над социально-политическими размышлениями, которые являются весьма неопределёнными и слишком упрощёнными, поскольку могут быть редуцированы до необходимости серединного пути между социализмом и капитализмом (методы же организации и устройства такого пути Мамлеевым не формулируются). Такая *увлечённость небесной сферой и искренняя вера в невидимое роднят Мамлеева и Соловьёва, воплощаясь у них в своеобразный метафизический утопизм, который в одном случае несёт на себе отпечаток тёмной Бездны, а в друг-*

ом – лучезарной Софии, но вместе они обладают явным национальным оттенком.

Исходя из всего изложенного выше, можно подвести итог: концепты Бездны и Софии имеют между собой явные схожие черты, поскольку: реализовываются через трансгрессию по отношению к Абсолюту, связаны с генезисом и сущностью зла, оставаясь несводимыми к нему, являются непостижимыми, получая кроме философского измерения художественно-поэтическое, а также носят национальные черты, поскольку неразрывно связаны с вопросом о судьбе России. При этом можно наблюдать и схожесть метафизического мышления Мамлеева и Соловьёва, которое основывается на стремлении к трансцендентному, что связано, с одной стороны, с личным опытом, а с другой, с расширением творческого инструментария мыслителя и приходом к литературно-поэтическим формам мысли. Кроме того, общей является апокалиптическая направленность философствования, уделяющая особое место вопросу о сущности зла, а также установлению глубокой связи между метафизикой и национальным вопросом, становящимся её прямым развитием и продолжением. Определение же точной прямой связи между Бездной и Софией едва ли может быть задачей сугубо историко-философской. Здесь возможны лишь свободные творческие поиски, наполненные художественно-поэтическими вдохновениями. Вспомним лишь заключительные слова из стихотворения «На Сайме зимой» Владимира Соловьёва: «Тёмного хаоса светлая дочь!», и предположим, что София может быть представлена не только через Абсолют, но и через Безду, как являющаяся человеку светлая дочь её.

Список литературы:

1. Evangelie ot Iudy / Per. s koptskogo i red. Rodol'fa Kassera, Marvina Mejera i Gregora Vyursta: per. s angl. I. A. Bochkova, A. G. Georgieva / pod red. kand. filos. nauk I. P. Davydova.– M.: AST: Astrel'. 2007.– 190 s. [2] s.
2. Kozyrev A. Paradoksy nezavershyonnogo traktatayu [Elektronnyj resurs]. 2001. URL: <http://www.vehi.net/soloviev/kozyrev.html>

3. Losev A. Vladimir Solov'yov i ego vremya / Poslesl. A. Taho-Godi. – M.: Progress, 1990. – 720 s.
4. Solov'yov V. Sofiya. Nachala vselenskogo ucheniya nachala. [Elektronnyj resurs]. 2004. URL: <http://mirosvet.narod.ru/sol/sof2.htm>
5. Solov'yov V. Sofiya. Pervaya triada. Pervye nachala. [Elektronnyj resurs]. 2004. URL: <http://mirosvet.narod.ru/sol/sof1.htm>
6. Solov'yov V. Sochineniya v 2 t. T. 1 / Sost., obshch. red. i vstup. st. A. F. Loseva i A. V. Gulygi; Primech. S. L. Kravca i dr. – M.: Mysl'. 1988. – 892 s., [2] s., 1 l. portr. – (Filos. nasledie. T. 104).
7. Solov'yov V. Sochineniya v 2 t. T. 2 / Obshch. red. i sost. A. V. Gulygi, A. F. Loseva; Primech. S. L. Kravca i dr. – M.: Mysl'. 1988. – 822 s., [2] s. – (Filos. nasledie. T. 105).
8. Solov'yov V. Chteniya o Bogochelevechestve; Stat'i; Stihotvoreniya i poema; Iz «Tryoh razgovorov»: Kratkaya povest' ob Antihriste / Sost., vstup. st., primech. A. B. Muratova. – SPb.: Hudozh. lit., 1994. – 528 s. – (Luk i lira).
9. Mamleev Yu. Bluzhdayushchee vremya. Roman / SPb.: Limbus Press, 2001. – 280 s.
10. Mamleev Yu. Vospominaniya / – M.: Izdatel'skaya gruppa Tradiciya, 2017. – 296 s.: il.
11. Mamleev Yu. Mir i hohot. Roman i rasskazy / – M.: AST: Zebra E, 2008. – 315 s., [5] s.
12. Mamleev Yu. Nevidannaya Byl' (stiki i proza) / Seriya «Metafizicheskaya poeziya». – M.: Izdatel'skaya gruppa Tradiciya, 2014. – 272 s.
13. Mamleev Yu. Rossiya Vechnaya / – M.: Eksmo, 2011. – 512 s. – (Biblioteka vsemirnoj literatury).
14. Mamleev Yu. Sud'ba bytiya. Za predelami induizma i buddizma / – M.: Enneagon, 2006. – 262 s.
15. Mel'nikov A. Iz istorii novgorodskoj ikonografii / SPb.: Bogoslovskie trudy, – 27, 1986. – S. 61–80. (Izd. Moskovskoj Patriarhii).

Section 9. Economics and Management

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-6-91-96>

Borisik Olga Victorovna,
PhD in economics
Belarus State Economic University (BSEU), Belarus
E-mail: olga_star79@mail.ru

ASSESSMENT OF INCLUSIVE ECONOMIC GROWTH OF THE MEMBER STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Abstract. The theoretical and methodological aspects of inclusive economic growth are analyzed in the article. Based on the proposed assessment methodology, particularly – on the inclusive economic growth index adjusted to transitional economies, the assessment of inclusive economic growth in the EAEU member states was performed. The directions demonstrated a high level of inclusiveness of economic growth, as well as the sectors which can be considered “growth areas” for partners in Eurasian integration, have been identified (The research was performed within the framework of the state scientific program “Society and humanitarian security of the Belarusian state”, included in the subprogram “Economy” for 2021–2025”, task 2.04 “Methodological foundations and tools for improving innovation and investment mechanisms ensuring the state socio-economic security in the context of global reconfiguration of foreign economic relations (2021–2025)”).

Keywords: inclusive economic growth, inclusion assessment of economy, adapted inclusive economic growth index, EAEU.

Inclusive or sustainable, comprehensive, systemic socially oriented economic growth, related to the entire population, has recently become one of the most popular concept in economic development policy, as well as a central aspect in the documents issued by various international organizations (for example, by the International Monetary Fund (IMF), the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD), European Bank for Reconstruction and Development (EBRD), World Bank). This popularity is based on the following trends:

– despite economic growth, income inequality increases. Inclusive growth is necessary to deal with the global challenges of inequality and poverty,

– despite the increase in GDP, people in general do not experience economic growth. Therefore, inclusive economic growth is aimed at broader goals (not just increasing income or GDP level). The statement that economic growth inevitably reduces poverty and inequality has proven to be wrong. Over the past decade, global community of countries’ leaders has recognized the need for more proactive approaches ensuring comprehensive growth;

– despite the attempts of a state to ensure equal opportunities for citizens to participate in the income distribution, the importance of the equal participation of economic agents in production processes, and not just distribution, can be reached with

inclusive economic growth. For instance, ensuring inclusive growth requires equal access to business activities for all, and monopolies act as the main obstacle for entrepreneurship.

In general, comparisons at the international scale show that states having greater inclusiveness of the social and economic systems, in which the solution of social problems in society and strategic social protection measures of certain social categories and the income equalization are the main priorities, have the best resistance to external threats and economic crises.

The pandemic has slowed down noticeably the economic growth of not only developing but also developed countries. We suppose that due to the highest known degree of economic interdependence, the general socio-economic issues the global community face provide an opportunity for the formation and full implementation of inclusive economic principles based on the common Sustainable Development Goals (SDG).

States with emerging market and developing economies grew consistently in the two decades before the COVID-19 pandemic, which allowed reducing of poverty and increasing life expectancy. The current crisis threatens most of the gains achieved and widens the gap between rich and poor. Despite the impressive pre-pandemic levels of poverty reduction and life expectancy, many of these countries are struggling to reduce income inequality. COVID-19 is expected to exacerbate inequality even more than the past crises did, as the measures taken to fight the pandemic have disproportionately affected vulnerable groups of working population and women. According to IMF forecasts, the average Gini coefficient for emerging markets and developing countries will increase to 42.7, which is comparable to the 2008 level.

Inclusive, or in other words, sustainable growth is a multifaceted phenomenon, which has various definitions. However, there is no globally universal definition of inclusive growth.

In the present research, inclusive economic growth is considered as sustainable and stable

growth, which implies a reduction/non-increase in social and income inequality, which is based on the availability of economic agents to the distribution of resources and income, the possibility of their participation in economic activities, respect for natural resources and environment protection, which is ensured through states' official policy.

Definition of inclusive growth can be based on the following key characteristics:

1. Economic growth, which, however, does not play a central role in the growth of the living standard. The statement that economic growth inevitably reduces poverty and inequality has proven to be wrong. Often economic growth does not bring the desired benefits in terms of reducing poverty and social inequality, and among its negative consequences – political polarization and the erosion of social cohesion in countries around the world, as it is assumed by international organizations. Thus, economic growth is defined not only by aggregate indicators of economic production (such as GDP), but should also include and be measured by other outcomes reflecting overall population's welfare.

2. Stability and sustainability – individuals and legal entities, enterprises and governments should have a sufficient level of confidence in their future and the ability to predict the results of their economic decisions. Individuals, households, companies should be reliable enough to invest in their future. Economic systems should remain sustainable to shocks and stresses, and especially – to the disruptions that disproportionately affect the poor or vulnerable social groups.

3. Participation and comprehensive development of human capital. People should have an opportunity to participate fully in economic life, have access and participation in markets as workers, consumers and business owners. The development and diffusion of technologies also contributes to increased individual and general well-being.

4. Social justice – access to distributed resources and income, the opportunity for more people not

only to receive social benefits, but also to contribute to the economy development. All social groups, especially poor or socially disadvantaged ones, should be able to take advantage of these opportunities. Inequality should be decreased, or at least should not increase. People should have equal access to public goods, services and infrastructure such as public transport, education, clean air and water.

5. Combating inequality. Rising income and wealth inequality in most countries has led to a worldwide consensus on the need for inclusive economic growth. The richest 10% of people in the world gain about 60% of all income, while the poorest 50% only have about 10%. Economists and international organizations warn of the dangers of increasing inequality and stand for the policies that can reverse this trend. In a world of rising income gap, most scientists agree on the fact that inclusive growth is the core value of a sustainable future.

6. Responsible use of natural resources and environmental protection. Consumption mode of natural resources by the human race should allow preservation or restoration of nature's ability to produce an ecosystem of goods and services that contribute to human well-being.

It seems that participation of state authorities should also be attributed to the main characteristics of inclusive economic growth. After the global financial economic crisis of 2008–2009 it became clear that it was government policy that should drive inclusive growth. Moreover, it can also be assumed that further inclusive development is possible only if an economy of trust is established and developed. For instance, for Eurasian integration, the effective use of the integration potential is possible if only trust at all levels (interpersonal and institutional; trust between people (labor migration, refugees, etc.) is established, including both trust of society and business in a state (particularly, trust in integration institutions) [1, 11].

In 2015, the United Nations Organization (UNO) approved the 2030 Agenda for Sustainable Development, which includes 17 Sustainable

Development Goals (SDG) and 169 related tasks. Thus, the global community has reaffirmed its commitment to this extremely important topic. The 193 UNO member states are committed to sustainable, inclusive and sustained economic growth, social inclusion and environmental protection, intending to achieve them in conditions of partnership and peace. In this international context, it is not surprising that inclusive development issues are increasingly mentioned in the policies of a number of countries. Thus, inclusive growth has become one of the main goals of the governments of the EAEU member states.

Measuring the degree of inclusiveness of economic growth faces difficulties related to determination of all essential factors. Inclusion requires each country to determine its own strengths and choose the areas in which it has a competitive advantage. This approach is necessary not only for increasing gross domestic product value but for achieving positive results in the main sectors of inclusive economic growth. International organizations use sets of indicators to compare certain states in terms of inclusiveness. As a result of the increased central role of inclusiveness in economic development in 2018, the EEF presented an index of inclusive development, which includes, in addition to GDP, eleven key performance indicators characterizing the overall standard of living of the country and the equality of all social groups [2]. This index is based on the presupposition that the main goal of state's development policy should be achieving sustainable, inclusive progress, accompanied by rising incomes of the population, as well as increased economic opportunity, economic security and quality of life, not just GDP growth. However, the index does not include factors influencing development of the transitive economies, such as the member states of the Eurasian Economic Union (EAEU).

The present analysis identified some key aggregates for comparing and assessing the inclusive economic growth of the EAEU member states, which were adapted for countries with transitive economies in transition

and added to the SDG indicators as of 2030. Data for these indicators was obtained from various sources.

The selected indicators were grouped into five main directions of inclusive growth (table 1), each

direction is classified and divided into several components, which, in turn, are assessed on the basis of separate indicators representing a specific component.

Table 1.– Indicators of inclusive economic growth for the EAEU member states

Directions of inclusive growth	Components
1. Economic growth and development	1.1 GDP and productivity
	1.2 Employment and decent work
	1.3 Export potential
2. Human capital assets	2.1 The quality of life
	2.2 Education
	2.3 Healthcare and life expectancy
3. Inequality	3.1 Social and economic inequality
	3.2 Measures taken against inequality
4. Infrastructure, technologies and innovations	4.1 Digital economy
	4.2 Innovation potential
	4.3 Access to infrastructure
	4.4 Access to transport infrastructure
5. Levels and indicators of green production and environmental safety	5.1 Aggregate indicators of environmental costs
	5.2 Statistical indicators of “green growth”
	5.3 Shared Environmental Information System (SEIS) Indicators

Note – Source: developed by the author based on [2, 4]

The main 5 directions include 15 components and 53 indicators used to calculate the adapted inclusiveness index. The overall adjusted inclusiveness rating is based on the average score the five main areas. This approach is based on the calculations of the Inclusive Development Index (EEF) with the corresponding amendments and additions for the transition economies, to which Belarus and its partners in Eurasian integration belong to, and taking into account the SDG indicators. Among the indicators assessing the implementation of the SDGs, the General Adapted Index of Inclusive Economic Growth was added: access to basic healthcare, the proportion of medical institutions with a permanent set of essential and affordable medicines (SDG No. 3.8.1), the proportion of developing countries in the membership of international organizations and the proportion of their votes (SDG 10.6.1), the proportion of commodity items of the

least developed countries and developing countries to which zero tariffs are applied (SDG 10.a.1), etc.

In addition to these indicators, the following indicators reflecting the socio-economic context of countries with economies in transition were identified: the level of unreported employment, entrepreneurship, indicators of decent work, the proportion of educational institutions covered by the e-school project in the total number of educational institutions, the number of patents issued to national applicants for inventions in the field of IT, statistical indicators of green growth, etc.

Within the EAEU, the highest levels of inclusiveness of economic growth were noted in the Republic of Belarus and the Republic of Kazakhstan. In general, Belarus, Kazakhstan and Russia can be placed on the border between developed and developing countries [3].

From the point of view of the directions of inclusive growth in all the EAEU member states, in 2020 high indicators were noted in the areas of "Economic growth and productivity" and "Human capital assets".

For the Republic of Armenia and the Kyrgyz Republic, the lowest values are noted in these areas. At that, for the Republic of Armenia, low values of indicators in this area are related to the incomplete use of labor resources in the economy; for the Kyrgyz Republic – with low labor productivity.

For the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation, the "growth zone" is the improvement of the quality of life. Low (in comparison with other areas of inclusive growth) estimates in this sector are related to significant carbon dioxide emissions in both countries.

The Russian Federation, the Republic of Armenia and the Kyrgyz Republic improved their results in the "Inequality" sector. At the same time, Belarus and Kazakhstan had the highest values of indicators in this area among the EAEU countries.

We can conclude that the pandemic has slowed down the economic growth of not only developed and developing countries, but also countries with transitive economies. It can be assumed that due to a higher degree of economic interdependence than ever before, the general social and economic difficulties of the world community provide an opportunity for the formation and full implementation of inclusive economic principles based on the already common goals of sustainable development. Due to the fact that the theory of inclusive economic de-

velopment is currently at the stage of development and formation, the development of theoretical and methodological foundations of inclusive economic growth and the adaptation of methods for its assessment for transitional economies and economies at the stage of integration is becoming more relevant than ever for Belarus and countries. members of the EAEU in the context of the formation of a new stage in the transformation of foreign trade regulation, the rapid and intensive process of economic integration, regionalization, the formation of features of inter-regional interaction [5, 50].

Inclusive economic growth is a sustainable and stable growth of the economy, implying a reduction/non-increase in social and economic inequality, which is based on the access to the distribution of resources and income for all economic agents, the possibility of their participation in economic activity, respect for natural resources and environmental protection that is ensured through state's policy.

As a result of assessing the inclusiveness of the EAEU economies based on the General Adapted Index of Inclusive Economic Growth for Transitive Economies, supplemented by SDG indicators, it was proved that the highest index values are observed in Belarus and Kazakhstan. In terms of directions, the highest indicators in the "Economic growth and productivity" sector were noted in Armenia and Kyrgyzstan, in the "Human capital assets" (component of the "Quality of life" sector) – in Russia and Kazakhstan. In general, Belarus, Kazakhstan and Russia can be placed on the border between developed and developing countries.

References:

1. Borisik O. V. Ekonomika doveriya v processah mezhdunarodnoj ekonomiceskoy integracii: usloviya formirovaniya i razvitiya v Evrazijskom ekonomiceskem Soyuze / O. V. Borisik // Ekonomika. Biznes. Finansy. – № 8.2019. – S. 5–11.
2. The Inclusive Development Index 2018. World Economic Forum Report, published: 22 January 2018.– Data access: URL: <https://www.weforum.org/reports/the-inclusive-development-index-2018>.
3. Khazhgerieva A. Inclusive Growth of the Eurasian Economic Union Member States: assessments and opportunities / Khazhgerieva, A.nastasiia & Panteleev, Andrey & Ryabtsev, Nikolay & Barnat, Nour & Cantú, Fernando & MacFeely, Steve & Paunovic, Igor & Peltola, Anu.– [Electronic resource].– Data

- access: URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/1e3/Inclusive_growth_in_EAEU_Member.pdf.
4. Nacional'nyj statisticheskij komitet Respubliki Belarus'. – [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: URL: <https://www.belstat.gov.by>.
 5. Garashchenko E. A. Mezhdunarodnaya ekonomiceskaya integraciya kak faktor transformacii vneshnetorgovogo regulirovaniya / E. A. Garashchenko // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i social'no-ekonomiceskikh nauk. – T. 12. – № 5. 2018. – S. 48–50.

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-6-97-100>

Ismayilova Suraya Ahmed,

PhD, University of Technology of Azerbaijan

E-mail: isurayya@mail.ru

Mursalova Nigar Vagif,

Senior lecturer, University of Technology of Azerbaijan

E-mail: n.mursalova@uteca.edu.az

Mammadova Ayshan Viladdin

PhD student, University of Technology of Azerbaijan

E-mail: a.nasibova@uteca.edu.az

Hasanova Aygun Aydin

PhD student, University of Technology of Azerbaijan

E-mail: a.hasanova@uteca.edu.az

APPLICATION OF INNOVATIVE BUSINESS MODELS IN THE DIGITAL ECONOMY

Abstract. From the end of the twentieth century to the present, human society has undergone rapid changes. The basis of all these changes is innovation. A number of technological and fundamental inventions and discoveries in the fields of electronics, radiophysics, optoelectronics, laser technology, modern materials science, chemistry and catalysis, modern aviation and aerospace, use of modern information technologies, results in micro and macroelectronics, as well as nanotechnology led to the emergence of products. The technologies that enable the purchase of such products have been called science-based technologies.

Keywords: business models, digital economy, technology, innovation, production.

As a result, the use of science-based technologies has led to the emergence of a new direction of economic development – innovation-oriented economic development. The innovation-oriented economic development model has proven its high efficiency in the developed countries of the world.

To understand the role of the innovative economy in the development of any country, it is enough to recall a saying of P. Drucker: – In the future, there will be no concept of rich or poor countries in the world. There will be countries that prefer innovation and countries that do not pay attention to it. To get acquainted with the innovation-oriented development of the economy: innovation, scientific parks that play a special role in its acceleration (technical

parks, small business incubators, technopolises), fundamental scientific-applied, modern forms of scientific-industrial relations and other similar concepts and notions It is important to get acquainted [1].

The new economy is the information economy. In the new economy, information becomes more important in terms of both quality and quantity than the revenues used in the previous period. Information seems to be the only factor of production that is more important than labor and capital. For this reason, one of the most important features of the new economy is the integration of information into all economic activities, in other words, a relatively significant increase in the intensity of information in economic activities. As information trade and in-

formation trade in goods and services have increased significantly, today information has become much more important as a product. Information technology allows an economy to be information-based. The creation of knowledge in the information economy applies to both information workers and information consumers, ie people. The most important sources of organizations in the information economy are not the classical factors of production, but knowledge and human investment. The production and use of information as a commodity, innovation and invention play a key role in the creation of wealth and prosperity in the new economy. Information is the key to increasing production efficiency, the efficiency of the production and distribution process, and the quality and quantity of products and the ability for producers and consumers to choose between goods and services. The success of firms and industries depends on innovation and invention, the development of new products, the introduction of new services and the increase in the density of information in their products and goods. The new economy is the digital economy. In the new economy, all kinds of information, sound, writing, images, moving objects, etc. delivered by computer networks. Large amounts of information are transmitted to their recipients extremely quickly, cheaply and reliably [2].

In countries that play an important role in the world economy, the information economy is becoming increasingly important. Knowledge is the most important factor in determining the standard of living, and economies that are currently at the highest level of technology are knowledge-based economies. Countries with strong knowledge-based economies also have a competitive advantage because international competitiveness is ultimately known as the ability to provide their citizens with the highest standard of living within a sustainable framework. The growing importance of information, creativity and skills is changing the way firms compete and the sources of comparative advantage between countries. The growing importance of information-based

economies, on the one hand, has a significant impact on growth factors, production organization, employment and the need for high-level human resources, on the other hand, necessitates new applications in competition and industrial policy [3].

The long-term spread of digital technologies has determined the development trajectories of the economy and society, and has repeatedly led to significant changes in people's lives. Formation of digital economy – USA, Great Britain, Germany, Japan, etc. is one of the priority areas for countries such as As a rule, they are characterized by a long period of implementation of the "digital development agenda" and a sequence of priorities – from the establishment of basic information and communication infrastructure to the formation of coordinated policies and programs to support digital technologies everywhere. In recent years, due to the emergence of a new generation of digital technologies – artificial intelligence, robotics, Internet of Things, wireless communication technologies and a number of others, called "two-sided" due to the scale and depth of impact, the next wave of business and social models. It is estimated that their application can increase labor productivity in companies by 40%.

One of the key reports of the World Bank in 2016 included a report on the state of the digital economy in the world (the report was published under the title "Digital Dividends"). The preface to the report, written by World Bank Group President Jim Yong Kim, reads: "We are experiencing the greatest information and communication revolution in human history. More than 40 percent of the world's population has access to the Internet, and new users are joining the network every day. Among the 20 percent of the poorest households, 7 out of 10 households have a mobile phone.

This report follows three points:

1) The widespread development of the Internet, mobile communications and information and communication technologies (ICT) is becoming the basis for the creation of a digital economy;

- 2) the digital economy of many countries around the world is developing rapidly;
- 3) The digital economy will lead to a radical change in the world.

The authors of many studies on the digital economy, including the World Bank report, conclude that the electronic model of the economy provides society with higher labor productivity, increased corporate competitiveness, lower production costs, weaker crises due to faster sales of goods and services, higher employment and unemployment. It will provide "digital dividends" in the form of a reduction in human needs, a fuller provision of human needs, a reduction in poverty, and the weakening or complete elimination of the social polarization of society [4].

The digital economy determines the direction of transformation of traditional sectors of the economy, the emergence of new markets. New business models are customer-centric, which completely defines their structure: from price proposals to addressing pre-determined customer needs, from just-in-time delivery to customer-based revenue streams. High-speed processing of big data becomes the main source of value, as transactions take place in real time and often simultaneously.

Big data analysis technologies and SI help to find new sources of value creation based on the study of consumers' digital priorities and their economic behavior. Customer information is becoming a key asset for digital companies, and access to their large arrays increases the market value.

The development of open data platforms (appendata), which stimulates the emergence and spread of innovative business models in the economy, is a current trend. In the field of finance, the manifestation of this concept is the Open Banking system, which allows third parties to analyze or use data, integrate various applications and services, thereby improving the quality of customer service. The predominance of intangible assets in digital business models and the simplicity of the transition of consumers from one company to another increase the importance of the brand and dictate

the need to create incentives for the use of a particular digital platform or business model [3].

At a time when technological innovations in the modern world have penetrated into various sectors of the national economy in recent years, there is a need for a new program concept in the Republic of Azerbaijan. Thus, today in our country there is a need to implement a large-scale systemic program of a new technological generation economy – "Digital Economy". This is dictated to us by technological trends and time in the world. The purpose of the program "Digital Economy" is to organize the systematic development and application of digital technologies in all areas of our lives. These areas include the economy, social activities such as entrepreneurship, public administration, the social sphere and the urban economy. In general, the transition of the economy to "digital" should be a matter of global competitiveness and national security. All the forums, even the World Economic Forum in Davos, emphasize the need for the transition to the fourth industrial revolution and see its main goal in ensuring the transition to the digital economy. From this point of view, our national economy must be ready for modern challenges.

In recent years, we appreciate the initiative "Adaptation of digital markets" in the formation and development of the digital economy in our country. Our country actively participates in each of the six areas implemented under the initiative of the European Union. Azerbaijan is a coordinating country in the direction of "ICT innovation and startup ecosystem" and the sub-direction of "customs". The development of the digital economy is one of the issues that Azerbaijan pays special attention to: The "National Strategy for the Development of the Information Society in the Republic of Azerbaijan for 2014–2020" has been adopted and the formation of the digital economy has been set as one of the main goals and is being implemented.

Also, the "Strategic Roadmap for the Development of Telecommunications and Information Tech-

nologies in the Republic of Azerbaijan” adopted at the end of 2016 sets serious tasks for the sector to ensure the digital transition. The Strategic Roadmap

for the National Economic Prospects of the Republic of Azerbaijan is a serious and promising document for achieving sustainable economic development.

References

1. Siddiquee N.A. E-government and transformation of service delivery in developing countries The Bangladesh experience and lessons. Transforming Government- People Process and Policy, – 10. 2016. – P. 368–390.
2. Gulamhuseinwala I., T. Bull T. & Lewis S. Fin-Tech is gaining traction and young, highincome users are the early adopters. Journal of Financial Perspectives, – 3. 2015. – P. 16–23.
3. Vvedenie v “Cifrovyyu” ekonomiku / pod obshch.red. A. V. Keshelava.– M.: VNIIGeosistem, 2017.
4. Information on the National Accounts of the State Statistical Committee of the Republic of Azerbaijan: – Baku, 2007.

Section 10. Science of Law

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-6-101-107>

Dr. Hoang Ngoc Hai,
University of Fire Prevention and Fighting, Vietnam
 E-mail: hoanghait34@gmail.com

PREVENTING VIOLATIONS OF LAW ON FIRE PREVENTION AND FIRE FIGHTING IN VIETNAM – THEORETICAL AND PRACTICE

Abstract. In order to minimize fires, explosions and violations of the law on fire prevention and fighting, it is important to approach and study the theory and practice of preventing law violations. Thereby, step by step perfecting the prevention theory as well as proposing a system of solutions to contribute to the prevention of violations of the law on fire prevention and fighting. The following article focuses on researching and clarifying the theory; survey, analyze and present research results on the organization of prevention of violations of the law on fire prevention and fighting in Vietnam today.

Keyword: fire prevention and fighting; prevent violations of the law; prevent

1. Make a problem

In Vietnam, according to the provisions of the law on fire prevention and fighting, the functions and duties of the fire police force have not specifically mentioned the prevention function, including preventing violations of the law in the field of fire prevention and fighting. Although, breaking the law in the field of fire prevention and fighting is one of the relatively common groups of violations. However, at present, from a theoretical perspective, there is no systematic approach to research on prevention of law violations according to the functions of the Fire Police force.

The practice of performing their functions and duties shows that, under the leadership and direction of the Government, the Ministry of Public Security, the attention and coordination of ministries, branches, agencies, forces and local authorities direction. In which, the fire prevention and fighting police force is the subject of direct implementation of law

violation prevention activities; actively and proactively advised Party committees and authorities at all levels to mobilize synergy, organize the effective implementation of law violation prevention activities; through various and vivid forms and contents of propaganda and mobilization of the masses to participate, the effectiveness of mass propaganda and mobilization has increased markedly; initial investigation has been effectively implemented; the work of design appraisal, approval, acceptance has gone into order, in accordance with the provisions of the law, overcoming the violations of the law in the field of construction investment; The inspection, examination, handling of violations as well as the investigation of the fire have been paid attention, promoted and of high quality, through this work, violations have been detected in a timely manner. In addition to reminding and recommending remedial actions, administrative sanctions are the basis for very effective prevention.

2. Theory and practice of preventing violations of the law on fire prevention and fighting in Vietnam

Prevention of legal violations in the field of fire prevention and fighting is a very diverse and rich practice, so it is necessary to consider it from a systematic and scientific point of view. For example, consider prevention of legal violations in the field of fire prevention and fighting as a system consisting of theory and specific preventive measures, consider prevention activities as an activity of social management; draft prevention decisions and organize the implementation of those decisions according to the nature and field of prevention ... However, if considered in the most general way, it is a system according to limitations in terms of scale, scope and objects of impact of preventive activities (social prevention) and private prevention (professional prevention). General prevention (social prevention) is a system of political, economic, legal, educational measures ... implemented in the process of building and developing all aspects of social life. In essence, it is to solve difficult problems, obstacles and shortcomings in state management, creating the premise for relevant subjects to strictly abide by the provisions of the law. Specific prevention (specialist prevention) is a system of measures with specialized characteristics of each branch or force to focus on preventing law violations. Specific prevention is characterized by a narrower scale of use of measures, practical and specialized measures, aimed at specific subjects. Social prevention creates the basis and foundation for professional prevention, on the contrary, good professional prevention, effectively solving specific problems will contribute to improving the effectiveness of general prevention. When approaching the system of measures to prevent violations of the law, based on different criteria, it can be classified into a system of different measures. If according to the impact content of the prevention of law violations, prevention measures can be divided into measures such as economic measures, ideological education

measures, legal measures ... ; if, according to the scope of the impact of the preventive measures, it can be divided into territorial preventive measures; by field, specialty... ; if according to the subject of preventive activities, it can be divided into measures of agencies directly performing state management tasks; Measures of social organizations ...

In order to prevent violations of the law in the field of fire prevention and fighting, prevention subjects must focus on solving the following goals: Eliminating and eliminating the causes and conditions of law violation, eliminating factors that are conditions to facilitate the arising of acts of violating internal rules and regulations; studying the surrounding living environment, causes and conditions of law violation, thereby limiting and preventing phenomena that have adverse and improper effects on the formation of negative personal qualities that oppose the violator's own society; on this basis, provide comprehensive and systematic solutions to prevent negative phenomena and law violations, influencing factors and shortcomings in the management mechanism in all aspects (such as economic, social work, propaganda work, inspection ...) as well as recommendations to improve the law. On the basis of such an approach, it can be shown that the prevention of legal violations in the field of fire prevention and fighting is a system of measures taken by the state and society to actively prevent and prevent violations. If law violations occur, promptly detect them and handle them strictly in order to educate people to strictly observe the provisions of the law. Accordingly, the prevention of violations of the law in the field of fire prevention and fighting is the process of applying integrated social and professional prevention measures according to the functions and tasks of the Fire and Rescue Police force towards the elimination of such crimes. causes and conditions for arising of law violations in order to prevent, limit, reduce and step by step eliminate law violations from social life.

It can be said that in the context that Vietnam is constantly building and developing, the fire preven-

tion and fighting work occupies an even more important role. There are few types of accidents that can cause great loss of life and property at the same time as in fires. In urban areas, the appearance of more and more high-rise buildings, underground works, commercial centers, hospitals, schools, export processing zones, industrial parks, high-tech parks, stations gasoline, oil in the inner city... the risk of fire and explosion is great and the consequences are unpredictable. Meanwhile, the cause of the fire, initially only stemming from a small spark, a normal electrical short or from human carelessness... was not detected and handled in time, leading to a successful outbreak. fierce fire. Simultaneously with urban development is the formation of concentrated residential areas – high-rise and super-high-rise buildings. Currently, there are over 2,000 high-rise buildings (over 25m) and super-high-rises (over 100m) across the country. in which there are overhead works (over 300m), there are basements about (10,000m²), can accommodate about 10,000 people, there are about 9000 markets of all kinds, 800 commercial centers, including 3,000 markets solid, semi-permanent. Up to now, the country has more than 600,000 small and medium enterprises, nearly 6 million individual business households and nearly 60,000 cooperatives. The number of small and medium enterprises in the industrial sector accounts for about 29–30% of the total. Currently, there are nearly 10,000 foreign investment projects in our country with a total approved investment capital of nearly 100 billion USD. Economic growth is quite high, the process of urbanization develops strongly. Since the Government implemented synchronously strong and persistent solutions for macroeconomic stability and economic restructuring, from 2011 up to now, economic growth has gradually recovered. As a rule, the more socio-economic development, the higher the fire risk, the more complicated the fire situation; The number of fires occurs more and more and the damage caused by fire is greater. In recent years, the fire situation in the whole country has had many complicated developments, especially large

fires causing serious loss of life and property, which tended to increase in both the number of cases and the damage caused by fire. caused by fire. The number of particularly serious fires such as fires in markets, apartment buildings, high-rise buildings, inns, production facilities, warehouses of great value, etc. According to statistics of the Fire and Rescue Police Department, Ministry of Public Security of Vietnam, although the number of large fires accounts for just over 1% of the total number of fires in the country, the damage caused by these fires is particularly serious, accounting for over 80% of the total damage caused by fire in terms of material, even even some years account for over 90%.

Along with the complicated situation of fire and explosion, the situation of law violations also occurred a lot, focusing mainly on the following groups: administrative violations, criminal violations. Through the inspection and examination, the Fire and Rescue Police force analyzed and assessed violations in a total of 136,581 violations. In which, emerging groups of violations are as follows: The number of violations of regulations in the promulgation, dissemination and organization of implementation of regulations and rules is 17,759/136,581 (accounting for 13%); The number of violations against regulations on inspection by heads of agencies and organizations was 13,114/136,581 (accounting for 9.6%); The number of violations on management records is 9,152/136,581 (accounting for 6.7%); The number of violations against regulations in the design, installation, management and use of electricity was 23,496/136,581 times (accounting for 17.2%); The number of violations against regulations on safety distance and fire prevention was 8,742/ 136,581 (accounting for 6.4%); The number of violations against regulations on establishment and practice of fire fighting plans was 22,540/136,581 (accounting for 16.5%); The number of violations against regulations on equipment, preservation and use of vehicles was 24,589 (accounting for 18%); The number of other violations such as not buying compulsory fire

and explosion insurance and professional training was 17,212/136,581 (accounting for 12.6%). In the past year alone, the Vietnam Fire Prevention and Fighting Police force organized a fire safety inspection of 305,983 establishments, made 305,983 inspection records; recommendations to overcome 256,262 shortcomings and shortcomings in fire prevention and fighting work. Making 15,953 records of administrative violations, sanctioning administrative violations 15,953 cases with a total fine of 61,148 billion VND; temporarily suspending 522 cases; suspended operations 521 cases.

In addition to administrative violations, there are also criminal violations of fire prevention and fighting. Through the results of the investigation and handling of the fire, violations of the law are often concluded during the investigation of the causes of fires at establishments, including the following groups: Violation of regulations on fire prevention and fighting (violation of regulations on fire prevention and fighting). regulations on the use of fire and heat; violations of regulations on welding and cutting of metals; violations of regulations on use of areas); unintentionally causing fire (inadvertently causing fire in the use of fire and heat; unintentionally causing fire in the use of gas, construction, electricity); intentionally causing fire (burning due to conflict, burning due to mental illness, burning due to sabotage). Specifically, from 2001 to 2017, out of 34,983 fires, negligent acts in the use of fire, petrol and gas were 24,125/34,983 fires (accounting for 45%); acts of burning, mainly burning due to personal conflicts, mental illness, drunkenness are 2,492/34,983 fires (accounting for 7%); violations of safety procedures and regulations were 890.3/34,983 fires (accounting for 2.5%). Thus, among the acts of violating the law to cause fire to occur so far, the act of negligence in using fire, petrol and gas is the main one. Among the violations of the law causing fire and explosion, since 2001 until now, the competent authorities have prosecuted 73 cases and prosecuted 41 defendants before the law.

Assessment of the causes of violations of the law in recent years showed that the main causes of violations were negligence (in cooking, using fire, using electrical equipment, using gasoline, using gas, etc.) chemical use...) accounts for 45%; due to system and equipment breakdown (electricity, petrol, oil, gas, etc.) accounted for 29%; due to burning accounted for 7.4%; violation of regulations on fire safety accounted for 2.5%; due to other causes (children playing with fire, traffic accidents, self-ignition, lightning strikes) accounted for 2.6%; the rest is under investigation, the cause is unknown at 13.5%. Thus, the number of fires caused by people lacking awareness and knowledge (due to negligence, violation of regulations on fire prevention and fighting safety, burning) accounts for a high proportion of 55% of the total number of fires.

From the above data and through the survey, it is shown that for the causes and conditions of violation of the law, a number of problems emerge such as: The awareness of fire and explosion prevention and the implementation of safety measures is not good; Roles, responsibilities, qualifications and capacity of the fire prevention and fighting police force in preventing law violations are still limited; Conditions to ensure law enforcement have not been really concerned; The accuracy of the system of documents guiding the implementation of the provisions of the law and sanctioning administrative violations is not consistent ...

3. Research results on the organization of measures to prevent violations of the law on fire prevention and fighting in Vietnam

– Regarding the implementation of social prevention measures:

+ Advise the Party committees and authorities at all levels and branches on organizing the implementation of the prevention of law violations:

Recognizing the importance of advising in the prevention of law violations, within the scope of their assigned tasks and powers and creating a premise for the prevention of law violations, since 2001 until

now, the police force The Fire Department has advised and proposed to Party committees and competent state agencies to promulgate, direct and organize the implementation of important documents in the prevention of law violations in the field of fire prevention and fighting.

* At the central level: According to the assigned functions and tasks, the Fire and Rescue Police Department has advised and proposed competent authorities to decide on many issues such as programs and plans nationwide; advising on the promulgation of legal documents; advise on work coordination; advise in building a team of cadres.

* At the local level: Local fire prevention and fighting police forces are the core force, directly performing functions and tasks in state management on a local scale. Having taken a good role in advising the Provincial Party Committees, the City Party Committees and the Provincial People's Committees to issue 1,425 documents directing the implementation of the Law on Fire Prevention and Fighting, many localities each year issue 4 to 5 guiding documents. Hanoi, Ho Chi Minh City, Hai Phong, Da Nang, Can Tho...

+ *Propagate and mobilize the masses to participate in the prevention of law violations in the field of fire prevention and fighting:*

Identify the importance of propaganda and mobilization of the people in preventing law violations. Over the years, the Fire and Rescue Police force has organized many effective propaganda activities, mobilizing the people to participate in the prevention of law violations.

* On propaganda activities to the public to prevent violations of the law on fire prevention and fighting. With many rich, diverse and theatrical forms of propaganda, it has attracted the attention of all levels, branches and a large number of people from all walks of life, such as: training, seminars, conferences, contests, signing emulation commitments to ensure safety among collectives, units, residential groups, residential clusters ... Especially during peak periods such as the occasion of organizing events.

"National Week of Occupational Safety and Health – Fire Prevention and Control", on the occasion of "All People's Day of Fire Prevention and Fighting", propaganda was promoted, many ministries, branches and localities organized hanging banners, slogans and paintings., propaganda posters at the headquarters of the agency, on national highways and public places; Universities, colleges, and high schools have integrated them into the extra-curricular activities of students ... From 2001 up to now, the entire force of Fire and Rescue Police has cooperated with mass media agencies to publish more than 90,747 news, articles, reportages, documentaries; issued 2,845,762 leaflets; Organized 171,121 oral propaganda sessions and 61,756 mobile propaganda sessions for millions of listeners; hanging 16,477,752 zonal banners, slogans, propaganda posters warning of the risk of fire and explosion; compiling, printing and distributing 122, 939 brochures to grassroots and people and many other propaganda activities such as printing copies, distributing propaganda tapes and CDs; propagate through the radio system of districts, towns, wards, residential groups, residential areas, internal loudspeakers of the establishment ...

* On mobilizing the masses to participate in preventing violations of the fire prevention and fighting law. The Fire and Rescue Police force has actively coordinated with branches and levels to gradually well implement the Democracy Regulation with the motto "people know, people do, people discuss, people inspect" and brought about remarkable results. encourage. From 2001 up to now, the whole force of Fire Protection Police has organized 87,729 professional training classes with 2,953,957 participants; building and strengthening 64,503 grassroots fire prevention and fighting teams and specialized civil defense teams with a total of 1,653,291 members; organized for 4,039,061 establishments, individuals, households and small businesses to sign a commitment to ensure fire safety.

- *Organize to thoroughly understand and effectively implement professional preventive measures:*

+ *Conduct basic investigation.* Currently, the number of establishments under state management nationwide is 222,017, of which 102,532 are at risk of fire and explosion. To grasp the situation, the whole force of Fire and Rescue Police conducted a basic investigation of 100% of the facilities, made management records for 113,638 establishments (reaching 51.2%), thereby promptly detecting errors, violations and shortcomings in management.

+ *Perform appraisal, approval and acceptance on fire prevention and fighting.* From 2001 up to now, the Fire Prevention and Fighting Police force has appraised and accepted 147627 works, of which the number of approved works is 98740 works and the number of accepted works is 48851 works. Through the appraisal and approval work, it has discovered and recommended the investor, the design consultancy agency to promptly adjust the design solutions, promptly correct thousands of errors and omissions right from the construction design and During the construction process, significantly contributing to speeding up the project implementation schedule, many projects saved tens of billions of dong in construction investment thanks to timely recommendations of the Fire and Rescue Police force. .

+ *Carry out inspection of means of fire protection.* According to statistics, over the past time, the Fire and Rescue Police Department has inspected 303,527,3723 fire fighting vehicles. The number of issued vehicle inspection certificates is 14125.

Thus, the number of fire prevention and fighting equipment in general and fire fighting equipment in particular has been inspected by the Department of Fire and Rescue Police Department and issued the Certificate of annual inspection is very large, increasing year by year.

These statistics show that the inspection requirements for fire fighting equipment are very large, increasing year by year, requiring a proper investment in inspection activities. In addition, the proportion of fire fighting vehicles in the total number of inspected vehicles is always high, showing the im-

portance and need to equip these facilities for the facility. In particular, the vehicles in automatic and semi-automatic fire fighting systems account for a large number, showing the trend of automation in fire fighting, the need to equip automatic fire fighting systems at the facility is increasing.

+ *Inspect, examine and handle violations of regulations on fire prevention and fighting*

* *Firefighting inspection work:*

According to statistics, synthesized from the reports summarizing the annual work of the Police Department for Fire Prevention and Fighting and Rescue; the reports summarizing the work of the year, the report summarizing the inspection of fire prevention and fighting of the Inspectorate of the Ministry of Public Security, from 2011 to now, when the Law on Inspection takes effect, the Inspectors of the Ministry of Public Security, Inspectors of the Public Security In the locality, the Police Department of Fire Prevention, Fighting and Rescue has developed a plan, decided to inspect and conducted 263 inspections with 2,096 subjects.

* *Inspection and handling of violations of regulations on fire prevention and fighting:*

From 2001 up to now, the Fire and Rescue Police force has conducted 2,235,365 times of fire safety inspection, made 2,176,497 fire safety inspection records, detected violations and made 7,202,272 recommendations to improve fire safety. facilities and motorized means of transport have been remedied and have sanctioned administrative violations.

+ *Conduct investigations of fires and explosions.* In fact, the survey shows that since 2001 until now, the Fire and Rescue Police force has not prosecuted a number of fire and explosion cases, but the fires and explosions are mainly caused by the investigative police agency. For cases with signs of crime, mainly the Fire and Rescue Police force cooperates with competent investigative agencies to conduct a number of initial investigation activities, such as examining the scene, taking testimonies., determine the cause of fire and explosion ... ,

most of which is to examine the scene of fires and explosions.

4. Conclusion

Along with the socio-economic development is the increasing risk of fire and explosion and the number of cases of violations of regulations and safety rules on fire prevention and fighting has also increased. Especially, effective prevention of administrative violations on fire prevention and fighting

mainly depends on many factors such as: adequate and synchronous legal regulations; legal understanding and attitude of individuals and organizations to respect and strictly comply with the law; qualifications and responsibilities of the fire police force. Therefore, the research and prevention of law violations is always a meaningful issue in both theory and practice that needs to be continued to be shared, studied and exchanged.

References:

1. Ministry of Public Security. Summary report of 10 years of implementation of the Law on Fire Prevention and Fighting, Hanoi. 2012.
2. Government. Decree No. 167/2013/NĐ-CP dated 12/11/2013 on sanctioning of administrative violations in the field of security, social order and safety; Prevention of social evils; fire protection; domestic violence prevention, – Hanoi. 2012.
3. Government. Government's report on the implementation of policies and laws on fire prevention and fighting in the period 2014–2018; 2019.
4. Dao Huu Dan, Hoang Ngoc Hai. Textbook of State management on fire prevention and fighting, Public Security Publishing House, – Hanoi. 2020.
5. Dao Huu Dan, Hoang Ngoc Hai. Textbook of Fire Protection Law, Public Security Publishing House, – Hanoi. 2020.
6. Hoang Ngoc Hai. Applying the law in the field of fire prevention and fighting – Theoretical and practical issues, – Hanoi. 2015.
7. Hoang Ngoc Hai. "Some theoretical issues on the prevention of law violations in the field of fire prevention and fighting". Journal of Fire Prevention and Fighting, University of Fire Protection. 2015.
8. Nguyen Minh Doan. Implementation and application of the law in Vietnam, Publishing House. National politics, – Hanoi. 2009.

Section 11. Sociology

<https://doi.org/10.29013/EJHSS-21-6-108-113>

Zhang Ruoxuan,
Concord Academy, MA
E-mail: ruoxuan.zhang@concordacademy.org

EXAMINING HOW THE LEGALIZATION OR DECRIMINALIZATION OF PROSTITUTION IMPACTS HEALTHCARE AND SOCIAL STIGMAS PERTAINING TO PROSTITUTION

Abstract. This paper explores the legalization or decriminalization of prostitution impacts healthcare and social stigmas about to prostitution in the United States. Some feel that laws against prostitution do more harm than good. In the past, due to social stigmas, there was little focus on the health and legal needs of prostitutes. Many people oppose prostitution because they feel it is immoral or think it degrades and victimizes women. Because prostitution usually involves consensual behavior, some scholars say it should not be illegal in a society that values a right to privacy [1]. The public health industry has placed disproportionate attention on sexually transmitted diseases such as HIV, syphilis, or gonorrhea [2]. Unfortunately, prostitutes face issues that are only indirectly related to sexually transmitted diseases (STDs). Due to lifestyles, prostitutes are likely to suffer from mental health and substance abuse issues. Furthermore, prostitutes are likely to suffer physical abuse on the job as they operate under unsafe conditions with few legal protections [3]. Moreover, health issues such as heart disease, cancer, COVID, and other common illnesses do not discriminate based on profession, impacting farmers, teachers, athletes, and prostitutes alike. This paper will examine the legal issues and those concerning access to quality healthcare for prostitutes. The paper will additionally introduce the potential recommendation in the access and quality of care. Lastly, debating if the legalization of prostitution may improve the health and legal issues and potentially improve the quality of life for this portion of the population. However, for this paper acknowledges males and females engage in this line of work. For this paper, the focus will be on females within the industry.

Key Words: decriminalization, prostitution, prostitution, social stigmas, healthcare

1.1. Prostitutes and Legal Status

In many countries such as the Netherlands, Germany, Austria, Switzerland, Greece, Turkey, Hungary, and Latvia, prostitution is legal. “In Germany, approximately 50,000 prostitutes are registered and seen regularly by the health services, as required by law. However, according to recent estimates, a further 150,000 people work in prostitution” [4].

“The regulations do not cover most prostitutes, however, because the majority work independently. Even though they work independently, the prostitutes can still obtain health insurance without health examinations and higher costs due to risks involved in the work (European Network, 2009a)” [5]. Health insurance can treat current conditions. Additionally, good health plans can protect against

future health scenarios. However, prostitution has usually deemed a form of self-employment, where the employee does not report to an employer.

“The dividing lines between self-employed and employed in The Netherlands and Germany do not provide needed protection to the vast majority of prostitutes,” [6] stated Seals. Maryann Seals, from the Department of Sociology, at the University of South Carolina, Columbia wrote Worker Rights and Health Protection for Prostitutes: A Comparison of The Netherlands, Germany, and Nevada, [6] Seals suggests the legalizing of prostitution, however, recommends the implementation of a new system with Prostitutes’ Rights Act (PRA). The PRA assures prostitutes will have the same rights as other employees, including good working conditions, health care, and primary benefits.

Looking more closely at the United States, the number of prostitutes ranges between 70,000 and 500,000 [7]. Even though Nevada is the only U.S. state where prostitution is legal, it is still an ever-growing market in the United States. The lack of regulations creates a problem for the general public health and the overall wellness of prostitutes. In addition, most of the prostitutes in the United States roam the streets soliciting business. Such lifestyles of prostitutes include drug abuse, exploitation, rape, robbery, and being physically abused by their clients [7]. By legalizing prostitution, workers would have access to a better healthcare system, a safer environment to work in, and a better support system. “Legalization would mean the regulation of prostitution with laws regarding where, when, and how prostitution could take place. Decriminalization eliminates all laws and prohibits the state and law-enforcement officials from intervening in any prostitution-related activities or transactions unless other laws apply” [8]. Surprisingly, however, prostitutes do not support legalization because the potentially mandated STD testing is perceived to jeopardize their business and profits. According to section 201.358 of the Nevada state laws: if a prostitute tests positive for HIV

and continues with their job, they may “face imprisonment of not less than two years and not more than ten years, a fine of not more than \$10,000, or both” [9]. Furthermore, Janice Raymond, the Director of the Coalition Against Trafficking in Women (CATW), claims that legalizing the sex industry is not beneficial, nor does it protect prostitutes. Instead, legalization protects the customer who equally could carry STDs, with mandated “health checks and certification only for women and not for clients is blatantly discriminatory to women” [10].

1.2 Legal differences between Nevada and the rest of the United States

Nevada has legalized prostitution, whereas the other 49 states have not. In Nevada, prostitutes do not have optimal access to healthcare [11]. Prostitutes in Nevada are only allowed in cities with a population of fewer than 700,000 people [12]. According to the L. A. Times, Nevada had 20 legally active brothels in 2018. Nevada State officials have mandated prostitutes are required to be tested weekly for STDs, including Gonorrhea and Chlamydia Trachomatis, and monthly for HIV and Syphilis. If they test positive for any STDs, the prostitutes cannot work until they receive a negative test [13]. According to section 201.358 of the Nevada state laws: if a prostitute tests positive for HIV and continues with working, they may “face imprisonment of not less than two years and not more than ten years, a fine of not more than \$10,000, or both” [9]. In other states where prostitution is illegal, the government cannot mandate testing. Therefore, prostitutes are often in the dark about their infection status. There is a fair chance that sex workers may be in contact with sexually transmitted diseases due to the nature of their profession. According to the Centers for Disease Control and Prevention, up to 55% of prostitutes have had “unprotected commercial sex,” moreover, ten to 35% of prostitutes have never used a condom while working. While in Nevada, prostitutes are required to use latex or polyurethane prophylactic when engaging in any sexual intercourse [14]. These

are the small percentage of prostitutes with recorded data, mainly in Nevada. However, there is still the rest of the United States where people work as prostitutes and do not have access to contraception and healthcare.

1.3 Beyond the Legal Question: Additional Barriers to Support

Prostitutes often avoid going to clinics or hospitals with health-related concerns due to the stigma and criminalization of prostitution. Furthermore, prostitutes face barriers when accessing healthcare. Some prostitutes do not have legal identification or documentation, fear criminalization by the police, or the stigma based on their profession. According to Tara Burns, activist and writer, social stigmas are the primary barriers faced by prostitutes in the healthcare system. “Sex workers working under criminalization often don’t feel safe sharing their profession and actual risks with their doctors, and this can mean they don’t get the same level of education and testing they should” [15]. However, the average income of a prostitute is \$78,289, which is comparable to the average income of a program manager. Nonetheless, this profession does not offer benefits such as healthcare and insurance. Furthermore, the careers of prostitutes are short-lived.

This realization comes as no surprise as prostitution is illegal in most parts of the United States. However, even in Nevada, where prostitution is legal, the recent COVID-19 outbreak has revealed that insurance is not easy to obtain. As the number of customers dwindles, prostitutes struggle to make ends meet financially. Prostitutes cannot apply for national health programs supporting workers during the pandemic. For example, Chasen, a prostitute at Sheri’s Ranch in Nevada, states: “We’re also independent contractors who don’t receive benefits. I don’t have health insurance and wouldn’t be able to afford the health care costs of the virus” [16]. The pandemic-related hardships elevated health concerns, abuse, and drug use among the entire population yet seemed higher among prostitutes.

Prostitutes do not have a balanced income and often need necessities such as food and housing. So, when faced with medical issues, prostitutes do not have the luxury of going to the hospital or local clinic; as a result, they often ignore the problem [17].

2. Solutions to the Problem: Organizations and non-profits that provide help to prostitutes

While most states within the United States criminalize prostitution, many organizations help them with legal issues, housing, and healthcare. These organizations include the World Health Organization, Global Network of Sex Work Projects, UNAIDS, and St. James Infirmary Clinic [18]. The prime objective of these organizations is the decriminalization of prostitutes, access to national support programs for prostitutes, and access to healthcare. NSWP, the Global Network of Sex Work Projects, is an international non-profit organization that unites prostitutes worldwide and fights for prostitutes’ representation in making international policies, justice, and decriminalization of prostitution. Some of their past accomplishments are organizing the “Sex Worker Freedom festival” and making prostitutes’ voices heard in a new updated UNAIDS report published in 2012 [18]. The NSWP has also published decriminalizing sex work recommendations supported by the World Health Organization. Whereas NSWP is more focused on policies, the St James Infirmary Clinic is a peer-based non-profit organization with a more hands-on approach to serving prostitutes in healthcare. They are based in the San Francisco Bay Area and are a healthcare facility “run by sex workers for sex workers” [19].

Apart from offering primary care treatments, such as physical exams, STD testing, and vaccines, St James infirmary also provides holistic treatments, including counseling, transgender hormone therapy programs, and harm reduction services [20]. However, even with the help of these organizations, many sex workers are still struggling to access healthcare jeopardizing secure income and, as a result, endangering the welfare of their families. According to

a study conducted by BMC International Health and Human Rights in Brazil, most female prostitutes used non-specialized public healthcare. This finding reports non-specialized, general healthcare visits consisting of about 40% conducting HIV testing and 51.5% having a Pap smear exam within the last two years [21]. Consequently, in Brazil, where prostitution is legal, they are not regulated by STD tests. Furthermore, prostitutes do not qualify for any support services at hospitals or clinics.

3. Decriminalization vs. the Legalization of Prostitution

The concepts of decriminalization and legalization are frequently confused, although they are vastly different concepts [22]. “Legalization is what Nevada practices: the direct regulation of prostitution by the government. This regulation may include an array of methods, from zoning requirements and advertising restrictions to mandatory tests for sexually transmitted diseases” [23]. On the other hand, decriminalization is the “removal of all criminal and administrative prohibitions and penalties on sex work, including laws targeting clients and brothel owners” [24]. The only country in the world that has fully decriminalized prostitution is New Zealand. While many European countries have legalized sex workers, it is still not fully decriminalized [25].

Many prostitutes prefer decriminalization over legalization. Decriminalization would allow prostitutes to work without running the risk of arrest and criminal sanction. As the access to healthcare would be voluntary instead of mandatory government regulated. Decriminalization could also reduce the amount of police violence committed against prostitutes. According to the Sex Workers Project, “Thirty percent of sex workers interviewed told researchers that they had been threatened with violence by police officers, while 27% experienced violence at the hands of police” [26]. Some statistics concluding the unethical treatment of prostitution: 82% had been physically assaulted, 68% had been raped while working as a prostitute, 44% of rapes involved the use

of a weapon, their “pimps beat 76%,” and customers beat 79% [27]. As a result, prostitutes are afraid to seek medical treatment or help from police officers due to fear of repercussions.

In addition, the decriminalization of prostitution may result in a safer environment for workers and the rights to operate their establishment, for example, a brothel. Furthermore, the decriminalization of prostitution could reduce sexually transmitted diseases, with workers feeling more comfortable negotiating contraception use with customers. According to the Open Society Foundations based on sex workers in New Zealand, they “have reported that Ministry of Health guidelines about the requirement that clients and sex workers use condoms have helped inform them of their rights and have proven useful in safer-sex negotiations with clients” [28]. Scott Cunningham’s and Manisha Shah’s 2017 study claimed the decriminalization of prostitution would improve public health, rape offenses, and the sex market. The study mentioned above references the 2003 incident where a Rhode Island district judge decriminalized indoor prostitution versus outdoor solicitation [29]. These studies reported that decriminalizing prostitution affects public health, rape offenses, and the sex market. Even though indoor prostitution rates increase, it lowers the violence rate and STD transmission. Their results originate from a synthetic model that decriminalized prostitution; there were 824 fewer reported rape offenses and 1,035 fewer cases of female gonorrhea [30]. Such numbers suggest that overall health and safety will improve.

Conclusion

Prostitutes prefer decriminalization over legalization. Decriminalization establishes prostitution as an everyday activity and not criminal activity. For example, we can relate the loss of control through legalization to the recent COVID-19 pandemic. When people are under government regulation, they feel controlled with limited freedoms. Although legalization and decriminalization both offer some benefits. These benefits include healthcare, less fear, and social

stigmas, as well as prostitution-related arrests from law enforcement.

In the light of the recent pandemic, the government has less power over unregulated prostitutes [31], as work continued during the shutdown. Although prostitutes received fewer customers, they were still able to work. In Nevada, where prostitution is legal, healthcare is not provided, and they could

still work. In Nevada, where prostitution is legal, healthcare is not provided for other legal industries. Furthermore, combined with limited healthcare access, benefits are still lacking. On the other hand, we all should protect the general public, as we learned through the pandemic. At least, the meager benefits prostitutes receive currently seem to benefit the greater good than the workers as a group.

Reference

1. <https://open.lib.umn.edu/socialproblems/chapter/9-4-prostitution/>
2. Weiner Adele Understanding the social needs of streetwalking prostitutes. *Social Work*, vol. 41, no. 1, 1996, p. 97+. Gale Academic OneFile, https://link.gale.com/apps/doc/A18164164/AONE?u=mlin_m_concord&sid=AONE&xid=6bf195b4. Accessed 17 July 2020. Syphilis, for example, was initially not considered a bacterial infection, instead it was thought of as a form of divine punishment for sexual promiscuity. See Faherty Anna. *The Prostitute Whose Pox Inspired Feminists*. Wellcome Collection, 2017, wellcomecollection.org/articles/WsT4Ex8AAHruGfWl.
3. Katherine Koster 17 Facts About Sexual Violence and Sex Work. *HuffPost*, HuffPost, 7 Dec. 2017, www.huffpost.com/entry/16-facts-about-sexual-ass_b_8711720.
4. https://www.who.int/hiv/topics/vct/sw_toolkit/general_conclusion_recommendations_english.pdf
5. <https://open.lib.umn.edu/socialproblems/chapter/9-4-prostitution/>
6. <https://docksci.com/worker-rights-and-health-protection-for-prostitutes-a-comparison-of-the-netherlands-5bd0e8b8d64ab20ba1706513.html>
7. <https://courses.lumenlearning.com/suny-hccc-socialproblems/chapter/9-4-prostitution/>
8. <https://prostitution.procon.org/questions/what-is-the-difference-between-the-decriminalization-and-legalization-of-prostitution>
9. England, Deborah C. "Prostitution in Nevada: Laws and Penalties." *Www.criminaldefenselawyer.com*, Nolo, 1 July 2014, www.criminaldefenselawyer.com/resources/prostitution-pimping-and-pandering-laws-nevada.htm.
10. Though this paper acknowledges that there are sex workers under the gender umbrella, this paper is mainly focused on women in the professional industry.
11. Rindels Michelle. The Indy Explains: How Legal Prostitution Works in Nevada. *The Nevada Independent — Your State. Your News. Your Voice*, 2018, thenevadaindependent.com/article/the-indy-explains-how-legal-prostitution-works-in-nevada.
12. "The Truth About Prostitution Laws In Nevada". Awaken, 30 June 2020, awakenreno.org/the-truth-about-prostitution-laws-in-nevada/.
13. NRS: Chapter 201 — Crimes against public decency and good morals, www.leg.state.nv.us/NRS/NRS-201.html.
14. <http://dpbh.nv.gov/uploadedFiles/dpbh.nv.gov/content/Programs/STD/dta/Providers/Regulations%20-%20Prostitution.pdf>
15. 18 Sunderland Mitchell. The Sex Workers Fighting for Better Health Care, 2017, www.vice.com/en_us/article/j5q9q4/the-sex-workers-fighting-for-better-health-care.

16. Chasen. I Work in a Nevada Brothel Shut down in the Pandemic. Here's How We're Getting by. Vox. Vox, May 8, 2020. <https://www.vox.com/first-person/2020/5/8/21249630/coronavirus-covid-19-sex-work-nevada-brothel>.
17. <https://www.simplyhired.com/salaries-k-prostitution-jobs.html>
18. <https://www.nswp.org/>
19. "Who We Are — St. James Infirmary." St James Infirmary, 1999, stjamesinfirmary.org/wordpress/?page_id=2.
20. [https://www.stjamesinfirmary.org/wordpress/?page_id=19](http://www.stjamesinfirmary.org/wordpress/?page_id=19)
21. Dourado Ines, et al. Sex Work Stigma and Non-Disclosure to Health Care Providers: Data from a Large RDS Study among FSW in Brazil. BMC International Health and Human Rights, no. 1, 2019. EBSCOhost, doi:10.1186/s12914-019-0193-7.
22. <https://www.newstatesman.com/politics/feminism/2015/10/difference-between-decriminalisation-and-legalisation-sex-work>
23. <https://www.criminaldefenselawyer.com/resources/decriminalizing-prostitution.htm>
24. <https://www.refworld.org/pdfid/50470a992.pdf#:~:text=decriminalizationrefers%20to%20the%20removal%20of%20all%20criminal%20and,without%20stigma%2C%20social%20exclusion%2C%20and%20fear%20of%20violence>
25. <https://www.refworld.org/pdfid/50470a992.pdf>
26. <https://indypendent.org/2012/03/sex-workers-in-the-shadows/>
27. https://www.researchgate.net/publication/279716838_Prostitution_and_Trafficking_in_9_Countries_Update_on_Violence_and_Posttraumatic_Stress_Disorder
28. <https://www.scribd.com/document/110303587/Decriminalize-Sex-Work-20120713>
29. <https://www.cato.org/research-briefs-economic-policy/effect-indoor-prostitution-sex-crimes-evidence-new-york-city>
30. Cunningham Scott, and Manisha Shah. "Decriminalizing Indoor Prostitution: Implications for Sexual Violence and Public Health." [Https://Www.nber.org/Papers/w20281.Pdf](https://Www.nber.org/Papers/w20281.Pdf), 2017, www.nber.org/papers/w20281.pdf.
31. <https://countercurrents.org/2020/07/prostitution-and-the-pandemic-social-distancing-and-stigmatisation-during-covid-19/>

Contents

Section 1. Gender Studies	3
<i>Jiaying Sun, Betty Wang</i>	
WOMEN AND GENDER IN ANCIENT EGYPT	3
Section 2. History.....	15
<i>Malakhov Sergei Viktorovich</i>	
CLOSENESS OF FEATURES, CHARACTERIZING EASTERN (SOCIALIST) AND COMMUNIST (SOCIALIST) SOCIETIES AND CONSIDERED IN THE WORKS OF K.H. MARX AND F. ENGELS	15
Section 3. Cultural Studies.....	35
<i>Shtyrbul Valentyn Yuriovich</i>	
VIEW ON ART AS A GENERATING MODEL OF REALITY	35
Section 4. Pedagogy	40
<i>Ismailova G. U., Lange Anja, Beishebaeva Zh. A.</i>	
PROFESSIONAL GERMAN FOR STUDENTS OF INFORMATION TECHNOLOGIES AND INFORMATICS AS A BLENDED LEARNING COURSE	40
Section 5. Political Science	50
<i>Le Nguyen Thi Ngoc Lan</i>	
QUALITY IMPROVEMENT OF HUMAN RESOURCES IN BINH PHUOC PROVINCE IN THE CONTEXT OF URBAN GOVERNMENT DEVELOPMENT.....	50
Section 6. Psychology	58
<i>Curasov Inga, Tolstaia Svetlana</i>	
THE VIEW OF MODERN TEENAGERS ON SEXUAL EDUCATION AT SCHOOL.....	58
Section 7. Philology and Linguistics	62
<i>Petrova Elka</i>	
LEXICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT “HONEY” IN CZECH LANGUAGE (STAGE FROM THE WRITING PROCESS OF A THESIS)	62
<i>Alexeev Igor</i>	
OPTIONAL PLOTS OF NOVEL “EUGENE ONEGIN” BY ALEXANDER PUSHKIN	66
Section 8. Philosophy	80
<i>Honcharov Semen Alexeyevich</i>	
«ABYSS» BY YU. V. MAMLEEV AND «SOPHIA» BY V. S. SOLOVYOV: THE POSSIBILITY OF INTERSECTIONS	80
Section 9. Economics and Management.....	91
<i>Borisik Olga Victorovna</i>	
ASSESSMENT OF INCLUSIVE ECONOMIC GROWTH OF THE MEMBER STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION.....	91

<i>Ismayilova Suraya Ahmed, Mursalova Nigar Vagif, Mammadova Ayshan Viladdin, Hasanova Aygun Aydin</i>	
APPLICATION OF INNOVATIVE BUSINESS MODELS IN THE DIGITAL ECONOMY	97
Section 10. Science of Law	101
<i>Dr. Hoang Ngoc Hai</i>	
PREVENTING VIOLATIONS OF LAW ON FIRE PREVENTION AND FIRE FIGHTING IN VIETNAM – THEORETICAL AND PRACTICE	101
Section 11. Sociology	108
<i>Zhang Ruoxuan</i>	
EXAMINING HOW THE LEGALIZATION OR DECRIMINALIZATION OF PROSTITUTION IMPACTS HEALTHCARE AND SOCIAL STIGMAS PERTAINING TO PROSTITUTION	108

